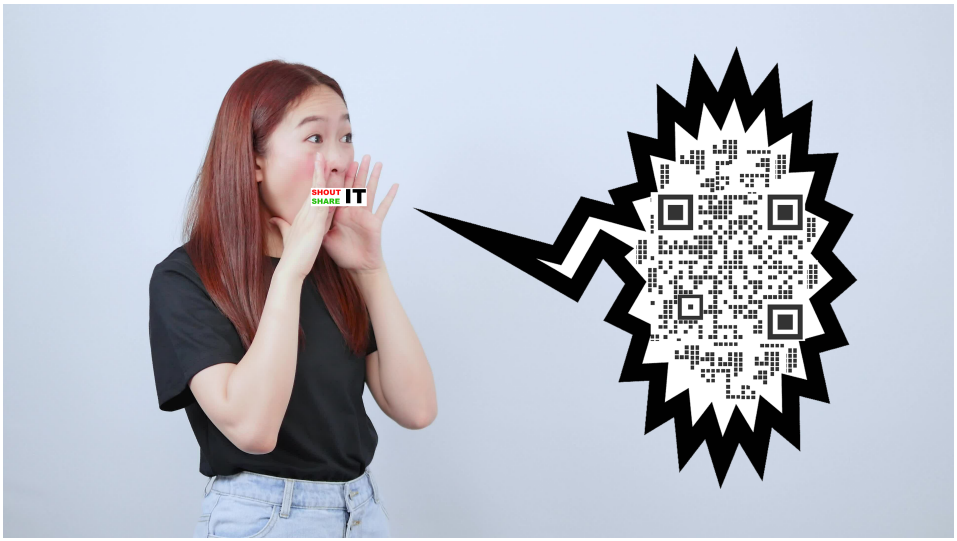
АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

ЛЕНИН

САМАЯ ПРАВДИВАЯ БИОГРАФИЯ ИЛЬИЧА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. В СССР про Ленина говорили, что он «вечно живой». И это – чистая правда. Совершенное им до сих пор вызывает жаркие споры: Ильичом либо восторгаются, называя «гением мирового масштаба», либо ненавидят, считая воплощением Антихриста.

Между тем эта многогранная фигура намного сложнее и богаче, чем плоский образ, созданный в начале советской, а затем постсоветской пропагандой. Ильич был не только теоретиком марксизма, революционером и создателем Советского государства, но и прекрасным рисовальщиком, талантливым шахматистом, любителем русской классики и хорошего юмора.

Эта книга впервые показывает читателю реального Ленина – живого человека, обладавшего как слабостями и недостатками, так и неоспоримыми достоинствами, человека, который смог кардинального изменить ход всей мировой истории.

- Александр Клинге
  - К читателю
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Послесловие
  - Основные даты жизни В. И. Ульянова-Ленина

Александр Клинге
Ленин. Самая правдивая биография Ильича

К читателю

Эта книга – о Ленине.

У каждого жителя нашей страны в возрасте от 40 лет и старше это имя сразу же воскресит в памяти далекое детство. В советские времена Ленин окружал нас повсюду. Его статуи стояли во всех больших и малых городах. Его лицо с хитрым прищуром смотрело на нас с пионерских значков, почетных грамот, даже денежных купюр. Именем Ленина называли колхозы, Дома культуры, заводы, институты.

В детских книжках Ленина изображали либо «маленьким Володей», который с детства умел все делать правильно, либо добрым дедушкой – лучшим другом советских детей. Для взрослых существовал целый культ Ленина, почти религиозный по своему характеру. «Ленин – наш бог», – бросал колхозник в лицо кулакам-бандитам в одном известном советском фильме. И он был глубоко прав. «Ленин – вечно живой», – говорила советская пропаганда. Ленин изображался в роли некоего сверхъестественного покровителя, способного прийти на помощь в трудную минуту.

И тихо, когда тебе трудно,
Придя за советом сюда.
Все мертвые спят беспробудно,
Но Ленин не спит никогда.

И руки на плечи положит
Ильич, наш товарищ в борьбе,
И если никто не поможет,
То Ленин поможет тебе.

Так писал Евгений Евтушенко в семидесятые годы. Отсюда до религиозного культа – уже рукой подать.

Даже когда началась перестройка и ниспровержение всех и всяческих идеалов, Ленина поначалу не трогали. Более того, говорили о возвращении к чистым истокам ленинских идей, к социализму с человеческим лицом. Только в самом конце восьмидесятых «самого человечного человека» решили свергнуть с пьедестала. Грубо и просто, поменяв все знаки на противоположные, превратив доброго дедушку и «небесного заступника» в злобного монстра, погубившего Россию. Выходит пасквиль Солоухина «При свете дня», а следом – двухтомная

биография, написанная Дмитрием Волкогоновым, недавним верным ленинцем и политическим пропагандистом, а теперь – «срывателем покровов».

Впрочем, интерес к Ленину довольно быстро угас. В глазах как сторонников, так и противников советской власти его заслонила мощная фигура Сталина. Действительно, коллективизация и массовые репрессии тридцатых – гораздо более удобный материал для «осуждения тоталитаризма», чем «красный террор» времен Гражданской войны (без подобного террора не обходилась пока ни одна крупная усобица в истории). А индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, превращение страны в сверхдержаву выглядят гораздо красивее, чем Брестский мир и НЭП.

В результате фигура Ленина оказалась, как это ни парадоксально может прозвучать, полузабытой. Даже те, кто любит или ненавидит его, делают это, как правило, на основе своих симпатий и антипатий к советскому строю в целом. Ильич превратился в выцветшую фотографию в старой газете, в человека, имя которого все знают, но весьма смутно представляют себе, кто же он такой.

Ну и хорошо, – вздохнет, может быть, кто-нибудь из читателей. Пусть поскорее уходит в небытие! Такому читателю я поспешу напомнить, что история имеет свойство повторяться. Конечно, не целиком и в точности, но иногда в очень существенных чертах. Сегодняшняя Россия имеет много общего с Российской империей конца XIX века. А значит, судьба Владимира Ильича Ленина – вне зависимости от того, плохо или хорошо мы к нему относимся, – вновь становится остроактуальной.

У Ленина было много ипостасей. Для жителей России он – пламенный революционер и первый глава советского государства. На Западе его помнят не в последнюю очередь как плодовитого писателя, ученого-марксиста, который внес большой вклад в разработку теории империализма. Он был и тем, и другим. А еще – живым человеком, таким же, как и мы. Насколько эта многогранная фигура сложнее и богаче, чем плоский образ, созданный сначала советской, а затем постсоветской пропагандой! Кажется, у нас до сих пор не было шанса это осознать.

Сегодня в России практически отсутствуют краткие, емкие, современные и в то же время непредвзятые биографии Ленина. Именно такую книгу мне хотелось бы написать. Насколько у меня это получилось – решать читателю.

Глава 1
Отличник

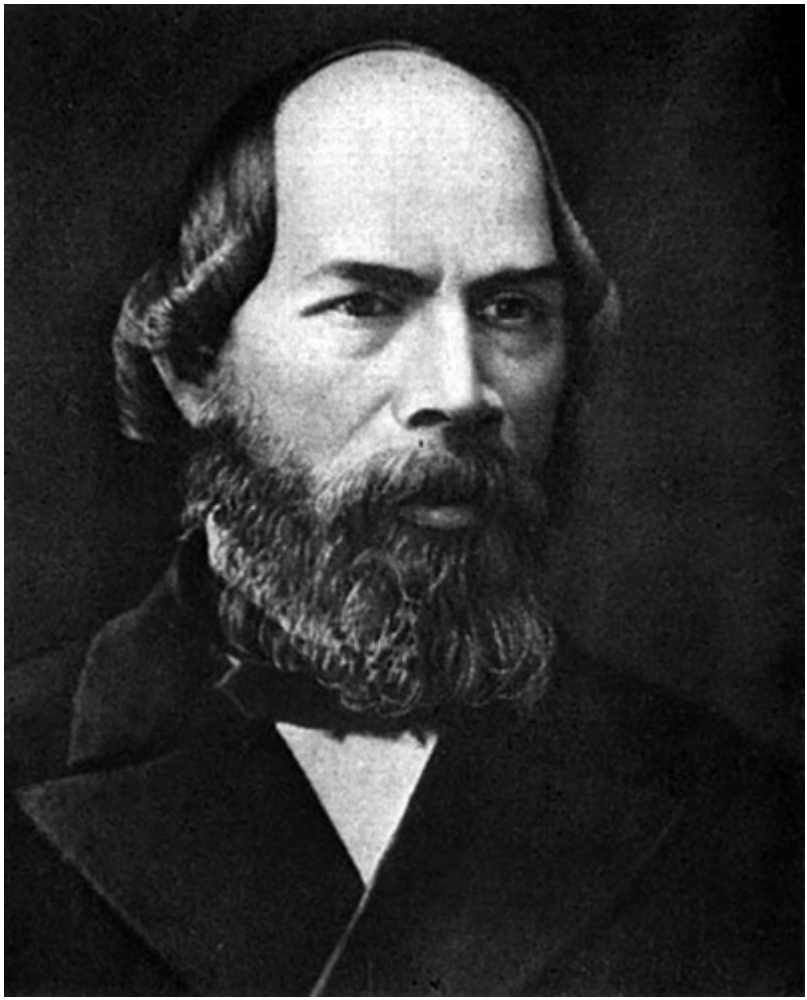
Биографию крупного политика принято начинать с рассказа о его предках. Ленинские биографии – не исключение. Более того, вопрос о предках Ленина (точнее, об их национальности) долгое время являлся одним из самых актуальных вопросов отечественной исторической науки. В советское время было принято изображать его стопроцентно русским человеком, поэтому новость о том, что в роду Володи Ульянова были евреи, стала в годы перестройки настоящей сенсацией. Хотя, если вдуматься, для России примесь «инородческой» крови – скорее правило, чем исключение.

Я позволю себе немного нарушить традицию. Какая разница, кем был и чем занимался прадед Ленина, если герой нашей книги его никогда в жизни не видел и не ощущал никакого влияния с его стороны? Вместо этого расскажу о тех, кто действительно внес огромный вклад в формирование личности будущего основателя советского государства.

Володя Ульянов родился 10 апреля 1870 года (по старому стилю; по новому, как известно всем советским пионерам, 22 апреля). Местом его рождения был стоявший на берегу Волги провинциальный городок Симбирск (сегодняшний Ульяновск). Володя стал третьим ребенком в семье, которая, как и многие тогдашние российские семьи, была многодетной. Сколько всего детей родилось у Ильи и Марии Ульяновых, точно неизвестно (по разным данным, от 7 до 9), но из младенческого возраста вышли шестеро.

Кем были родители Ленина? В советское время всячески подчеркивалось, что Ильич был плоть от плоти трудового народа. В девяностые иные авторы стали превращать его едва ли не в богатого помещика. Истина, как это часто бывает, лежит посередине.

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, родился в 1831 году в Астрахани. Некоторые историки предполагают, что в его жилах текла помимо русской калмыцкая кровь. Отец Ильи Николаевича был портным, достаточно обеспеченным по меркам того времени. Закончив с серебряной медалью Астраханскую гимназию, юноша поступил на физико-математический факультет Казанского университета и в 1854 году закончил его в числе лучших выпускников. Необходимость упорно трудиться, усвоенную им с младых ногтей, Илья Николаевич затем передал своим детям.



Отец Ленина – Илья Николаевич Ульянов.

Попробуйте мысленно «сбрить бороду», и увидите, как Ленин был похож на своего отца

Всю свою последующую жизнь отец Ленина посвятил преподаванию. Карьера молодого учителя медленно, но верно шла в гору. С 1854 по 1863 год он преподавал математику в Пензенском дворянском институте – школе для дворянских детей. Здесь, в Пензе, он познакомился со своей будущей женой Марией.

Мария Александровна Бланк была на четыре года младше своего мужа. В ее жилах текли еврейская, немецкая и шведская кровь. Отец Марии, Александр Дмитриевич Бланк, был крещеным евреем, еще в молодости полностью порвавшим со своими родственниками, перешедшим в православие и сделавшим впоследствии карьеру врача. Ему удалось дослужиться до чина

надворного советника и, по тогдашним российским законам, получить потомственное дворянство. В 1848 году он приобрел имение Кокушкино в Казанской губернии – сравнительно небольшую деревеньку в 15 дворов. После смерти Александра Дмитриевича в 1870 году Кокушкино осталось в совместной собственности его детей.

Мать Ленина получила прекрасное домашнее образование, владела тремя языками и в 28-летнем возрасте без особого труда сдала экзамен на получение звания домашней учительницы. Правда, своим правом преподавать она так никогда и не воспользовалась, если не считать обучения собственных детей.

В 1861 году Мария приехала в Пензу в гости к старшей сестре Анне – супруге директора того самого Дворянского института, где преподавал Илья. Вскоре молодые люди познакомились. У них оказалось немало общего, и они стали все больше времени проводить вместе. Он помогал ей в подготовке к экзамену, она учила его разговорному английскому. Дружба переросла в большое и светлое чувство. В августе 1863 года Илья и Мария сочетались законным браком.

Практически сразу же молодая семья уехала в Нижний Новгород, где Ульянов получил должность учителя математики и физики в мужской гимназии. Именно здесь родились старшие дети – дочь Анна (1864 год) и сын Александр (1866 год). В 1868 году родилась еще одна дочь, Ольга, но умерла во младенчестве. Это стало большим ударом для семьи Ульяновых.

В 1869 году Илья Николаевич Ульянов получил назначение на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Это была административная должность, фактически означавшая серьезное повышение по службе. Еще через пять лет отец Ленина станет директором губернских народных училищ, а в 1877 году получит чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство. Кроме того, за годы службы он был удостоен пяти орденов (о последнем награждении станет известно уже после его смерти).

Таким образом, Ленин был по своему происхождению дворянином. У нашего современника при слове «дворянин» в воображении всплывает богатая усадьба, лакеи и псовая охота. На самом деле эта картинка относится только к «сливкам» российского дворянства, к наиболее богатым и знатным семействам. К 1870 году в Российской империи было более полумиллиона потомственных дворян, из которых только каждый пятый владел хоть какой-нибудь землицей. Типичный русский дворянин второй половины XIX века принадлежал к прослойке общества, которую мы сегодня назвали бы средним классом.

Именно к этой прослойке принадлежала и семья Ульяновых. Жалованье Ильи Николаевича в начале 1870-х годов составляло около 80 рублей в месяц – сумма достаточно скромная. Перевести ее на сегодняшние деньги сложно (другое соотношение между ценами на различные виды товаров), но можно сказать, что в современных российских рублях Ульянов-старший получал около 50 тысяч. На эти деньги нужно было содержать семью и еще откладывать на свой собственный дом. Со временем жалованье выросло, с 1880 года к нему добавилась пенсия по выслуге лет, но в целом до богатства было еще очень далеко, хотя и в бедности Ульяновы не жили. Свой дом – двухэтажное деревянное строение, окруженное садом, – удалось купить только в 1878 году. До этого Ульяновы сменили в Симбирске шесть съемных жилищ. Накопить на свой собственный дом с садом удалось с большим трудом, для этого потребовалось много лет.

Но вернемся в 1870 год, когда в доме на Стрелецкой улице родился маленький Володя. У младенца были короткие, слабенькие ножки и непропорционально большая голова. «Либо очень глупый, либо очень умный он у вас выйдет», – сказала его матери повитуха, принимавшая роды.

Действительно, некоторое время этот вопрос оставался открытым. Володя очень поздно начал ходить (практически одновременно с сестрой Ольгой, которая была младше его на полтора года). Он часто падал и поднимал, как вспоминала впоследствии его старшая сестра, «отчаянный рев на весь дом». Однако неудачи совершенно не обескураживали его – успокоившись, он поднимался на ноги и снова отчаянно несся вперед – до следующего падения.

И в дальнейшем Володя оставался шумным ребенком, любил подвижные игры, беготню. Став постарше, он часто ломал свои игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены внутри. Домашние много лет спустя вспоминали, как он немедленно разобрал на кусочки только что подаренную ему лошадку из папье-маше.

И все же мальчик быстро стал в семье всеобщим любимцем. Ему прощались многие шалости, которые не сходили с рук другим детям. Правда, и сам Володя никогда не делал ничего исподтишка, а напроказив, сразу же честно сознавался в содеянном. Мальчик с золотыми кудрявыми волосами и бойкими карими глазами – таким вспоминали его впоследствии члены семьи, таким он запечатлен на детских фотографиях.

Первый снимок Володи Ульянова. Здесь ему всего четыре года, но кажется, что уже виден знаменитый «ленинский прищур»

Володя рано выучился читать. С самого детства учеба давалась ему легко. Мать достаточно много внимания уделяла его развитию, однако не мучила лишними занятиями. Когда Володя решил отказаться от игры на фортепиано, она спокойно приняла его решение, хотя и сожалела о нем.

Здоровье Володи с раннего возраста было предметом беспокойства родителей. В частности, их тревожило его косоглазие. Врач, которому показали мальчика, поставил неутешительный диагноз: косоглазие врожденное и неизлечимое. Лишь много позже, уже под конец жизни, Ленин узнал, что речь идет не о косоглазии, а о близорукости. А пока что у него выработалась привычка щурить один глаз – тот знаменитый «ленинский прищур», который знаком многим из нас с детства. В

1878 году Володя долго и тяжело болел малярией, и временами казалось, что его жизнь в опасности.

Для того чтобы ухаживать за мальчиком (а потом и за другими младшими детьми), Ульяновы в 1870 году наняли няню – Варвару Григорьевну Сарбатову. Анна Ильинична впоследствии вспоминала о ней так: «Она была из того типа старинных нянюшек, которые, не имея своей семьи, всецело прилеплялись к семье своих питомцев, которым отдавали не только заботу за жалованье, но искренно горячую любовь (…). Помню ее довольно объемистую фигуру, помню чисто русское, скуластое (…) некрасивое лицо с небольшими черными глазами и гладко зачесанными под (…) чепец черными с проседью волосами. Носила она обычно темные ситцевые или шерстяные платья с крупной белой клеткой или белыми горошинами, необъятные сборчатые юбки и широкие свободные кофты. Помощь ее была прежде всего чисто физической, а затем выражалась в огромной преданности питомцам, так и ко всей семье. Своей ноты в воспитание няня, конечно, не вносила. Тут она всецело подчинялась матери».

Что представляла собой семья, в которой рос будущий вождь революции? Первое, о чем нужно сказать: Илья и Мария Ульяновы были людьми, принадлежавшими к русской культуре. Своих детей они воспитывали не в немецкой, еврейской, шведской или калмыцкой традиции. Ульяновы были обычными русскими провинциальными интеллигентами, и их дети росли в соответствующей атмосфере. Поэтому любые спекуляции на тему национальности Ленина по большому счету не имеют никакого смысла.

Илья Ульянов был человеком, преданным своему делу. Работе он отдавал все свои силы, что и стало залогом его успешной карьеры. Даже в день рождения сына Владимира он находился на службе – принимал в типографии корректуру своего отчета о состоянии губернских народных училищ.

Человек прогрессивных (но не радикальных) взглядов, отец Ленина считал развитие народного просвещения важнейшей для страны задачей. Сама должность предполагала постоянные разъезды по губернии, и отца семейства часто подолгу не было дома. Тем не менее Ульянов-старший пользовался в семье непререкаемым авторитетом. Несмотря на занятость по службе, он старался уделять детям как можно больше внимания, подолгу гулял с ними вдоль Волги. Илья Николаевич строго следил за успехами детей в учебе, был сдержан, даже скуп на похвалу. Он был человеком очень начитанным, собрал дома хорошую библиотеку, и эту страсть к чтению унаследовали и его дети.

Основные хлопоты по хозяйству легли на плечи матери. Мария Александровна безропотно взяла на себя эту ношу и обеспечивала своему мужу, говоря современным языком, крепкий семейный тыл. Конечно, в одиночку справиться с домом и детьми она бы вряд ли смогла, но это было и не нужно. Уровень жизни большинства граждан Российской империи был очень низок, поэтому прислуга обходилась дешево. Каждый, кто в материальном отношении хоть сколько-нибудь приподнимался над бедностью, мог позволить себе домашних работников. В доме Ульяновых работали кухарка и домработница. Позднее, уже после переезда в собственный дом, для ухода за садом наняли садовника. Все это, повторюсь, не было признаком большого богатства – так жили представители среднего класса со сравнительно скромными доходами.

Семья Ульяновых регулярно посещала богослужения. Обычно ходили в расположенную неподалеку Богоявленскую церковь. Есть сведения, что Мария Александровна время от времени ходила в лютеранскую кирху, отдавая дань своим предкам. Однако все дети были крещены по православному обряду и воспитывались как православные христиане. В этом опять же семья Ульяновых ничем не отличалась от других семей российского среднего класса: православие было обыденной составляющей их жизни, выполнение обрядов – социальной нормой, о которой не особенно задумывались. Илья Николаевич был глубоко и искренне верующим человеком; по воспоминаниям дочери, «дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы». Однако его вера не была фанатичной, он был открыт для новых прогрессивных веяний времени.

Много времени Мария Александровна посвящала образованию и воспитанию детей. Как и многие представители среднего класса, Ульяновы хотели, чтобы их дети жили лучше, чем они. И здесь матери семейства всерьез пригодились навыки домашней учительницы. Ее дети знали иностранные языки, играли на музыкальных инструментах, были прекрасно воспитаны. Родители старались привить им те качества, которые считали важными для достижения успеха в жизни: любовь к упорному труду, тягу к знаниям, стремление к достижениям и личностному росту. «Поглощенная заботой о доме и детях, их кормлением, их болезнями, мать почти не имела знакомств в местном обществе, мало к тому же интересном», – вспоминала потом ее старшая дочь Анна.

Да и в целом семья Ульяновых жила достаточно замкнуто. Илья Николаевич общался с коллегами, посещал те мероприятия,

где обязан был присутствовать по должности. Однако активной светской жизни Ульяновы не вели, и близких друзей в Симбирске у них так и не появилось. Семья пользовалась всеобщим уважением, однако посторонние люди нечасто появлялись в доме Ульяновых. Приходили в основном коллеги Ильи Николаевича по службе. Глава семьи любил играть в шахматы, но его единственным партнером был пожилой управляющий Симбирской удельной конторы Арсений Белокрысенко. Он же, кстати, являлся крестным отцом Володи.

Впрочем, эта замкнутость не переходила нормальные границы. Определенные контакты Ульяновы поддерживали. Среди людей, близких к их семье, можно назвать семейство Ауновских, с которым родители Ленина познакомились еще в Пензе, публициста Валериана Назарьева с супругой, Льва Персиянинова (сыновья которого один год даже жили у Ульяновых), домашних докторов Ивана Покровского и Александра Кадъяна. Илья Николаевич покровительствовал молодым учителям, старался способствовать карьере тех младших коллег, которых считал достойными. Некоторые из них становились друзьями семьи.

Общались и с родственниками. Летом семья Ульяновых часто ездила в Кокушкино, в имение Бланков. Там дети могли вдоволь резвиться и играть на природе, а также общаться с родственниками по материнской линии. Менее тесными были контакты с астраханской родней.

Дети Ульяновых, совершенно в русле семейной традиции, тоже предпочитали дружить между собой, хотя этим круг их социальных контактов не ограничивался. Старшие помогали матери заботиться о младших. Семья устраивала музыкальные вечера с хоровым пением, дети вместе работали в саду, а каждую неделю совместными усилиями выпускали рукописный журнал «Субботник». «Помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала наши собрания», – вспоминала впоследствии Анна Ильинична.

В семье Ульяновых было принято проводить время вместе. Нередко устраивались литературные викторины. В большом почете были шахматы – Илья Николаевич выучил этой игре всех своих детей. «Шахматы любил наш отец, и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал их к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск. Мы все выучились играть», – вспоминала Анна Ильинична. Володя начал играть в шахматы в

восьмилетнем возрасте и достаточно быстро стал отличным шахматистом, обыгрывавшим даже отца. Эту страсть и мастерство он сохранил на всю жизнь.

Самым близким другом и товарищем по играм для маленького Володи являлась его сестра Ольга, которая была ему ближе всего по возрасту. Но самым большим авторитетом для мальчика стал его старший брат Саша. Володя часто подражал брату, стремился во всем брать с него пример. Родители даже беззлобно подшучивали над ним, говоря, что он старается все делать «как Саша».

Как и все дети тех лет, младшие Ульяновы играли в огромное количество самых разных подвижных игр – в индейцев, казаков, лапту, пятнашки, салочки… Придумывали и свои игры, например в «брыкаску». «Что такое «брыкаска»? – вспоминал впоследствии младший брат Дмитрий. – Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное. Мы с Олей сидим на полу и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» – Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках… Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно!»

С детства Володя неплохо рисовал. Именно мать научила его «тайнописи» – письму молоком, когда строчки, написанные на бумаге, проступали только при нагревании. Впоследствии это знание пригодилось ему в тюрьме. Мальчик любил петь (опять же эту склонность он сохранит на всю жизнь), но был равнодушен к музыкальным инструментам. Не было у него и какого-либо ярко выраженного хобби.

Как и все мальчики, Володя любил играть в солдатиков. Под руководством старшего брата дети вырезали из бумаги целые армии и устраивали сражения. Володя неизменно раскрашивал своих солдатиков в цвета армии северян времен Гражданской войны в США. Разгадка проста – к числу любимых книг мальчика принадлежал знаменитый роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Книга, посвященная борьбе негров-рабов за свободу, глубоко потрясла мальчика и стояла в его комнате на почетном месте. При желании именно чтение этой книги можно считать началом того пути, который превратил Ульянова в Ленина.

Но не будем забегать вперед. Володю, как и других детей в семье Ульяновых, начали рано готовить к поступлению в гимназию. Много внимания его обучению уделяла мать; однако нанимали и репетиторов, молодых учителей, знакомых Илье Николаевичу. Родители не стали отдавать Володю в

подготовительный класс, решив, что домашнее образование окажется эффективнее. И они оказались правы; по крайней мере, в 1879 году мальчик без особых проблем сдал сложные экзамены в Симбирскую классическую гимназию и был зачислен в первый класс вместе с 29 сверстниками. В той же гимназии, но несколькими классами старше, учился и его брат Саша.

Гимназия в дореволюционной России считалась элитной школой, открывавшей перед выпускником двери для поступления в университет и дальнейшей карьеры. Учились там в основном дети представителей российского среднего класса. Выходцы из низших слоев, пусть даже очень одаренные, имели мало шансов преуспеть – хотя бы потому, что обучение в гимназии было платным. Спустя несколько лет, в 1887 году, правительство и вовсе примет печально известный «циркуляр о кухаркиных детях», в результате чего, как было сказано в самом документе, «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

Учиться в гимназии было сложно. Уже в первом классе ученики должны были проводить в классах по 28 часов в неделю, восемь из которых были уроками латыни. Позднее к латыни добавлялся древнегреческий, так что к выпускному восьмому классу на древние языки приходилась примерно половина учебного времени. Столь важное место отводилось им не только потому, что изучение классической латыни и древнегреческого считалось отличной гимнастикой для ума. Чтение текстов античных авторов, полагали педагоги того времени, способствует воспитанию молодежи, прививает им правильную систему ценностей, учит добродетели.

Разумеется, знакомство с произведениями Цицерона, Гомера и Геродота не могло повредить подросткам. Однако проблема заключалась в том, что другим предметам уделялось явно недостаточно внимания. Гимназисты учили французский и немецкий языки, однако естественно-научные дисциплины (физика, химия, биология) преподавались в минимальном объеме. Весьма ограниченным и однобоким было и знакомство с русской литературой. Гимназисты должны были заучивать огромное количество стихотворений, однако все произведения, в которых был малейший намек на неблагонадежность, были исключены из школьной программы. Более того, директор гимназии даже запретил ученикам посещать городскую Карамзинскую библиотеку!

К слову сказать, этим директором был Федор Михайлович Керенский – отец того самого Александра Керенского, недолгое правление которого много лет спустя прервет бывший гимназист Володя Ульянов. Последний глава Временного правительства был на 11 лет моложе Ленина. Позднее, находясь в эмиграции, он вспоминал, что совсем маленьким мальчиком бывал с отцом в доме Ульяновых.

Ежегодно гимназисты должны были сдавать письменные, а иногда еще и устные экзамены. По их результатам многие оставались на второй год либо вовсе покидали учебное заведение. Достаточно сказать, что из набора 1879 года до получения аттестата зрелости дошли, ни разу не оставшись на второй год, лишь 8 гимназистов.

Но вернемся к Володе. На момент поступления в гимназию он был самым младшим в своем классе – ему было 9 лет и 4 месяца, в то время как минимальным возрастом считался 10-летний. Описывая его учебу в гимназии, трудно избежать шаблонных фраз, которыми обычно характеризуют отличников и которые в изобилии встречаются в биографиях знаменитостей. Учеба давалась Володе легко. В то время как многие его одноклассники не выдерживали огромной нагрузки и суровой дисциплины и «сходили с дистанции», будущий вождь революции получал только отличные оценки. Сказались качество домашнего образования и любовь к упорному труду, привитая с детства. Но налицо были и немалые способности мальчика; отец даже опасался, что Володя слишком легко справляется с нагрузкой и из-за этого не сможет воспитать в себе должного усердия. Любимыми предметами Владимира были древние языки (которыми он владел в совершенстве) и история.

«Способности он имел совершенно исключительные, – вспоминал впоследствии один из его одноклассников, Александр Наумов, писавший свои мемуары в эмиграции и потому не имевший никаких поводов восхвалять вождя. – Обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной наблюдательностью и необычайной работоспособностью, (…) я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но настолько мне тогда казалось, он все же недолюбливал таких господ, норовивших жить и

учиться за чужой труд и ум».

Другой одноклассник Ленина, поэт Аполлон Коринфский, вынес из гимназии похожие впечатления: «Не по годам серьезный, относящийся к приготовлению уроков, как к некоему священнодействию, но не имеющий надобности прибегать к практикующейся менее способными товарищами по классу «зубрежке», пробудивший во мне старые воспоминания «однокашник» – наш первый ученик. (…) Первый из сорока пяти, неизменный «пятерочник». (…) Семь лет мы были с ним вместе в гимназии, и он во все продолжение их оставался первым. Все предметы – от чистописания в младшем и до тригонометрии, космографии и логики в старших классах – были для него одинаково серьезными. И «латинист», и «грек», и «математик», и «словесник» – все учителя были для него непреложными вещателями истины, без основательного познания каковой непременно ощущался бы пробел в его образовании (…). И нужно было видеть, каким лихорадочным румянцем вспыхивало его лицо – до корней волос – в тех редких случаях, когда почему-либо он не мог сразу ответить на внезапно заставший его отвлеченное внимание вопрос того или другого преподавателя (…). Но на редкость обостренная сообразительность всякий раз вызволяла мальчика из непривычных затруднений. «Позвольте подумать! Сейчас, сейчас! – молящим тоном, торопливо повторял он. – Да, да… Сейчас…» И действительно, тотчас же разрешал смутивший было его на несколько мгновений вопрос. Непоколебимая репутация «первого из сорока пяти» блистательно восстанавливалась».

Ульянов-гимназист.
Знал ли он, какое будущее ему суждено?

В то же время было бы неправильно представлять себе Володю Ульянова книжным червем, проводящим все свое время за письменным столом. Сделав уроки, он любил гулять и играть в саду. Вместе с приятелем Володя пытался ловить птиц, бегал купаться и рыбачить (при этом однажды едва не утонул, провалившись в водоем с глубоким илистым дном), зимой катался на коньках. В общем, будущий лидер большевиков мало

чем отличался от своих сверстников. Впоследствии он вспоминал: «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь. Так широка… Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали. И над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня».

И внешне, и по своему характеру Владимир был очень похож на своего отца. Его старшая сестра Анна много лет спустя вспоминала: «Володя был вспыльчивым, что унаследовал от отца, на которого очень походил, и, как отец, он научился с годами побарывать эту вспыльчивость. Но, унаследовав от отца сложение, черты лица и характера: большую исполнительность, неуклонность в стремлении к поставленной цели, лично большую скромность и нетребовательность, консерватизм привычек и т. п., до мелочей – он был совершенно своеобразен по большей смелости и самоуверенности с детства. Отец, прошедший суровую школу воспитания, был очень скромным и застенчивым человеком. Строгое и замкнутое воспитание получила и мать, часто жалевшая впоследствии, что застенчивость много вредила ей в жизни. Эту дерзновенную смелость (…) пронес через всю свою жизнь один Володя. Конечно, свободные условия воспитания имели тут значение, но все же несомненное своеобразие типа было в Володе с раннего детства».

У мальчика были приятели, товарищи по играм, но не было близких друзей. Учитывая определенную замкнутость семьи Ульяновых, удивляться этому не приходится. «Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас – его товарищей, – вспоминал его одноклассник Наумов. – Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи беспрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его «душа» воистину была «чужая» и, как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь «потемками». В общем, в

классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал».

Примерно то же вспоминал и Аполлон Коринфский, говоря: «Он никогда ни с кем из нас не сближался на почве дружбы. Товарищеские начала соблюдались им неуклонно и неизменно; но не было случая, когда бы эти отношения переходили на более интимную плоскость. Он был для всех «наш», но ни для кого не был «своим». Это вносило уже известный элемент холодности, хотя нельзя сказать, чтобы эта холодность сбивалась на отчужденность». И все же приятели у Володи были, однако не из круга его одноклассников-гимназистов. Так известно, что он тесно общался с детьми коллег своего отца – Борисом Фармаковским и Николаем Стржалковским.

Пока Володя Ульянов корпел над трудами античных авторов, в стране происходили большие перемены. После убийства Александра II в 1881 году Россия вступила в полосу реакции. Илья Николаевич ни в коей мере не сочувствовал террористам и был вполне лояльным подданным империи. Однако происходившие в стране процессы затронули и его. В 1884 году представители духовенства раскритиковали директора народных школ за то, что он уделяет недостаточное внимание религиозному воспитанию в учебных заведениях. Спор с церковниками попортил отцу семейства Ульяновых много крови. Его и без того не слишком крепкое здоровье пошатнулось. Практически сразу же после Рождества 1886 года он слег. В семье поначалу не придали его недомоганию большого значения – решили, что обострилась хроническая болезнь желудка. Сам Илья Николаевич пытался делать вид, что все в порядке, и даже заняться служебными делами – тем самым, возможно, подписав себе смертный приговор. Днем 12 января он не пошел обедать со всей семьей; когда жена и дети уже сидели за столом, Ульянов-старший вышел из своего кабинета, обвел всех долгим взглядом и снова скрылся в дверях.

Через несколько часов его не стало. Приехавший уже к постели умершего доктор констатировал кровоизлияние в мозг. Напряженно работая, отдавая все силы своему призванию, обеспечив достойный уровень жизни своей семье, Илья Николаевич Ульянов подорвал свое здоровье. Организм уже немолодого мужчины не выдержал напряжения.

Хоронили его через три дня, 15 января. В Симбирске

Ульянова любили и уважали, поэтому на похороны пришло много людей – коллеги, подчиненные, ученики… «В местном обществе Илья Николаевич заслужил редкое внимание и уважение, – говорилось в некрологе, опубликованном в местной газете. – Смерть Ильи Николаевича была встречена как близкая для всех утрата. К 9 часам утра все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г-н вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса, духовной семинарии и все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его!) и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного (…) Гроб с останками покойного был принят на руки его вторым сыном, ближайшими сотрудниками и друзьями».

На могиле Ильи Николаевича вдова поставила скромный памятник. Теперь семье нужно было привыкать к гораздо более сложным материальным условиям.

Володя неожиданно для себя оказался самым старшим мужчиной в доме. Александр, студент Санкт-Петербургского университета, находился в Северной столице. Правда, «пятнадцатилетним капитаном» Владимиру становиться было не нужно: бразды правления твердо удерживала в своих руках Мария Александровна. Уже 14 января она подала прошение о назначении ей и детям пенсии в связи с утратой кормильца.

Смерть отца стала для Володи тяжелым ударом. Он не жаловался и не плакал, но его поведение серьезно изменилось. Он стал более своевольным, начал дерзить матери, так что приехавшему на летние каникулы старшему брату пришлось его урезонивать. «Человек очень способный, но мы с ним не сходимся», – сказал Александр о своем младшем брате. Володя стал также более замкнутым, ушел в себя, все больше времени проводил с книгами. Из его поведения не стоит делать какие-либо далеко идущие выводы. В конце концов, он был в самом сложном, переходном подростковом возрасте, когда многие даже без всяких жизненных потрясений начинают вести себя не вполне адекватно.

Гораздо более важна для понимания личности Ленина другая деталь. Перенесенная трагедия никак не сказалась на его учебе. Он продолжал упорно трудиться и считаться лучшим учеником в классе. В мае 1887 года он сдал десять выпускных экзаменов, и все – на «отлично». Гимназию Владимир Ульянов окончил с золотой медалью. Директор гимназии Керенский дал ему следующую характеристику:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью как самый достойнейший по

успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение».

И все же в бочке меда была ложка дегтя:

«Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и к характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, которые были красою школы, и вообще нелюдимости».

Однако нелюдимость сама по себе не была препятствием для блестящей карьеры. Перед выпускником Симбирской классической гимназии лежал путь в университет. Однако к этому моменту семейство Ульяновых потряс новый тяжелый удар.

Глава 2
Революционер

Александр Ульянов тоже окончил Симбирскую классическую гимназию с золотой медалью. Он был гордостью отца и кумиром для младшего брата. Казалось, у него на роду написано стать крупным ученым.

В 1883 году Александр уехал в столицу Российской империи. Он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Большую склонность к естественным наукам старший брат Володи проявлял еще в гимназии, особенно нравилась ему химия. Смерть отца стала для него большим потрясением, однако не помешала учебе и научной работе. В 1886 году он получил золотую медаль за научную работу по зоологии кольчатых червей.

Родные и не подозревали, что в том же году Александр примкнул к подпольной революционной организации народнического толка. Впрочем, первые «звоночки» зазвучали раньше: в 16 лет юноша порвал с православием и перестал ходить в церковь, критиковал затхлую атмосферу гимназии. Теперь террористическая группа «Народной воли», в состав которой он входил, задумала совершить покушение на Александра III. Покушение было запланировано на 1 марта 1887 года – шестую годовщину убийства предшествующего императора. Александр Ульянов продал свою золотую медаль, купив на вырученные деньги взрывчатку для бомбы. Он же составлял окончательный вариант программного документа своей группы. Молодые террористы рассчитывали, что убийство императора приведет к большим потрясениям и большим переменам в стране.

Однако охваченные революционным пылом студенты оказались плохими конспираторами. Петербургские сыщики, накопившие к тому моменту уже немалый опыт в борьбе с террористическими ячейками, быстро вышли на след организации и арестовали одного за другим всех членов организации, а также людей из их ближайшего окружения. Так, вместе с Александром была арестована его сестра Анна, также учившаяся в Петербурге (и, надо сказать, разделявшая взгляды брата, хотя и не замешанная напрямую в его деятельности).

На допросах Александр решился на смелый шаг: не отрицать своей вины, а целиком и полностью взять на себя ответственность за готовившееся покушение, а зал суда превратить в трибуну для пропаганды революционных идей. Он прекрасно сознавал, что это

решение вполне может стоить ему жизни.

В середине апреля 1887 года состоялся суд. На нем Ульянов и четверо его товарищей были приговорены к смертной казни.

Для Марии Александровны арест сына стал новым тяжелым ударом. Она немедленно написала на имя императора прошение о помиловании Александра. Ей разрешили встретиться с сыном, заключенным в Политическую тюрьму Петропавловской крепости. Александр бросился к ногам матери, однако прошение о помиловании подавать отказался: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить».

В конце концов, однако, под давлением родных прошение было написано: «Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием. Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи».

Старший брат Александр.

Для молодого Володи он был примером во всем – кроме пути в революцию

Однако император не проявил снисхождения. В мае 1887 года Александр Ульянов вместе с товарищами был повешен в Шлиссельбургской крепости.

Здесь самое время задаться вопросом: почему все дети Ульяновых, вполне благопристойной семьи российского среднего класса, ушли в революцию? Ведь пример Александра оказался не единичным. Не только его братья Владимир и Дмитрий, но и сестры стали борцами против самодержавия, подвергались арестам, находились под полицейским надзором, отправлялись в

ссылки. Почему они пошли совсем не тем путем, на который надеялся их отец?

Сам того не желая, Илья Николаевич сам открыл для своих детей дверь, которая вывела их на эту дорогу. Нет, он ни в коем случае не был революционером и являлся вполне лояльным подданным Романовых. Одна из его дочерей, характеризовавшая много позднее его взгляды как народнические, сильно преувеличивала. Илья Николаевич мечтал о преобразованиях в России, однако преобразованиях эволюционных. Он считал, что стране необходимы реформы, необходимо развитие и не в последнюю очередь – просвещение. Он постарался воспитать своих детей думающими людьми, с широким кругозором, открытыми для прогрессивных идей.

В ситуации 1880-х годов в царской России этого было вполне достаточно для того, чтобы встать на путь революции. Ниже мы еще будем говорить о том, что представляла собой та Россия, против которой собирался бороться Ленин. Сейчас достаточно сказать, что царский режим с его охранительной идеологией, стремлением придушить любые проявления свободной мысли, затхлой общественной атмосферой начисто проиграл сражение за умы молодежи. Популярность народнических идей, а затем и марксизма в России была далеко не случайной. Молодые романтики с горящими сердцами, еще не разменяв свой третий десяток, уже понимали, что стране нужны перемены, причем перемены радикальные. Революция казалась панацеей, способной разом поднять страну на новый этап развития, распахнуть окно навстречу свежему ветру. Не только Ульяновы, но и сотни, тысячи их сверстников с жадностью ловили эти новые идеи и готовы были следовать за теми, кто их проповедовал.

Но вернемся к семейству Ульяновых. После смерти Ильи Николаевича их материальное положение сильно пошатнулось. Пенсия, о которой хлопотала Мария Александровна, была назначена, однако ее размер не позволял жить по-прежнему. Единовременное пособие, тоже не слишком большое, было выплачено только через год (все это время прошение кочевало по инстанциям). Половину дома пришлось сдать квартирантам.

Новости об аресте, а затем и казни Александра еще сильнее изменили положение семьи в худшую сторону. Правда, на сей раз речь шла не о деньгах. Семья Ульяновых, еще недавно пользовавшаяся уважением, превратилась в изгоев в местном обществе. К ним стали относиться как к родственникам государственного преступника, каковыми они, по сути, и являлись. Крупская впоследствии вспоминала: «Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось «общество» к аресту его

старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок-учитель, приходивший ранее постоянно играть по вечерам в шахматы (…) Эта всеобщая трусость произвела тогда, по словам Владимира Ильича, на него очень сильное впечатление. Это юношеское переживание, несомненно, наложило печать на отношение Владимира Ильича к «обществу», к либералам».

Какие чувства испытал он при известии об аресте и казни Александра? Вне всякого сомнения, потеря любимого старшего брата, который являлся для него во многих отношениях образцом для подражания, потрясла юношу. Возможно, он не знал в точности мотивов Александра, но безоговорочно встал на его сторону. «Значит, Саша не мог поступить иначе, значит, он должен был так поступить» – такова была первая реакция Владимира на известие об аресте брата.

Более широко известна другая ленинская фраза: «Мы пойдем другим путем». В советское время ее часто приводили как доказательство наличия у 17-летнего юноши, почти подростка, более или менее четкой политической программы. Позднее сам факт произнесения этих слов стали подвергать сомнению – в конце концов, известны они только по воспоминаниям сестры Ленина Марии, которая в то время была еще маленьким ребенком. На деле, однако, обе эти версии маловероятны. Владимир вполне мог сказать эти (или похожие) слова, однако означали они скорее просто сожаление о том, что старший брат сложил свою голову, не добившись ровным счетом никакого успеха.

Каковы были политические взгляды Владимира в эту пору? «Он был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями – одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого, отрицательного, что ли, формирования личности. Но вне такого отрицательного отношения к окружающему – для него главным образом к гимназии – ничего определенно политического в наших разговорах не было», – вспоминала впоследствии старшая сестра Анна. С 16 лет Володя перестал ходить в церковь, однако никакой политической литературы будущий вождь не читал, зато увлекался Тургеневым. Говорить о том, что у него имелись какие-то революционные взгляды и тем более четкая программа действий, не приходится. Скорее всего, именно арест и казнь брата стали импульсом, пробудившим в юноше интерес к политике и направившим его по пути, который позднее приведет в стан революционеров. Свою роль сыграла и описанная выше

реакция симбирского общества – чувствовать себя «зачумленным» было явно болезненным переживанием.

Любимым автором семнадцатилетнего юноши стал Чернышевский. Роман «Что делать?» часто и справедливо критикуют за довольно слабые литературные качества, но у российской молодежи конца XIX века он пользовался большой популярностью. Чернышевский смог уловить и передать в своем романе идеи, буквально витавшие в воздухе. Для многих молодых людей того времени именно с чтения «Что делать?» начался путь в революцию. Ленин не стал исключением.

В советское время Чернышевского в обязательном порядке проходили в средней школе. У подавляющего большинства школьников в результате на всю оставшуюся жизнь формировалось отвращение к творчеству писателя. Ленин, будь он жив, скорее всего с пониманием отнесся бы к советским подросткам. Для чтения Чернышевского, считал он, необходима определенная зрелость; если прочесть его роман слишком рано, текст не вызовет ничего, кроме отвращения. Намного позднее, в 1904 году, Ленин, споря с одним из товарищей, заявил: «Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».

Еще более однозначно Ленин охарактеризовал роль романа Чернышевского в своей (и не только своей, жизни) написав однажды: «Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели должен он идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления». Без сомнения, в данном случае речь идет об одном из героев романа – революционере Рахметове. Этот идеализированный образ оказал на юношу большое влияние.

Таким образом, мы можем достаточно определенно установить время, когда Владимир Ульянов вступил на тропу, по которой придет к всемирной известности: лето 1887 года.

К этому времени в жизни семьи Ульяновых произошли новые перемены. Оставаться на прежнем месте после всех потрясений не

было никакого смысла. На семейном совете в мае 1887 года было решено уехать из Симбирска. Немедленно было подано объявление в местную газету о продаже дома. В конце июня Ульяновы отправились на пароходе по Волге в Казань. Их путь лежал в родовое гнездо – Кокушкино.

Только что окончивший гимназию, Владимир должен был определиться со своим будущим. Если бы не трагическая история с братом, он наверняка поехал бы учиться в Петербургский университет. Однако теперь путь в имперскую столицу был для него закрыт. Поэтому он решил поступать в Казанский университет, причем на юриспруденцию. Выбор Владимира казался неожиданным – старший брат, как и многие талантливые молодые люди того времени, избрал естественные науки, а учителя рекомендовали Владимиру поступать на филологию. Споры относительно причин, по которым молодой Ульянов решил стать юристом, не утихают по сегодняшний день. Возможно, профессия юриста казалась ему более перспективной с точки зрения карьерного роста. Возможно, он полагал, что именно юридическое образование будет наилучшим вариантом для профессионального революционера. «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки», – сказал Владимир своему двоюродному брату.

В конце августа 1887 года семья Ульяновых переехала в Казань, на съемную квартиру. Владимир был все-таки зачислен в списки студентов, несмотря на то что местное начальство всерьез сомневалось в благонадежности младшего брата казненного террориста. Дмитрий и Мария стали гимназистами. Казалось, жизнь семьи входит в нормальное русло. Жили Ульяновы скромно, но откровенной нужды ни в чем не испытывали – казенной пенсии и процентов с небольшого капитала, оставленного главой семьи, им вполне хватало.

В этот период Владимир попробовал начать курить. Мать пресекла эту вредную привычку, использовав в качестве главного аргумента финансовые соображения. Анна Ульянова вспоминала впоследствии: «Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат – хотя бы и копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) – он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же – и навсегда – бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае,

добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки».

Однако спокойствие в жизни Ульяновых оказалось поверхностным. Казанский университет того времени был не лучшим местом для того, чтобы отвлечь юношу от мыслей о протестной деятельности. В 1884 году здесь прошли масштабные студенческие волнения. В ответ университетское начальство начало «закручивать гайки» – студентов обязали носить форменную одежду, усилили полицейский контроль, увольняли всех заподозренных в неблагонадежности преподавателей, запретили деятельность всех студенческих организаций. Сквозь пальцы смотрели разве что на деятельность землячеств, объединявших студентов из одного региона. Поступив в университет, Владимир практически сразу стал членом Симбирско-Самарского землячества.

Достаточно быстро он нашел и контакт с местными революционерами. Осенью Владимир стал посещать близкий по своей идеологии к народникам нелегальный кружок, главой которого являлся Лазарь Богораз. Однако дальше нескольких встреч дело не пошло: пребывание свежеиспеченного студента Ульянова в Казани оказалось недолгим.

Очередная волна студенческого протеста поднялась в конце 1887 года. Не поддаваясь ни на какие уговоры, студенты Казанского университета громко требовали смягчения устава и отставки наиболее ненавистных должностных лиц. Ректор вместе с некоторыми профессорами попытался 4 декабря наладить диалог со студентами в актовом зале университета. Однако эффект получился прямо противоположным ожидаемому – в знак протеста около сотни студентов сдали свои студенческие билеты. Тогда власть обратилась к проверенному средству – репрессиям.

Казанский университет был закрыт (откроется он только в феврале 1888 года). В ночь с 4 на 5 декабря полиция провела серию арестов участников студенческих протестов. Среди арестованных оказался, разумеется, и Владимир Ульянов. 6 декабря ректором было принято решение исключить из университета 39 студентов, и снова Владимир оказался в их числе. Первокурсник Ульянов, согласно информации университетского начальства, был в первых рядах протестующих. Надежды на блестящую карьеру, казалось, рухнули безвозвратно.

Реакция властей была, впрочем, вполне закономерной. Трудно было рассчитывать на то, что Ульянов в дальнейшем образумится и станет лояльным подданным; гораздо более вероятным было его превращение в одного из лидеров университетских бунтарей, а блестящие умственные способности

только усиливали бы его популярность и сделали бы более опасным.

Сам Ленин много лет спустя вспоминал свой разговор с полицейским приставом, случившийся в те дни. «Видимо, приставу, судившему по наружности молодого студента, которому было тогда всего 17 лет, показалось, что этот молодой человек попал в историю случайно, благодаря «дурным» влияниям товарищей. Пристав заговорил: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, – ведь стена!» Ответ, однако, получился совершенно неожиданный. «Стена, да гнилая – ткни, и развалится!»

Молодой бунтарь подлежал высылке из Казани. 7 декабря он вместе с матерью отправился в «родовое гнездо» Кокушкино. Соответствующее разрешение было получено из органов внутренних дел; для этого Марии Александровне пришлось дать заверения в том, что она последует за сыном и будет тщательно контролировать его поведение. Потерявшая мужа, она теперь жила ради своих детей. В течение следующих десятилетий она, не разделяя их революционных идей, будет тем не менее по мере возможности защищать их и помогать им, в том числе в нелегальной деятельности. «Это просто святая» – так скажет однажды впоследствии Ленин о своей матери.

Пока что она хлопотала о том, чтобы Владимиру разрешили продолжить учебу хотя бы где-нибудь. Было очевидно, что прожить всю жизнь в деревенской глуши он не сможет. В мае 1888 года на имя министра народного просвещения было отправлено письмо с просьбой разрешить юноше вернуться в Казанский университет. В ответ пришел вполне закономерный отказ. Но, если студент Ульянов не является желанным гостем в российской высшей школе, возможно, ему будет дозволено получить образование за границей? Соответствующее прошение было отправлено – и тоже встретило отказ. В Министерстве внутренних дел считали (опять же вполне справедливо), что никаких полезных идей молодой бунтарь «в Европе» не нахватает.

В сентябре 1888 года семье, однако, разрешили вернуться в Казань. Здесь Владимир немедленно установил контакт с нелегальным кружком Федосеева. По своим убеждениям Федосеев представлял собой нечто среднее между народниками и стремительно набиравшими популярность марксистами. Молодой Ульянов с головой окунулся в интеллектуальную атмосферу кружка, активно обсуждал вместе со своими товарищами политическое и экономическое развитие страны, грезил о революции. Правда, сам по себе кружок Федосеева был довольно безобиден и являлся скорее дискуссионным клубом, чем боевой

ячейкой. Видимо, это до поры до времени и спасало его членов от ареста.

Чем же занимался Владимир основную часть времени? Особой необходимости работать у него не было – государственная пенсия до совершеннолетия (21-летнего возраста по тогдашним законам) платилась регулярно, невзирая на политическую неблагонадежность получателя. Молодой Ульянов читал. Читал много и жадно, как и прежде. Но если раньше в его библиотеке преобладала художественная литература, то теперь он знакомился с передовыми для того времени трудами политической, исторической и экономической направленности. Владимир читал Рикардо и Бокля, Маркса и Энгельса. И, конечно же, Дарвина, которого в те времена считали своим долгом прочесть все прогрессивно мыслящие образованные люди. «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем, с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику. (…) Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки, и не один раз. (…) Я читал Чернышевского «с карандашом» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. (…) Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант меня покорили», – вспоминал Ленин впоследствии. Свой любимый роман «Что делать?» он перечитал раз пять за это лето.

Книги, особенно «Капитал» Маркса, способствовали более четкому оформлению политических пристрастий юноши. Он становился марксистом. «Он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала, – рассказывала впоследствии его сестра Анна. – От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом».

Марксизм в те годы был новым и очень модным течением. Далеко не все, кто увлекался трудами Маркса, были революционерами. Как минимум с 1870-х годов существовало набиравшее силу направление умеренного «легального марксизма», представители которого действовали в дозволенных законом рамках и не собирались бунтовать. Легальные марксисты придерживались скорее либеральных взглядов, считали развитие капитализма в России безусловным прогрессом и потому

приветствовали его. Они не верили, что в стране существуют условия для успешной революции, споря по этому поводу с народниками. Разумеется, помимо легального активно развивался и «нелегальный» марксизм.

Чтением и участием в дискуссиях деятельность Ульянова не исчерпывалась. Он вместе со своим двоюродным братом Александром Ардашовым ходил в шахматный кружок, продолжая совершенствовать свое мастерство, несколько раз посещал театр. Однако Мария Александровна с растущей тревогой убеждалась в том, что ее сын уверенно идет по стопам старшего брата. Правда, сохраняется еще слабая надежда на то, что речь идет о юношеском максимализме, которым Володя со временем «переболеет». Или отставит в сторону, когда найдет себе настоящее дело.

С помощью жениха Анны Ульяновой, Марка Елизарова, Мария Александровна подыскивает небольшое имение. На глаза попадается хутор Алакаевка в Самарской губернии. Деньги на его покупку у семьи есть – это выручка от продажи дома в Симбирске (6 тысяч рублей) и банковский счет, оставшийся от Ильи Николаевича (2 тысячи). Сделка состоялась, и в мае 1889 года Мария Александровна с сыном и дочерями отправилась в Самару.

Алакаевка представлялась на первый взгляд сельской идиллией: красивые пейзажи, просторный деревянный господский дом. Мария Александровна надеялась, что ее сын может с головой уйти в управление имением и забыть про революционные идеи. Ей удалось уговорить Владимира выступить в непривычной для него роли помещика и одновременно управляющего. Однако идея, как и следовало ожидать, закончилась полным провалом. Дела в Алакаевке в реальности оказались плохи, а молодой Ульянов не горел желанием их исправлять. Единственная (и немалая) польза от материнской идеи заключалась в том, что Владимир избежал ареста – остальные члены кружка Федосеева были схвачены полицией летом 1889 года. За Ульяновым же был установлен негласный полицейский надзор.

Владимир совершенно не разбирался в сельском хозяйстве и не желал глубоко вникать в этот новый для него предмет. Он гулял, охотился и, конечно же, читал книги. Одновременно он изучал английский – третий для него иностранный язык (и пятый, если считать древние языки). Крепкого хозяина из него не вышло. Более того, он не особенно стремился общаться с местными крестьянами, которые, в свою очередь, относились к новым господам без всякой симпатии.

В советское время праздный образ жизни, который вел

молодой Ленин, стремились всячески затушевать. В постсоветское, напротив, сделали одной из главных мишеней для критики Ильича. Дескать, нашелся защитник интересов угнетенных – изнеженный барчук, который этих самых угнетенных видел разве что на картинках!

Однако насколько справедливы эти упреки? Хорошо известно, что ни Маркс, ни Энгельс, ни подавляющее большинство других революционных идеологов XIX века не являлись выходцами из рабочих или крестьян. У основной массы населения не только Российской империи, но и стран Западной Европы того времени просто не было ни необходимого образования, ни времени для того, чтобы создавать какую-либо теорию, в том числе революционную. Чтобы обзавестись достаточными знаниями, читать огромное количество литературы, много размышлять и писать, необходим был досуг. Досуг, которого у простых людей того времени элементарно не могло быть. Поэтому в том, что революционерами и идеологами революции становились люди сравнительно обеспеченные, нет ничего странного – удивительно было бы как раз обратное. Ну а то, что эти представители тогдашнего образованного сословия умели думать не только о себе, собственном кошельке и карьере, только делает им честь. Впрочем, многие их современные критики искренне не понимают такой расстановки приоритетов.

Ленин, действительно, был в определенной степени далек от народа. В том смысле, что он не пахал землю вместе с крестьянами и не помогал волжским бурлакам таскать баржи, как его любимый герой – революционер Рахметов. Однако он совершенно не был далек от народа так, как были далеки французская королева Мария-Антуанетта (по легенде, искренне недоумевавшая, почему простолюдины волнуются из-за нехватки хлеба – они ведь могут есть пирожные!) или вице-премьер РФ Игорь Шувалов (которому кажется смешным, что квартирки площадью всего 20 квадратных метров пользуются спросом). Ульяновы жили отнюдь не во дворцах, ходили по тем же улицам, что и простые смертные, и отлично представляли себе, как живется в Российской империи простым людям, не относящимся ни к привилегированным сословиям, ни к среднему классу. Для этого совершенно необязательно было самому становиться грузчиком или свинопасом.

Вернемся в Алакаевку. К концу лета Марии Александровне стало совершенно ясно, что ее затея не удалась. В начале сентября семейство перебралось в Самару, оставив имение наемному управляющему. В дальнейшем Алакаевка будет использоваться семьей Ульяновых как дача. В 1893 году ее

впервые попытаются продать, однако сделка сорвется, и продажа состоится только в 1897 году.

В Самаре Владимиру не потребовалось много времени для того, чтобы войти в контакт с местными революционными кружками. Здесь они тоже носили характер преимущественно дискуссионных клубов, практическая деятельность сводилась в лучшем случае к расклейке листовок. Впрочем, это трудно считать упреком: деятельность народников (в том числе террористическая) очевидно зашла в тупик, а возможность осуществить революцию в стране силами небольших кружков ни у кого иллюзий не вызывала.

Ульянов стал членом кружка Алексея Скляренко и быстро превратился в одного из его лидеров. Он же во многом задавал тон в кружке: одной из главных задач считалось самообразование, причем не только в сфере революционной теории, но и в вопросах истории, культуры, экономики. Сам Владимир читал на заседаниях кружка доклады по экономической истории России.

Самообразования ему, впрочем, было мало; он отправлял прошения разрешить ему возобновить учебу в университете. «В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел возможность убедиться в огромной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не имеющему специального образования». Ульянов слегка лукавил – его попытки «найти занятие», мягко говоря, были не особенно интенсивными. Он все глубже уходил в революционную деятельность.

Революционные ячейки поддерживали между собой контакты. На заседаниях кружка Скляренко, в частности, неоднократно выступали представители различных социалистических течений из разных городов России. Сам Алексей Скляренко склонялся скорее к аграрному социализму и с уважением относился к идеям народников. Впрочем, четкого водораздела между представителями различных левых движений в те годы еще не существовало, и народники легко уживались с марксистами в одном кружке. Ничего удивительного не было в том, что среди друзей молодого Ленина были люди разных взглядов. Позднее отношения со многими из них прервутся.

Внутри кружка Скляренко шли оживленные дискуссии. Владимир в соответствии с теорией Маркса считал развитие капитализма в России не только неизбежным, но и прогрессивным явлением, которое следует всячески приветствовать. Его товарищи, в первую очередь Скляренко, обращали внимание на большую цену, которую российскому крестьянству приходится платить за этот прогресс. Молодого

Ульянова они порой в запале споров упрекали в черствости. Однако тот настаивал на своем: чем скорее Россия станет капиталистической страной, тем быстрее созреют предпосылки для перехода к следующей стадии.

Члены кружка не только встречались на квартирах и вели дискуссии. Они предпринимали совместные походы, даже небольшие путешествия по реке на парусной лодке. Ульянов любил речные прогулки и в одиночестве. Впоследствии, уже находясь в эмиграции, он рассказывал одному из сподвижников, что, «живя в Самаре, несколько раз совершал на лодке один, без компаньонов, четырехдневное путешествие по Волге, по маршруту, названному самарскими любителями лодочного спорта «кругосветкой». Из Самары нужно было спуститься вниз по Волге, огибая Жигули, следуя по излучине реки, так называемой Самарской Луке. В километрах 70 от Самары на правом берегу Волги у села Переволоки лодка перетаскивалась в речку Уса, текущую позади Жигулей, параллельно Волге, но в обратную сторону и впадающую в Волгу выше Самарской Луки, почти напротив Ставрополя. Выплывая на Волгу, возвращались в Самару. «Круговое» путешествие не было трудным: по Волге и по Усе все время были вниз по течению. Трудно было «волочить», перетаскивать лодку от села Переволоки в Усу – около трех километров».

В 1890 году Владимир Ульянов, наконец, получил положительный ответ от Министерства народного просвещения. Восстановиться в университете ему не разрешили, однако позволили попытаться сдать экзамены экстерном. В июне он начал готовить документы. Поступившая в том же году на Высшие женские курсы в столице сестра Ольга привозила ему все необходимые книги.

Судьба любимой сестры Владимира, к слову, также складывалась непросто. Окончив гимназию с золотой медалью, как и оба старших брата, она тем не менее некоторое время не могла найти себе занятие. Все ее попытки сделать карьеру учительницы разбивались об отказ со стороны властей: сестре государственного преступника не место в системе образования. Только весной 1890 года ей разрешили продолжить обучение в столице.

Владимиру Ульянову 20 лет.

Да, именно в этот период он больше всего был похож на Леонардо Ди Каприо, с которым его любят сравнивать в российском Интернете

Уже весной 1891 года Владимир был готов к испытаниям и получил разрешение отправиться в Санкт-Петербург. Здесь он проводил много времени с сестрой, которая взяла на себя заботу о нем. «Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье, – писала Ольга матери в Самару. – Во-первых, Володя – олицетворенное благоразумие, во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал два

предмета и из обоих получил по 5».

Назвать экзамены, которые сдавал Ульянов, легкими вряд ли повернулся бы язык у любого человека, более или менее знакомого с сутью испытаний. Успешная учеба на юридическом факультете и без того представляла собой сложную задачу, требовала прекрасной памяти, умения систематизировать материал и быстро обрабатывать в голове большие объемы информации. А со сдающих экстерном спрашивали еще строже, чем с обычных студентов. Профессора, принимавшие экзамены, совершенно обоснованно стремились убедиться в том, что проходящий испытания действительно полностью знает материал. Для того чтобы за год освоить университетский курс и потом блестяще сдать экзамены, нужны были недюжинные способности и талант.

И они у Ленина имелись. Экзамены он сдавал на высший балл. Правда, первая, весенняя сессия была омрачена семейной трагедией. В конце апреля Ольга заболела. У нее диагностировали брюшной тиф – достаточно распространенное заболевание в Российской империи того времени (год спустя и сам Владимир переболеет им, хотя и в легкой форме). Сначала прогнозы были благоприятные, однако затем состояние пациентки ухудшилось. В первых числах мая Владимир отправил матери срочную телеграмму с просьбой приехать. Однако Мария Александровна опоздала: Ольга скончалась 8 мая, так и не дождавшись матери. Девушку, которой не исполнилось и двадцати лет, похоронили на лютеранском Волковском кладбище. Организацией похорон занимался Владимир, однако на том, чтобы его сестру отпевал лютеранский пастор, настояла именно мать. Возможно, отдав символическую дань вере своих предков, она тем самым хотела обрести опору в водовороте напастей, обрушившихся на семью Ульяновых.

Владимир тяжело переживал потерю любимой сестры, но не показывал это внешне. Он с головой ушел в учебу. Впереди у него была не менее сложная осенняя сессия – в общей сложности за 1891 год ему предстояло сдать один письменный и тринадцать устных экзаменов. Итог был блестящим: Ульянов оказался единственным выпускником 1891 года, получившим по всем предметам высший балл! В ноябре он вернулся в Самару с университетским дипломом первой степени.

Учитывая интеллект, волю и трудолюбие Владимира, из него мог бы выйти блестящий юрист. Тем более что необходимая хватка у него тоже имелась. Известна история, относящаяся к более раннему времени: в Сызрани Ульянов вместе с Марком Елизаровым наняли лодочника, чтобы переправиться через Волгу.

На середине реки лодку остановил паром, принадлежавший купцу Арефьеву, считавшему переправу пассажиров своим исключительным правом. Владимира и Марка едва ли не силой заставили подняться на борт парома. Ульянов тщательно записал имена капитана и членов экипажа и, вернувшись в Самару, подал судебный иск. Арефьев избрал тактику затягивания процесса, рассчитывая, что юноше надоест дело, которое не принесет ему лично никакой выгоды. Однако купец грубо просчитался и в итоге на месяц отправился в тюрьму. Справедливость была восстановлена.

Получив диплом юриста, Ульянов в начале 1892 года поступил к своему давнему знакомому, адвокату Хардину, на должность помощника присяжного поверенного. За следующие полтора года он провел около 20 дел, защищая главным образом представителей бедноты.

Дебют Владимира Ульянова состоялся в марте 1892 года. Ему предстояло защищать крестьянина Муленкова, обвиняемого в богохульстве и оскорблении персоны императора. В результате умелой защиты Ульянов смог оспорить большинство доказательств, и Муленков вместо каторги получил лишь год тюрьмы.

Хотя большинство подзащитных Ульянова обвинялись в мелких кражах, были и более сложные дела. На железнодорожной станции Безенчук получил ранения путевой рабочий и погиб его девятилетний племянник; ручная вагонетка, на которой они ехали, столкнулась с внезапно покатившимися под откос пустыми вагонами. Одним из обвиняемых по делу был начальник станции Языков, проявивший преступную халатность. Владимир Ульянов, кропотливо разобравшись в ситуации, доказал, что целый ряд обстоятельств, в результате которых произошла трагедия, были неподвластны начальнику станции, а получивший ранения рабочий не имел права пользоваться ручной вагонеткой и тем более катать на ней детей. Кроме того, молодой юрист представил суду свидетельства безупречной службы Языкова в прошлом: он имел награды за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, а за годы работы на железной дороге к нему не было ни одного нарекания. Владимир попросил принять во внимание искреннее раскаяние и полное признание подзащитным своей вины. В итоге вместо длительного тюремного срока Языкову назначили штраф в 100 рублей или месяц ареста в случае невозможности уплаты.

Всего в Самарском окружном суде Ульянов участвовал, по некоторым данным, в 14 уголовных и 2 гражданских делах. Оба гражданских дела он выиграл. Что касается уголовных, то в пяти

случаях он добился полного оправдания своих подзащитных, одно дело закончилось примирением сторон, в остальных случаях наказание было существенно смягчено. Хардин, наблюдая за своим молодым помощником, говорил, что тот со временем станет выдающимся юристом.

Однако такая карьера Ульянова не привлекала. В деньгах он не нуждался, поэтому брался за те дела, за которые хотел. Так, известна история, когда он отказался защищать богатого купца Красикова. «Заведомого вора защищать неохота!» – объяснил молодой юрист коллегам. На возражение одного из присутствовавших, что всякий преступник имеет право на защиту, Ульянов ответил: «Против права вора брать себе защитника не возражаю, отвергаю только право защитника брать воровские деньги за защиту!»

Одновременно с юридической практикой Владимир продолжил подпольную деятельность. Он вел активную переписку с казанским марксистом Николаем Федосеевым. Молодые люди обсуждали перспективы русского крестьянства. Ульянов, как и прежде, отстаивал необходимость и желательность утверждения в России капиталистических отношений по европейскому образцу.

Летом 1893 года Мария Александровна с младшими детьми, Дмитрием и Марией, решила перебраться в Москву. Владимир тоже стремился покинуть Самару, где, как он считал, был недостаточный простор для его деятельности. Он хотел общаться с ведущими левыми интеллектуалами, составить себе имя в революционных кругах. Его путь лежал в Петербург.

В августе 1893 года он отправился в путь, останавливаясь в Нижнем Новгороде и Москве. Прибыв в Петербург, Ульянов снял комнату на Ямской улице. Благодаря полученной от Хардина рекомендации он был зачислен помощником присяжного поверенного к адвокату Волкенштейну. Правда, из-за политической неблагонадежности молодого юриста выдача ему свидетельства, позволявшего заниматься адвокатской практикой, затянулась на полтора месяца. В течение последующих двух лет он регулярно посещал Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде, давал юридические консультации, представлял отчеты о своей деятельности. Как и в Самаре, адвокатская деятельность не занимала большого места в его жизни. Ульянов ехал в столицу не для этого.

С момента прибытия он разворачивает активную деятельность, штудируя литературу по политэкономии и знакомясь с местными марксистами. В Петербурге он впервые решает взяться за перо, отправив в журнал «Русская мысль» статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

Статья представляла собой ответ на недавно вышедшую книгу экономиста Постникова. Ульянов интерпретировал приведенные в книге данные о положении крестьянства с марксистских позиций, заявляя, что в российском сельском хозяйстве уже господствуют капиталистические отношения. Однако редакция журнала отказалась публиковать статью неизвестного молодого человека, сочтя его точку зрения недостаточно аргументированной.

В конце 1893 года Ульянов стал принимать участие в собраниях марксистского кружка Технологического института. В жарких спорах он по-прежнему отстаивал точку зрения о том, что Россия успешно идет по пути капиталистического развития и продвинулась достаточно далеко. Однако появилось и новое: Ульянов требовал от своих товарищей, чтобы они не просто обсуждали проблемы экономического развития страны, а вносили реальный вклад в дело подготовки революции.

В конце февраля 1894 года на заседание кружка пришли известные в столичных кругах легальные марксисты Струве и Туган-Барановский. Между ними и Ульяновым разгорелась ожесточенная дискуссия. Гости вынесли из нее противоречивое впечатление: с одной стороны, юноша выступал в роли ортодоксального марксиста, считавшего «Капитал» Маркса едва ли не источником абсолютной истины. С другой, они отмечали влияние на него народнических взглядов, которое, возможно, он сам не осознавал. Вердикт был прост: Ульянов еще слишком молод, ему надо набраться опыта, в первую очередь съездить в Европу, о которой он имеет весьма поверхностное, схематическое впечатление.

Действительно, молодой человек восхищался радикальными народниками Ткачевым и Нечаевым, отстаивал необходимость насильственного свержения существующей власти, ненавидел дом Романовых (в этой ненависти, разумеется, были и личные мотивы). Честолюбие Владимира Ульянова заставляло его стремиться к лидерским позициям внутри кружка – этим во многом объясняется его полемический задор, его стремление выступать в роли «чистого», ортодоксального марксиста. Более того, юноша хотел оказывать влияние на интеллектуальную жизнь российской столицы. Рамки кружка были для него слишком узкими.

В конце 1894 года Владимир написал реферат на книгу Струве «Критические заметки». В нем он продолжил полемику с одной из ключевых фигур в рядах российских легальных марксистов. Ульянов, впрочем, обвинял Струве в том, что никаким марксистом тот на самом деле не является, а представляет собой всего лишь «мелкого буржуа». Особенно

жесткой критике подвергалась идея о возможности мирного поступательного развития страны. Юноша полагал, что без революции обойтись невозможно, более того – тот, кто не принимает необходимости революционных преобразований, не может считаться марксистом. Брошюра была отпечатана на гектографе и широкого распространения не получила, в том числе и потому, что Министерство внутренних дел распорядилось арестовать и уничтожить ее тираж.

В то же время Владимир понимал, что в одном его критики правы: его представления о зарубежной Европе действительно почерпнуты в лучшем случае из книг и могут не отражать действительности. Опыт пребывания за границей, который в те времена среди российской интеллигенции самых разных политических взглядов считался едва ли не обязательным для всех образованных людей, был ему остро необходим. На его счастье (и к некоторому удивлению), соответствующее разрешение со стороны государственных органов было получено. В апреле 1895 года Ульянов впервые покинул пределы России.

Первой страной, лежавшей на его пути, была Австро-Венгрия. Здесь Владимир с некоторой досадой обнаружил, что плохо понимает разговорный немецкий язык. Правда, вполне возможно, что речь шла о местном диалекте. Из Австро-Венгрии он отправился в Швейцарию, где посетил известного врача с жалобами на боли в желудке. Врач прописал ему здоровое питание и минеральную воду. Из Швейцарии Ульянов отправился в Париж, а затем в Берлин, где работал в библиотеке. Германия в конце XIX века считалась центром европейской и мировой науки, поэтому нет ничего удивительного в том, что молодой человек особенно жадно изучал именно немецкую литературу.

Однако главной задачей Владимира была встреча с марксистами, проживавшими за границей. К их числу принадлежал в первую очередь Георгий Валентинович Плеханов. Родившийся в 1856 году, он являлся ярким представителем первого поколения российских марксистов. В 1870-е годы Плеханов был одной из ведущих фигур в стане российских народников, принадлежал к числу руководителей знаменитых организаций «Земля и воля» и «Черный передел». В 1880 году он эмигрировал в Швейцарию, постепенно отошел от народнических идей и в 1883 году основал первую российскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Когда Володя Ульянов еще сидел в гимназическом классе и не особенно задумывался о политике, Плеханов уже считался патриархом российских марксистов.

Ульянов встретился с Плехановым в Цюрихе в мае 1895 года.

Они произвели друг на друга весьма благоприятное впечатление и договорились тесно сотрудничать. Впоследствии их пути разойдутся, но уважение к Плеханову Ленин сохранит до конца своей жизни. «Это лучшее во всей международной литературе марксизма», – писал он в 1921 году в одной из своих статей о философских работах Плеханова.

Затем Владимир Ульянов познакомился с другим видным социал-демократическим деятелем, Павлом Борисовичем Аксельродом, который также проделал путь от одного из руководителей народников до марксиста. Гость из России прожил в семье Аксельродов две недели. Ульянов произвел на ведущих социал-демократов весьма благоприятное впечатление не только своей преданностью делу и энтузиазмом, но и своим интеллектом.

Встречался Владимир и с представителями европейской социал-демократии. В Париже он познакомился с зятем Маркса Полем Лафаргом, крупным теоретиком марксизма и первым депутатом-социалистом во французском парламенте. В Германии общался с Вильгельмом Либкнехтом, одним из лидеров немецкой социал-демократической партии. Одним словом, осенью 1895 года Ульянов вернулся в Петербург уже другим человеком – человеком со связями, получившим благословение со стороны ведущих российских марксистов. Через границу он провез чемодан с двойным дном, в котором лежало большое количество нелегальной литературы.

Популярность Ульянова росла не только среди его товарищей. Повышенное внимание к нему проявляли и органы правопорядка. От самой границы за ним была установлена слежка. Даже таможенникам было отдано распоряжение не слишком строго досматривать молодого бунтаря, чтобы не спугнуть его раньше времени и выявить весь его круг общения.

В Петербурге Владимир сразу же берется за реализацию честолюбивых планов. Время кружков прошло, настало время более серьезной организации, которая охватила бы всю страну. На место дискуссий должны прийти реальные дела. Здесь ему сопутствовала удача – в октябре 1895 года в Петербург после ссылки в Вильно вернулся еще один молодой марксист, Юлий Мартов. У Мартова был богатый опыт организации социал-демократических кружков, а также пропаганды среди рабочих. Как и Ленин, он считал необходимым значительно расширить масштаб усилий и перейти от дискуссий к практической деятельности. Неудивительно, что два молодых бунтаря быстро нашли общий язык и подружились.

В ноябре 1895 года была образована организация – «Союз

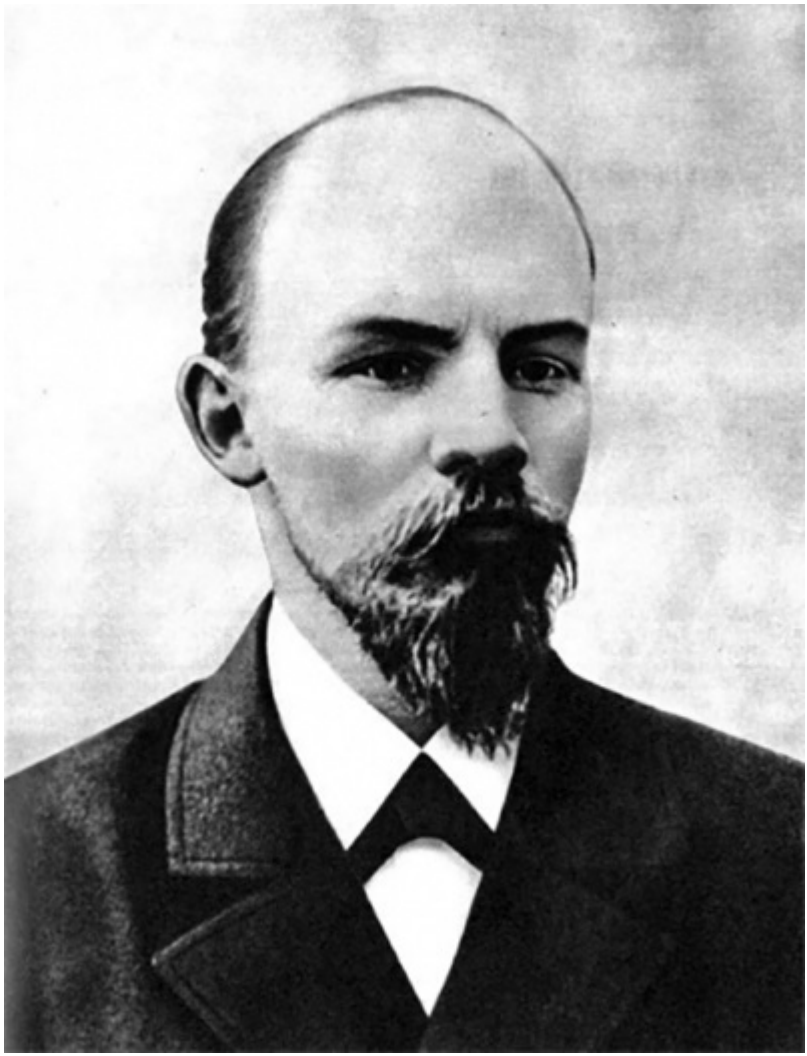
борьбы за освобождение рабочего класса». В ее состав входили в основном представители тех же революционных кружков – молодые левые интеллектуалы. Одной из главных целей они считали пропаганду среди рабочих. Ульянов, входивший в число руководителей «Союза», сразу же занялся написанием листовки – обращения к бастующим рабочим одной из петербургских текстильных фабрик. Одновременно он написал брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Брошюра была отпечатана в подпольной типографии тиражом 3 тысячи экземпляров. По некоторым данным, за считаные недели «Союзу» удалось установить контакт с десятками петербургских предприятий. Параллельно был подготовлен первый выпуск газеты «Рабочее дело». Ульянов был одним из главных авторов.

Не потребовалось много времени для того, чтобы деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» привлекла внимание органов правопорядка. Российская тайная полиция, поднаторевшая за долгие десятилетия в борьбе с радикалами всех мастей, по-прежнему всухую переигрывала неопытных конспираторов. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года 57 членов «Союза» были арестованы. Среди них был и Владимир Ульянов. Оставшиеся на свободе (в том числе Мартов) будут пытаться продолжать деятельность организации, однако в течение 1896 года несколько волн арестов охватят и их. С «Союзом» будет фактически покончено. Для 25-летнего Владимира Ульянова начинался новый этап его биографии – тюрьма и ссылка.

Как он выглядел в эти годы? В петербургский период своей жизни юноша сильно изменился. Он впервые жил совершенно самостоятельно, без всякой опеки со стороны матери. Владимир стал выглядеть гораздо старше, внешне все больше становился похож на отца. Этому способствовала и ранняя лысина. Бороду и усы он не брил, а аккуратно подстригал. Для Ульянова в целом была характерна аккуратность во всем. Его одежда могла быть старой, но никогда не была неряшливой или рваной. Карандаши на рабочем столе были неизменно заточены и сложены идеально ровно. Владимир не выносил беспорядка на рабочем месте. От окружающих он требовал того же самого.

О правильном питании он, напротив, заботился мало. В результате его здоровье начало давать сбои – опасный признак для молодого человека, которому не было и 25 лет. Боли в животе достигали такой интенсивности, что он не мог спать по ночам. К ним добавлялись и мигрени. Доктора поставили Владимиру диагноз «катар желудка». Подобного рода

заболевания были широко распространены в семье Ульяновых, так что наследственность играла в данном случае решающую роль.



Таким Владимира Ульянова видели участники революционных кружков. Он выглядит гораздо старше своих лет. Понимаете, откуда взялась кличка «Старик»?

У партийных товарищей он получил кличку «Старик». Один из его друзей той поры, Александр Потресов, вспоминал: «Он был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать не меньше тридцати пяти – сорока лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья

прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос. У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в «Петербургском союзе борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его, по годам молодого, звали Стариком, и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и старый».

Ульянова воспринимали как Старика не только в силу внешности. Прозвище отражало определенный авторитет, которым он пользовался у товарищей. «Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашим главой, – вспоминал впоследствии один из его соратников тех лет. – Это главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, – он имел для нас и огромный моральный авторитет». Конечно, реальность в этом высказывании немного приукрашена, но совершенно беспочвенным его назвать нельзя. Лидерские качества Ленина подчеркивали не только его сторонники, но и противники. Один из оппонентов Владимира Ульянова тех лет писал: «Я не знаю, хотел ли с самого начала Владимир Ильич непременно руководить его окружавшими, стремился ли он непременно стать во главе движения (…). Мне лично думается, что он в большинстве случаев становился руководителем своих товарищей и окружавших его не потому, что непременно хотел быть среди них первым, а потому, что он шел всегда впереди их, показывая им дорогу своим личным примером и невольно ведя за собой».

В чем же заключался этот личный пример, эти качества, которые делали Ленина лидером среди единомышленников? Вновь предоставим слово Александру Потресову: «Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо-таки гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Плеханова – почитали, Мартова – любили. Но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным, бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело с неменьшей верой в себя. Эта своего рода волевая избранность

Ленина производила когда-то и на меня впечатление». Именно целеустремленность, энергия и воля, которые буквально излучал молодой Владимир Ульянов, привлекали к нему товарищей по нелегальной деятельности и заставляли идти за ним, подчиняясь его руководству.

Однако до всероссийской известности ему было еще далеко. Она придет к нему в следующие годы.

Глава 3
Ссыльный

Дверь камеры 193 Дома предварительного заключения захлопнулась за Владимиром Ульяновым. Было ли это для него неожиданностью? В тактическом плане определенно да: еще 5 декабря он писал матери совершенно беззаботное письмо, и в целом арест оказался внезапным. Однако Владимир не мог не понимать, что занимается антигосударственной деятельностью и потому постоянно подвергается угрозе попасть в тюрьму. Пример брата был у него перед глазами.

Поэтому, когда 21 декабря его вызвали на первый допрос, он был спокоен и уверен в себе. У него было мало опыта общения со следователями, однако имелось юридическое образование. Поэтому он уверенно заявлял: «Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно». Формально Ульянов говорил полную правду – создание партии в строгом смысле было пока мечтой, но не реальностью.

Условия содержания арестованного были по всем меркам весьма либеральными. С воли ему могли переправлять продукты в любом количестве, любую легальную литературу. Он мог беспрепятственно читать и писать. Одна из первых просьб к родным заключалась в том, чтобы ему доставили хорошие карандаши. Его переписку, разумеется, читали, но на этот случай у него был заранее заготовлен и согласован с товарищами шифр. Так, свои вопросы относительно судьбы соратников он маскировал под список книг, которые просил прислать ему в камеру. К примеру, не существовавшая в реальности книга Костомарова «Герои Смутного времени» обозначала двух молодых подпольщиков, носивших клички Минин и Пожарский. В ответном письме товарищи написали, что в библиотеке имеется только первый том – то есть что арестован только один из двоих.

Пригодилась и старая игра детских времен – написание писем молоком. Одна из самых знаменитых историй о Ленине, широко тиражировавшаяся в советские времена, – рассказы о том, как он делал чернильницы для молока из хлебного мякиша. При приближении тюремщика чернильницу приходилось съедать.

Условия содержания Ульянова в Доме предварительного заключения могут показаться настоящим курортом, особенно если сравнивать с печально знаменитым ГУЛАГом. Владимир

использовал эту ситуацию для плодотворной работы – в частности, составлял программу партии и трудился над книгой по российской экономике. Впрочем, делать из этого вывод о том, что российские тюрьмы того времени были похожи на дома отдыха, не стоит. Во-первых, Ульянов пока что был подозреваемым – его вина юридически не была доказана, что подразумевало более мягкие условия содержания. Во-вторых, он все-таки был дворянином и принадлежал к числу образованной элиты. В-третьих, были люди, готовые его поддерживать (в первую очередь материально). Практически сразу же после его ареста в Петербург из Москвы приехали мать и сестра Анна, во многом благодаря которым Владимир в тюремной камере не чувствовал недостатка во всем необходимом.

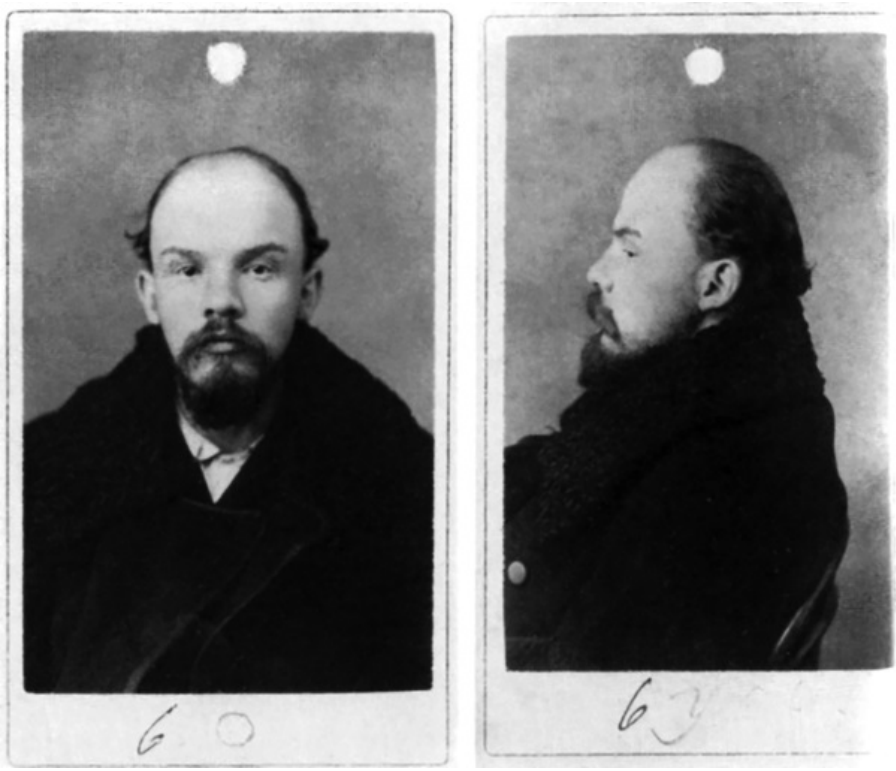
Ульянов не только сидел за письменным столом, но и занимался физкультурой. «Владимир Ильич рассказывал, что в предварилке он всегда сам натирал пол камеры, так как это было хорошей гимнастикой, – вспоминал впоследствии его брат Дмитрий. – При этом он действовал, как заправский полотер: руки назад – и начинает танцевать взад и вперед по камере со щеткой или тряпкой под ногой». Внимание к своей физической форме отличало Ленина от большинства деятелей революционного движения и в дальнейшем. Он любил заниматься спортом.

В Доме предварительного заключения Владимир Ульянов провел больше года. В начале 1897 года ему и его товарищам по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», наконец, вынесли приговор. Практически все были приговорены к различным срокам ссылки. Согласно установившейся практике, чем опаснее считался преступник, тем дальше его высылали. Ульянову предстояло провести три года в Восточной Сибири.

Практически сразу же мать начала хлопотать о различного рода послаблениях. Первым из них было разрешение добираться к месту ссылки за свой счет, а не ехать в арестантском вагоне, где условия были гораздо хуже. 14 февраля Ульянова и его товарищей освободили для сборов в дорогу. Члены «Союза» смогли впервые за много месяцев встретиться и переговорить друг с другом. Было решено не совершать попыток побега и стараться сохранить связь с рабочим движением. На повестке дня стоял еще один старый вопрос: в какой мере следует стремиться привлекать рабочих к работе революционной организации? Ульянов занял промежуточную позицию между двумя крайними точками зрения: считал, что участие рабочих в революционных организациях следует приветствовать, однако для этого необходимо дать им образование и повысить их сознательность.

Авангард, состоящий из интеллектуалов, должен подтягивать людей труда к своему уровню, а не растворяться в их массе.

17 февраля Владимир покинул Петербург. Точка невозврата была пройдена. Теперь он был политическим ссыльным, объектом постоянных подозрений и слежки со стороны властей. Даже если бы он захотел бросить революционную деятельность и стать юристом, это было бы уже невозможно.



Ленин перед отправкой в ссылку. 1895 год

Проведя несколько дней в Москве (и не упустив при этом случая поработать в библиотеке), Ульянов по Транссибирской магистрали отправился на восток. В Красноярске ему пришлось задержаться на два месяца, поскольку навигация по Енисею еще не началась. Собственно, даже само место ссылки определено не было, решение об этом должны были принять местные власти. От этого решения зависело многое: в огромной Восточной Сибири были как области со сравнительно благоприятным климатом, так и настоящие «гиблые места» вроде Туруханского края.

Владимир написал прошение на имя иркутского генерал-губернатора. Ссылаясь на слабое здоровье (тот случай, когда хроническая болезнь желудка пошла на пользу), он просил

назначить местом ссылки либо Красноярск, либо Минусинский округ. Последний отличался здоровым климатом и имел неофициальное прозвище «сибирской Италии». В апреле был получен положительный ответ: местом ссылки была назначена деревня Шушенское Минусинского округа. Вместе с Василием Старковым и Глебом Кржижановским, своими товарищами по «Союзу», Ульянов на пароходе добрался до Минусинска. Оттуда до Шушенского было меньше сотни километров.

Шушенское представляло собой весьма крупную деревню с населением около тысячи человек неподалеку от подножия Саянских гор. Прекрасная природа, сравнительно здоровый климат, наличие частого почтового сообщения с остальной Россией – все это радовало Ульянова. Обустроившись на новом месте, он 8 января 1898 года направил властям прошение о переводе своей невесты, Надежды Крупской, из Уфимской губернии, где она отбывала ссылку, в Шушенское.

Шушенское. Дом, где жил Ленин в ссылке

Надежда Константиновна Крупская должна была бы появиться на страницах этой книги раньше, но в интересах целостности повествования мы ненадолго оставили ее за рамками нашего внимания. С Владимиром Ульяновым она познакомилась в начале 1894 года в марксистском кружке Технологического института. Биография девушки во многом напоминала жизненный путь нашего героя. Она была на год старше и тоже происходила из небогатой дворянской семьи. Как и он, гимназию она закончила с золотой медалью. В 1889 году поступила на Высшие женские курсы в Петербурге, но проучилась там недолго.

Увлекшись марксизмом, стала членом кружка и начала работать учительницей в воскресной школе для взрослых за Нарвской заставой, что позволяло ей заниматься пропагандой среди рабочих.

Крупская не была блестящей красавицей, но выглядела в свои двадцать с небольшим лет весьма привлекательно. Густые длинные волосы, правильные черты лица, красивые глаза… признаков базедовой болезни, которая впоследствии сильно испортит ее внешность, в те времена еще не было.

Мы ничего не знаем о каких-либо романтических увлечениях Ленина до встречи с Крупской. Имеются лишь спекуляции на эту тему, которые, однако, при первой же проверке оказываются ни на чем не основанными. Без всякого сомнения, у молодого Владимира Ульянова были свои юношеские влюбленности. Однако они, во-первых, не перерастали ни во что более серьезное, во-вторых, не занимали главного места в его жизни.

Надежда Крупская.

Она только что познакомилась со своим будущим мужем. Красива, вот только жесткий волевой взгляд отпугнул бы многих мужчин. Но не Владимира Ульянова

Отношения Владимира с Надеждой Крупской, как и с другой девушкой из того же кружка, Аполлинарией Якубовой, носили поначалу чисто товарищеский характер. Романтическими они становились постепенно. Мы знаем мало подробностей. Некоторое время Владимир находился, если можно так выразиться, на равном удалении от обеих девушек, для которых он постепенно становился больше чем другом. Все это, а также явное нежелание молодых людей выставлять свои эмоции напоказ вызвало впоследствии массу спекуляций на тему того, чем объясняется брак Ленина с Крупской. Имела хождение версия

о том, что Якубова («Кубочка», как называл ее Ульянов) была настоящей возлюбленной Владимира, однако в конечном счете отвергла его ухаживания. Только после этого Владимир обратил свое внимание на Надежду.

Скорее всего, ситуация была прямо противоположной: несмотря на то что Ульянов очень хорошо относился к Якубовой, глубокой привязанности к ней он не испытывал. Некоторое время он не отдавал Крупской явного предпочтения. В период его заключения в Петербурге обе девушки навещали его, пока не были арестованы сами. Крупская впоследствии вспоминала эпизод, когда она несколько часов простояла на улице перед Домом предварительного заключения, надеясь увидеть выведенного на прогулку Ульянова, однако безрезультатно. Зато практически сразу же после того, как его освободили для отправки в ссылку, Владимир написал ей письмо с объяснениями в любви.

Здесь мы затрагиваем еще одну широко распространенную легенду – о том, что между Лениным и Крупской не было никакой любви, что их брак был прагматическим партнерством двух товарищей по борьбе. Этот миф базируется на двух основаниях. Во-первых, как уже говорилось выше, молодые люди не выставляли свои чувства напоказ. Во-вторых, Крупская действительно стала для Ленина незаменимой спутницей, соратницей и товарищем по борьбе. На протяжении долгих лет она фактически работала его личным секретарем, помогая ему прокладывать путь к успеху. «Владимир Ильич мог найти красивее женщину (…), но умнее, чем Надежда Константиновна, преданнее делу, чем она, у нас не было», – вспоминал впоследствии близкий друг Ленина Глеб Кржижановский.

Что же лежало в основе отношений двух молодых людей на самом деле? «Надина жизнь уже определилась, наполнилась мыслями и чувствами, которым ей было суждено служить с ранней молодости и до могилы (…). Эти мысли и чувства были неразрывно связаны с человеком, который ее захватил, тоже целиком (…). Надя говорила о нем скудно, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что вижу, что она в него влюблена по уши (…). Я была рада за Надю, что она переживает большое, захватывающее», – писала гимназическая подруга Крупской. «Как мы любили друг друга, всю жизнь любили! А в его биографиях пишут – соратница, друг. Да кроме того, что соратники и друзья, счастье было, любовь. Любил он меня, и я его любила. И сейчас люблю», – рассказывала Надежда Константиновна уже после смерти Ленина. «То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни

молодой страсти», – сказала она в другой раз.

Оказавшись в Шушенском, Владимир почти сразу отправил Крупской предложение приехать к нему и стать его женой. «Что ж, женой так женой», – полушутливо ответила она. Разрешение властей было получено, и Надежда вместе с матерью прибыла в Шушенское в начале мая. Сразу же началась подготовка к свадьбе: хотя сами молодые люди относились к церковному венчанию как к пережитку, у полицейского начальства было на этот счет другое мнение. Выбор был прост: либо в церковь – либо невеста отправляется обратно в Уфу. «Н.К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начали «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста (до Петровок): позволительно все же надеяться, что строгое начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак», – писал Ульянов матери. Наконец в начале июля все требуемые документы были получены. В роли поручителей на свадьбе выступили местные крестьяне, кольца из медного пятака изготовил знакомый ссыльный финн. 10 июля в Петропавловской церкви в Шушенском совершилось таинство венчания.

Здесь самое место сказать о том, какую роль в жизни Ленина играли женщины. Так уж случилось, что с первых до последних дней жизни вождя революции окружали искренне любившие его и заботившиеся о нем женщины. Сначала это была мать, потом к ней присоединились сестры (Анна, а впоследствии и Мария), затем жена и теща. Отношения с тещей, кстати, у Ленина складывались вполне нормальные; она не испытывала к нему особых материнских чувств, могла высказаться довольно резко, однако глубоко уважала своего зятя. Впрочем, он платил ей таким же уважением.

Окружавшие Ленина женщины порой конкурировали за его внимание. Сестры Ильича недолюбливали его жену, считая ее весьма скверной домохозяйкой (что было совершенной правдой). Однако конфликты и споры не переходили определенную черту, поскольку главным для всех было благополучие Владимира. Постоянная помощь и поддержка со стороны родственниц помогали Ленину сосредоточиться на главном – на политической деятельности. Фраза о женщине (вернее, женщинах), которую следует искать за каждым успехом мужчины, в данном случае оказывается абсолютно верной. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Ильича, если бы не безусловная и самоотверженная поддержка со стороны матери, сестер и жены.

Впрочем, в то время, когда Надежда приехала в Шушенское, у матери и сестер Владимира были свои заботы. Двое младших детей, Мария и Дмитрий, в 1897 году пополнили списки политически неблагонадежных. Оба были арестованы и отправлены в ссылку. Благодаря хлопотам Марии Александровны ей удалось добиться того, что всей семье (кроме, разумеется, Владимира) разрешили поселиться в Подольске.

Вернемся в Шушенское. В общем и целом жизнь ссыльного Ульянова можно назвать скорее благополучной. Он купался в реке, ходил на рыбалку, молодая жена пристрастила его к сбору грибов. Вырезал по вечерам шахматные фигурки из древесной коры. Одним из его любимых занятий была охота. «Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток – новая еще для меня охота, и я потому должен еще привыкнуть), но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям», – писал он домой в конце 1897 года.

«Владимир Ильич был страстным охотником, – вспоминала Крупская. – Если на него нападало желание идти на охоту, он шел охотиться, не считаясь ни с погодой, ни с тем, что другие указывали на невозможность охоты в такую погоду». Иногда он при этом выступал в роли антипода знаменитого деда Мазая, подстреливая зайцев, оказавшихся отрезанными на островах во время половодья. Со стороны это может показаться не особенно спортивным и гуманным – но Ульянов прекрасно понимал, что зайцы все равно обречены утонуть, а перевезти себя в лодке на берег живыми и невредимыми дикие животные дают только в детских сказках. Была у Владимира даже охотничья собака, причем в одном из писем родные предлагали прислать ему собаку из европейской части России. Ульянов отказался – выходило неоправданно дорого.

Зимой новобрачные ходили кататься на коньках. «Теперь у нас явилось новое развлечение – каток, который отвлекает сильно от охоты», – сообщал Ульянов домой. «Здесь все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все петербургские болести побоку!» – писал Владимир матери. Хотя он, несомненно, несколько приукрашивал действительность, в общем и целом этому можно верить.

Сразу же после прибытия в ссылку Ульянов подал прошение о назначении ему полагавшегося ссыльным пособия. Ответ был положительным, и Владимир стал получать 8 рублей в месяц. По петербургским меркам это было очень мало, однако здесь, в

сибирской глубинке, где продукты были исключительно дешевы, пособия хватало не только на нормальное пропитание, но и на наем прислуги. В своих воспоминаниях Крупская писала: «В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худющая, с острыми локтями, живо прибравшая все хозяйство. Я выучила ее грамоте, и она украшала стены маминым директивами: «Никовды, никовды чай не выливай»…» Когда срок ссылки закончился, девушка очень переживала, что такие добрые хозяева покидают Шушенское.

Наличие у Ульяновых прислуги говорит не о том, что они вели шикарную жизнь, а о дешевизне местной рабочей силы. Приемлемый уровень жизни молодой семье удавалось поддерживать за счет того, что в Шушенское постоянно шли посылки с вещами, которые нельзя было купить на месте. Из европейской России пересылалась одежда, в том числе кожаные перчатки для защиты рук от вездесущей мошки, а также необходимые Владимиру книги.

Ульяновы имели возможность общаться и с другими ссыльными, проживавшими в Минусинском округе. Правда, на поездку друг к другу необходимо было каждый раз испрашивать разрешение полицейского начальства. Поэтому основные контакты с товарищами поддерживали с помощью переписки. Почта приходила в Шушенское дважды в неделю, так что возможность регулярно получать корреспонденцию у семьи Ульяновых была.

Жизнь молодоженов, правда, омрачалась болезнью Надежды. На здоровье она начала жаловаться еще до прибытия в Шушенское. Пребывание в Доме предварительного заключения в значительной степени подорвало ее силы. Судя по всему, Крупская страдала от целого комплекса заболеваний, самым явным из которых была упомянутая выше базедова болезнь. Именно этот недуг постепенно превращал симпатичную девушку в «Миногу» (одна из партийных кличек Крупской) с выпученными глазами.

Однако были и еще более неприятные для Владимира и Надежды последствия. Так, довольно скоро выяснилось, что Крупская не сможет иметь детей. «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакой пташечки что-то прилететь не собирается», – писала Надежда свекрови в апреле 1899 года. Это было сильным ударом для Владимира, который очень любил детей и мечтал о потомстве. Отказываться от радостей отцовства ради революции он не собирался; бездетность не была его осознанным выбором.

Основную часть времени в Шушенском у Ульянова занимала работа. Перед отъездом в ссылку Крупская смогла договориться с петербургскими издателями о переводе книги британских левых интеллектуалов Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Перевод должен был позволить молодой семье заработать достаточное количество денег для того, чтобы сводить концы с концами. Но главным занятием Ульянова было написание труда, над которым он начал работать еще в Петербурге. Книга получила название «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» и вышла в свет в 1899 году.

Главной целью книги, вышедшей под псевдонимом «Владимир Ильин», было проанализировать развитие российской экономики с марксистских позиций. По мнению автора, в России капитализм уже достиг достаточно высокой стадии, и это является позитивным моментом. «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо (…) с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима», – писал Ульянов в конце своего труда. Его главными противниками были народники, которые, по мнению автора, совершенно неправильно понимали развитие России, отрицали необходимость ее движения по капиталистическому пути развития. Хотя книга (по цензурным соображениям) была посвящена чисто экономическим вопросам, внимательный читатель легко увидит в ней политический подтекст.

«Что касается до вопроса о медленности или быстроте развития капитализма в России, то все зависит от того, с чем сравнивать это развитие, – писал Ульянов. – Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма». Иначе говоря –

самодержавие, устаревшие общественные институты тормозят прогресс и должны быть ликвидированы.

«Развитие капитализма в России» стало первым крупным трудом молодого революционера. В дальнейшем из-под его пера выйдет огромное количество работ (причем написанных самостоятельно, что нетипично для нынешних политиков). Появятся намного более значимые произведения, о которых пойдет речь впереди. Однако именно этой первой книгой Ульянов заявил о себе как о мыслителе и теоретике. Именно такую задачу он перед собой и ставил – получить признание в интеллектуальных кругах России. Задача оказалась выполнена в лучшем случае наполовину: книга вызвала умеренный интерес у образованной публики (хотя незамеченной она тоже не прошла). На страницах работы автор демонстрировал блестящее знание материала и недюжинные аналитические способности.

Одной книгой дело не ограничилось. Владимир активно писал статьи для легальной прессы. В 1899 году в крупных петербургских журналах таких статей вышло не менее пяти. Гонорары обычно тратились на приобретение новых книг.

Ульянов по-прежнему много и жадно читал. Он изучал новейшие работы зарубежных марксистов (в частности, Каутского), труды философов и экономистов. Читал он и газеты, причем выработал свой собственный метод, позволявший быстро обрабатывать большие объемы информации: «Журналист должен уметь читать газеты по-особому. Нужно завести такой порядок: выбрать себе одну газету и в ней прочитать все наиболее важное, потом другие можно просмотреть легко и быстро. Из них берешь только то, что нужно для специальной работы». Владимир готовился вернуться на политическую арену – в начале 1900 года срок его ссылки истекал.

Разрешение на отъезд в европейскую часть России было получено достаточно быстро. Правда, Ульянову запрещалось селиться в Петербурге, Москве или крупных промышленных центрах. 29 января семейство отправилось в путь.

Надежде предстояло вернуться в Уфу и отбывать там остаток ссылки. К слову, именно там она впервые за долгое время смогла пройти нормальное врачебное обследование и узнала неутешительный диагноз. Владимир избрал в качестве своего нового места жительства Псков. Очевидно, выбор города диктовался близостью как к Петербургу, так и к границе. Однако сначала он заехал в Уфу, где помог жене и теще обустроиться на новом месте, и в Подольск, где встретился с родными. В Пскове он появился в конце марта; здесь состоялось совещание нескольких левых интеллектуалов, в том числе легальных

марксистов Струве и Туган-Барановского, по поводу будущей марксистской газеты, которую планировалось назвать «Искрой». В общем и целом был принят ленинский проект. Разумеется, такую газету можно было издавать только за рубежом. Однако надолго задерживаться в России Ульянов в любом случае не планировал.

Вчерашний ссыльный прекрасно сознавал, что органы правопорядка будут следить за каждым его движением, и, если он будет заниматься активной политической деятельностью, новый арест не за горами. Выход был только один: уезжать за границу, то есть идти путем, который протоптали уже многие российские революционеры.

Ульянов подал прошение о выдаче заграничного паспорта, которое было удовлетворено. Власти решили, что смутьяна лучше удалить из страны. В июле 1900 года Владимир пересек российскую границу.

В новый, XX век он вступал профессиональным революционером, человеком, для которого практически не было пути назад. Да этот путь и не был нужен ему. Ульянов твердо решил посвятить свою жизнь борьбе против самодержавия, против угнетения человека человеком, за более справедливый общественный строй. Его имя становилось все более известным. В 1899 году биографическая справка была опубликована в словаре Брокгауза и Ефрона – здесь он характеризовался в первую очередь как ученый-экономист. Имя Ульянова было также известно в кругах российских марксистов как в стране, так и за ее пределами. Полиции, разумеется, он тоже был хорошо знаком.

Что толкнуло Ленина на путь революционной борьбы? Желание отомстить за брата? Стремление добиться успеха через борьбу с существующим строем, а не по его правилам? Горячее желание обеспечить российскому народу, в первую очередь всем униженным и угнетенным, лучшую жизнь? Об этом много спорили и спорят до сих пор. Частично мы уже затрагивали этот вопрос выше. А сейчас поговорим на другую, близкую тему: против чего боролся Владимир Ульянов?

В советское время царскую Россию рисовали «тюрьмой народов» и царством мрака и отчаяния. Неудивительно, что на излете перестройки полярность сменилась, и отовсюду начал раздаваться плач по «России, которую мы потеряли». Дескать, империя Романовых была земным раем, и только злобные и безумные маргиналы вроде Ленина могли желать того, чтобы уничтожить это благолепие. Что же в действительности представляла собой Российская империя на пороге XX века?

Россия по-прежнему являлась одной из великих держав Европы, располагала самой многочисленной армией и самым

многочисленным населением. Ее экономика динамично развивалась, темпы роста в начале XX века были самыми высокими в Европе. Правда, значительная часть предприятий принадлежала иностранному капиталу, а государство прочно сидело на игле внешней задолженности. Да и если посмотреть на абсолютные, а не на относительные показатели, ситуация была отнюдь не радужной. По всем основным экономическим параметрам Российская империя отставала от передовых стран того времени. И самое главное, перспектив наверстать упущенное практически не было.

«Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования» – так в 1899 году высказывался один из видных деятелей царского режима, министр финансов Сергей Юльевич Витте. Несколько лет спустя другой русский государственный деятель, сподвижник Столыпина Владимир Иосифович Гурко так описывал ситуацию в стране: «Количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят во все большее расстройство».

Доход на душу населения в России в 1900 году составлял 63 рубля в год. Это было в пять с лишним раз меньше, чем в США, в четыре с половиной раза меньше, чем в Англии, в три раза меньше, чем в Германии, – и в полтора раза меньше, чем в нищих балканских государствах. К 1913 году этот разрыв остался примерно таким же в относительных показателях – и намного больше в абсолютных цифрах.

Средняя продолжительность жизни в России в 1900-е годы составляла чуть больше 30 лет, в Англии – более 50 лет. В 1914 году менее 30 % населения России умели читать и писать. В сфере здравоохранения ситуация также была удручающей: по числу врачей и больничных коек Россия в разы отставала от стран Западной Европы. В сельской местности один врач приходился на 20 тысяч человек. Многим врачебная помощь была просто недоступна. Младенческая смертность была высокой – четверть детей умирала в первый же год жизни. Семья Ульяновых в этом плане не представляла собой чего-либо исключительного. Эпидемические заболевания также были широко распространены; по данным статистики, в 1913 году ими были поражены около 20 миллионов человек. Опять же здесь уместно вспомнить судьбу Ольги Ульяновой. А ведь Ульяновы были выходцами из среднего класса, не имевшими особых проблем ни с качеством питания, ни с гигиеной, ни с качественной медицинской помощью – в отличие

от подавляющего большинства населения.

«Статистические данные показывают особенную восприимчивость к заразным заболеваниям населения городов. Распространение заразных болезней, в особенности широкое развитие в последние годы тифа и холеры, свидетельствует о дурных санитарных условиях городской жизни, зависящих главным образом от неудовлетворительного состояния водоснабжения и удаления нечистот, а также от негигиеничности жилищ малосостоятельного населения» – это фразы из официального документа 1911 года.

А как обстояло дело с питанием? Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона 1913 года издания: «После голода 1891 года, охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 году (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 году (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 года наступил голод 1892 года в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 годов приблизительно в том же районе; в XX веке голод 1901 года в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 года (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 годов (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)».

Регулярные неурожаи и голод, во время которого погибали сотни тысяч, если не миллионы людей, – это реальность «России, которую мы потеряли». Пока одни (немногие) наслаждались «хрустом французской булки», другие (миллионы) вынуждены были питаться лебедой. Известный агроном А. Н. Энгельгардт, хорошо знавший русскую деревню, писал:

«Тому, кто знает деревню, кто знает положение и быт крестьян, тому не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка… В человеке из интеллигентного класса такое сомнение понятно, потому что просто не верится, как это так люди живут, не евши. А между тем это действительно так.

Не то чтобы совсем не евши были, а недоедают, живут впроголодь, питаются всякой дрянью. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не будут есть всякую дрянь… Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще недоедает. Американец продает избыток, а мы продаем

необходимый насущный хлеб. Американец-земледелец сам ест отличный пшеничный хлеб, жирную ветчину и баранину, пьет чай, заедает обед сладким яблочным пирогом или папушником с патокой.

Наш же мужик-земледелец ест самый плохой ржаной хлеб с костерем, сивцом, пушниной, хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да еще смеяться будет, что есть такие страны, где неженки-мужики яблочные пироги едят, да и батраков тем же кормят. У нашего мужика-земледельца не хватает пшеничного хлеба на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку – соси».

Изобилие в крестьянских хозяйствах в большинстве случаев существовало только в воображении писателей конца XX века. Современники на этот счет не заблуждались. Один из офицеров царской армии писал в 1911 году: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной (…) Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы (…) Около 40 процентов новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».

Не лучше обстояли дела и в городах. На фабриках и заводах рабочий день составлял не менее 10 часов, условия труда были ужасающими, травматизм очень высоким. Система штрафов за малейшие провинности уменьшала и без того невысокую зарплату. Российская промышленность в целом неплохо показывала себя в «старых» отраслях вроде металлургии (хотя и здесь не являлась лидером), но «новые» высокотехнологичные отрасли практически отсутствовали. По состоянию на 1913 год отсутствовали или находились в зачаточном состоянии автомобилестроение, самолетостроение, электротехника… Первый оптический завод России был открыт в начале 1914 года, за несколько месяцев до Первой мировой войны. Даже если крупные изобретения и делались, судьба их часто была печальна: придуманное Поповым радио заинтересовало только военно-морской флот, соответствующая аппаратура производилась в мизерном объеме.

В сфере духовности и нравственности тоже не все было благополучно. Представляющие Российскую империю «православной монархией с богобоязненным народом», мягко говоря, несколько заблуждаются. Официальная Православная церковь, тесно сотрудничавшая с государством, стремительно теряла популярность. «Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и Церкви относилась довольно равнодушно», – писал, к

примеру, в своих воспоминаниях Деникин.

В городах и селах было широко распространено пьянство, бездомные и нищие были обычным явлением. Причем, что особенно поражает, высоким было детское пьянство. На Первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством в начале 1910 года была озвучена страшная цифра: не менее 90 % подростков в возрасте до 17 лет пробовали водку, а многие употребляют ее регулярно. Борьба с пьянством не принесла серьезных результатов: с 1911 по 1913 год потребление водки выросло на 17 %.

В городах работали совершенно официально публичные дома. В 1901 году в Российской империи их насчитывалось почти две с половиной тысячи. Число официально зарегистрированных жриц любви составляло около 35 тысяч, что было намного меньше реальной цифры. Высокой была и преступность, причем она постоянно росла: с 1909 по 1913 год число убийств выросло более чем на 10 % (с 30 до 34 тысяч). Для сравнения – в сегодняшней, не самой благополучной России оно составляет около 12 тысяч в год.

Все это касается в основном представителей бедных слоев населения (которые, отмечу, составляли подавляющее большинство – уровень жизни 90 % россиян был не выше, чем у арестантов в тюрьмах). Однако и представители среднего класса имели причины для недовольства. Социальные лифты работали плохо. Упорным трудом можно было добиться определенных успехов (как показывает пример Ильи Николаевича Ульянова), но происхождение, связи и беспринципность помогали добиться гораздо большего. Коррупция процветала. Затхлая атмосфера царской России, враждебность прогрессу в самых различных сферах, архаичные государственные и общественные институты, ограничения свободы слова – все это, естественно, вызывало возмущение у образованных людей. Многие из них уходили в революцию, другие относились к революционерам с симпатией. Далеко не случайно многие представители «старой России» после 1917 года перешли на службу к большевикам, хотя имели возможность примкнуть к белым или отправиться в эмиграцию.

А как обстояли дела в армии? Снова предоставим слово Деникину: «Жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против существующего строя. Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость». Огромный размер

армии затруднял ее модернизацию, военные расходы поглощали львиную долю государственного бюджета. Отдача, как показала война с Японией 1904–1905 годов, явно не соответствовала вложениям.

Российская империя конца XIX – начала XX века явно не была благополучной страной. Конечно, рисовать ситуацию только черными красками было бы ошибкой. И все же нужно признать: у многих жителей тогдашней России были очень серьезные основания для очень серьезного недовольства сложившейся ситуацией. К их числу принадлежал и Ленин.

Глава 4
Эмигрант

«Съездить один раз в ссылку – это можно, но ехать туда второй раз было бы глупо; за границей мы будем более полезны», – сказал как-то раз Владимир Ульянов. Летом 1900 года он прибыл в Швейцарию. Разумеется, первым делом он встретился с товарищами по революционной работе. В их числе были как представители старшего поколения (Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич), так и его сверстники (в первую очередь Потресов и Мартов). Ульянов был полон энергии и готов развернуть кипучую активность.

За то время, которое он провел в Шушенском, в российском революционном движении не произошло больших перемен. В 1898 году в Минске собрались девять российских марксистов, гордо назвав свою встречу Первым съездом Российской социал-демократической рабочей партии. Съезд принял партийный манифест, однако почти все его участники были вскоре арестованы полицией. Партия как таковая сформирована не была.

Таким Ленин уезжал в эмиграцию. Ему 30 лет, и внешне он уже мало изменится до самого конца жизни

Прибыв в Швейцарию, Владимир Ульянов решил начать с того, на чем он закончил перед своим арестом в декабре 1895 года: основать газету. Редакция газеты должна была, разумеется, находиться в эмиграции, однако не в Швейцарии, а в Германской империи, у которой была общая граница с Россией. Это делало связь с основной аудиторией газеты более простой и оперативной.

Однако активность Ульянова внезапно натолкнулась на весьма значимую преграду. Старшее поколение эмигрантов, безусловно, поддерживало идею создания газеты. Однако Плеханов настаивал на том, что главную роль в редакции должен играть именно он. Для Ульянова это было жестоким разочарованием: он рассчитывал, что осуществлять проект будут

те, кто его предложил, то есть он сам, Мартов и Потресов. Однако его кумир, человек, которого он считал своим учителем, казалось, не воспринимает его всерьез. Ульянов пытался сгладить противоречия и согласился на компромисс, предложенный Верой Засулич: предоставить Плеханову два голоса в редакционном совете.

Георгий Плеханов. Патриарх российского марксизма, к которому Ленин сохранит уважение до конца своих дней, невзирая на идейные разногласия

Впрочем, сразу же после того, как компромисс был достигнут, Ульянов и Потресов об этом пожалели. В какой-то момент они даже приняли решение бросить проект, вернуться в Россию и продолжить там нелегальную работу. Но затем благоразумие

взяло верх. Обида, однако, так и не была забыта.

«Мою влюбленность в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким уважением и почтением (…); ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» и никогда не испытывал такого грубого пинка», – писал Владимир. Аксельрод и Засулич попытались выступить в роли посредников, чтобы не допустить конфликта поколений. В итоге Ульянов и Потресов вновь встретились с Плехановым, чтобы обсудить дальнейшие планы. На сей раз, однако, оба молодых человека были психологически готовы к схватке. Поэтому им удалось настоять на своем варианте: сначала все шесть членов будущей редакции совместно подготовят к печати сборник статей, и только если все пройдет гладко, будет создана газета. Фактически это означало, что в деле создания печатного органа Ульянов вернул себе стратегическую инициативу.

В конце лета 1900 года Владимир уехал в Мюнхен. Ему предстояла большая организационная работа. В конце декабря в Дрездене были отпечатаны несколько сотен экземпляров первого номера газеты «Искра». В следующем году вышли еще двенадцать номеров – периодичность, характерная скорее для журнала, но на большее ресурсов просто не хватало. Издание было явно ориентировано на образованную публику и предназначалось для революционных активистов, а не для пропаганды среди трудящихся. Фактически редакция «Искры» должна была стать чем-то вроде руководящего органа так толком и не созданной социал-демократической партии, а сама газета – играть роль скрепляющего российских марксистов раствора.

В состав редакции входили семь человек: помимо Ульянова, это были Мартов, Потресов, Засулич, Плеханов, Аксельрод и Александр Парвус, видный деятель европейского социал-демократического движения, имевший опыт издания газет на немецком языке и поэтому особенно ценный для редакции. Парвус же играл большую роль в решении организационных вопросов.

«Искра» доставлялась в Россию несколькими путями – не только через германскую, но и через австрийскую и даже турецкую границу. Порой курьерам не везло, и на границе тираж перехватывали. Однако в течение 1901 года «Искра» прочно заняла позиции главного печатного органа российских марксистов.

В Мюнхене Ульянов старался соблюдать правила конспирации – даже за границей он считал это необходимым.

Жилье он снимал под чужим именем. Число его псевдонимов все увеличивалось. В 1901 году появился на свет и самый знаменитый из них. В январе Ульянов подписал фамилией «Ленин» письмо Плеханову, а в конце года этот псевдоним был впервые использован в печати – им была подписана статья «Господа «критики» в аграрном вопросе».

Всего Владимир Ульянов за свою жизнь использовал, по некоторым подсчетам, 148 различных псевдонимов. Тулин, Старик, Статист, Фрей, Ильин, Петров, Мейер… Этот ряд можно перечислять очень долго. Почему же именно «Ленин» стало его второй фамилией?

На сей счет существует масса различных версий. Ни одна из них не может претендовать на абсолютную достоверность. Когда вопрос о выборе псевдонима задали много лет спустя Крупской, она честно ответила: «Я не знаю, почему Владимир Ильич взял себе псевдоним “Ленин”, никогда его об этом не спрашивала. Мать его звали Мария Александровна, умершую сестру Ольгой. Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним. На Лене в ссылке он не был. Вероятно, псевдоним выбран случайно, вроде того, как Г. В. Плеханов писал однажды под псевдонимом “Волгин”».

Так что вполне вероятно, что на выбор «второй фамилии» повлияла простая случайность. В 1902 году Ульянов подписал фамилией «Ленин» свою работу «Что делать?», получившую большую известность. Именно после успеха этой книги на смену Владимиру Ульянову пришел Владимир Ленин.

Но не будем забегать вперед. Пока что молодой марксист все основательнее обустраивался в эмиграции. «Ироническая складка у губ под рыжими усами, рыжая бородка клинышком («как у ярославского мужичка», – говорили у нас) – таким запечатлелся в моей памяти Ленин после первой встречи с ним. Одет он был в отличие от других товарищей, носивших блузы и косоворотки, весьма аккуратно, носил крахмальный воротничок и манжеты. Держался он в высшей степени просто», – вспоминал один из российских социал-демократов.

Весной 1901 года к нему приехала жена, а затем и теща. Надежда взяла на себя значительную часть организационной работы, став по сути личным секретарем мужа. Елизавета Васильевна Крупская, как и в Шушенском, занималась домашним хозяйством. Как и Мария Александровна Ульянова, она не была пламенной единомышленницей своей дочери, но считала нужным помогать ей и зятю, в том числе в революционной деятельности. «Мы устроились здесь совсем хорошо своей квартирой. Обзаведение мы себе купили из подержанных вещей недорого, с

хозяйством Елизавета Васильевна и Надя справляются сами без особого труда», – писал Владимир матери.

К концу года жизнь вошла в нормальную колею. Супруги ходили в театры и на концерты. Ленину особенно нравилась музыка Вагнера. По городу он передвигался на велосипеде, за которым тщательно ухаживал. Но главным для него, конечно же, было другое. В конце 1901 года он работал над новой брошюрой. «Когда я писал свое «Что делать?» – я с головой окунулся в эту работу. Я испытывал радостное чувство творчества. Я знал, с какими теоретическими ошибками противников имею дело, как нужно подойти к этим ошибкам, в чем суть нашего расхождения», – вспоминал сам Ленин впоследствии.

Юлий Мартов. Сначала ближайший сподвижник, потом

политический противник – не он один проделает такую эволюцию

«Что делать?» вышла весной 1902 года. Название брошюры явно навевало ассоциации с романом Чернышевского, которым когда-то зачитывался молодой Ульянов. Однако на этом сходство заканчивалось. Брошюра была посвящена критике политических противников и ближайшим задачам социал-демократического движения. Ленин констатировал, что в развитии российской социал-демократии настал «период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью». Для того чтобы преодолеть этот кризис, необходимо создание подлинно революционной марксистской партии. Она должна быть спаяна внутренней дисциплиной и представлять собой авангард рабочего класса. «Организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности» – партия, с точки зрения Ленина, должна была быть профессиональной, не стремиться к максимальному количеству членов в ущерб качеству. «Ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей», поэтому на данном этапе главное – создать такую организацию и вести максимально широкую агитационную работу, в том числе выпуская общероссийскую газету. «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!» – подражал Ленин знаменитым словам Архимеда.

Брошюра, которая простым, лаконичным, даже грубоватым языком излагала основные цели и задачи российской социал-демократии, предлагала рецепты практической деятельности, немедленно вызвала бурную полемику среди российских левых. Одни упрекали автора в стремлении возродить «заговорщическую» тактику народников, другие опасались излишней централизации и идеологической дисциплины, третьи считали неоправданной в российских условиях ставку на рабочий класс. Но в любом случае о брошюре и ее авторе заговорили. Именно «Что делать?» принесла Ленину широчайшую известность, сделала его одним из ведущих российских теоретиков марксизма и организаторов социал-демократии.

«Что делать?» является также образцом ленинского литературного стиля. Жесткий, без лишних украшений, зато предельно четкий и ясный слог. Прямые, не особенно стесняясь в выражениях, атаки на оппонентов. Все это импонировало многим социал-демократам.

Ульянов из рядового марксиста превращался в признанного руководителя. Все больше людей смотрели на Ленина как на лидера, считали себя его последователями. Все больше посетителей стремились поговорить с ним, так что Крупской время от времени даже приходилось говорить наиболее настойчивым, что мужа нет дома. Ильич не любил тратить время на неинтересных людей и ненужные книги.

Под воздействием своего успеха Ленин становился все более уверенным в себе. Его даже обвиняли в излишней самоуверенности, в том, что он не прислушивается к мнению окружающих и не признает свои ошибки. Отчасти это верно. Однако, как показывает практика (и как свидетельствуют психологи), люди, не страдающие излишней самоуверенностью, гораздо лучше избегают провалов – но и гораздо реже добиваются успеха в сложных условиях. Если бы Ленин не был абсолютно уверен в себе, он вряд ли стал бы главой советского государства.

К этому периоду жизни Ленина относится также появление его знаменитой привычки закладывать большие пальцы за борта жилета. Довольно быстро эту привычку начнут копировать многие его сподвижники. «В первые же минуты визита к Ленину я познакомился с одним, только ему принадлежащим жестом. Говоря или споря, Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбьи плавники», – вспоминал один из них.

«Что делать?» не только принесла Ленину славу. Она же стала первым шагом к расколу в российском социал-демократическом движении. Ленин чувствовал это, он знал, что за ним пойдут не все. Несмотря на свою дружбу с Мартовым, он писал втайне от друга и не показывал ему наброски – разительное отличие от «Развития капитализма в России», черновики которой он давал почитать товарищам.

Одновременно с книгой Ленин работал над созывом нового съезда партии. В отличие от неудачного Минского он должен был пройти за пределами России и создать действительно жизнеспособную организацию. Организационный комитет съезда был создан в марте 1902 года. В первую очередь для новой партии была нужна программа. Ленин потратил довольно много времени, уговаривая Плеханова написать проект этого документа. Трещина между двумя марксистами так и не заросла, однако

Ленин считал необходимым использовать авторитет одного из патриархов российской социал-демократии. В начале 1902 года проект был готов и представлен на утверждение редакторов «Искры».

Ленин жестко критиковал плехановский проект за слишком мягкие формулировки и предпочтение абстрактных деклараций конкретным вопросам революционной борьбы. Плеханов, в свою очередь, не оставался в долгу, обрушиваясь с жесткой критикой на поправки, вносимые его оппонентом. Предметом спора являлся, в частности, термин «диктатура пролетариата», на включении которого в текст настаивал Ленин. В конце концов стороны пришли к шаткому компромиссу. 1 июня 1902 года проект был опубликован в «Искре».

Разногласия возникали и в процессе выбора делегатов для съезда. Поскольку партии как таковой еще не существовало, выбор осуществлялся «сверху», редакцией «Искры», и носил временами довольно произвольный характер. При этом каждый, разумеется, старался, чтобы среди делегатов оказалось как можно больше его сторонников. А все вместе были заинтересованы в том, чтобы на съезде перевес не получили другие социал-демократические группы, к примеру еврейская партия «Бунд». «Искровцы» хотели объединить российских социал-демократов, но на своих условиях.

В разгар подготовки съезда немецкие власти проявили наконец-таки интерес к группе русских революционеров. Германская политика по отношению к России в этот период отличалась нестабильностью – Берлин то шел на охлаждение отношений, то пытался сблизиться с Петербургом. Идея «монархической солидарности» была одним из главных лозунгов, которыми германские дипломаты пытались привлечь своих российских коллег. Эта солидарность требовала реальных дел. В 1902 году немецкие власти заявили о нежелательности дальнейшего выхода «Искры» на германской территории. Ленину и его сподвижникам нужно было искать себе новое пристанище.

Выбор Ильича пал на Лондон – город, который уже много десятилетий служил (и еще долго будет служить) пристанищем политических эмигрантов со всех концов света. Здесь можно было быть уверенным в том, что деятельность группы русских революционеров не привлечет нежелательного внимания властей. В апреле 1902 года Ленин с семьей прибыл в столицу Великобритании.

Квартиру будущий вождь снял неподалеку от Британского музея, славившегося своей библиотекой. В дальнейшем он под именем Якоба Рихтера часто посещал ее читальный зал. Кроме

того, Ленин брал уроки разговорного английского – как и следовало ожидать, по прибытии в Лондон оказалось, что его произношение весьма далеко от идеала. Не слишком понравилась ему местная кухня. «Скоро должна была приехать моя мать, и мы решили устроиться по-семейному – нанять две комнаты и кормиться дома, т. к. ко всем этим «бычачьим хвостам», жаренным в бараньем жиру скатам, кэксам российские желудки весьма мало приспособлены», – писала Крупская.

Именно здесь, в Лондоне, осенью 1902 года состоялось его знакомство с Львом Давидовичем Троцким. Троцкий был на тот момент мало кому известной фигурой и мечтал познакомиться с авторитетным социал-демократическим деятелем. Он быстро подружился с Лениным, который даже хотел ввести его в состав редколлегии «Искры». Однако этому воспротивился Плеханов, считавший Троцкого «троянским конем» своего молодого оппонента. Впоследствии пути Ленина и Троцкого будут не раз расходиться и вновь сближаться.

В отличие от большинства членов редакции, находившихся в Лондоне, Плеханов остался в Женеве. Это, а также вновь нараставшие разногласия мешали нормальной работе редакции. В начале 1903 года Мартов поставил на голосование вопрос о переезде «Искры» в Женеву. Ленин был единственным, кто проголосовал против. Становилось ясно, что он утрачивает контроль над газетой.

В конечном счете Ленин подчинился общему решению, однако тревоги и волнения сыграли свою роль. Признаки того, что нервы молодого человека расшатаны, проявлялись еще за несколько лет до этого. Теперь же сразу по приезде в Женеву в апреле он слег с рожистым воспалением. Это тяжелое и потенциально смертельное заболевание заставило его несколько недель соблюдать постельный режим – и это в то время, когда подготовка съезда шла полным ходом!

После выздоровления Ленин съездил на отдых в Бретань, где встретился с матерью и сестрой Анной, прибывшими сюда из России. А затем отправился в Брюссель, где 17 июля открылся съезд РСДРП. Однако внимание бельгийских властей оказалось слишком назойливым, и почти сразу же после открытия было принято решение переехать в Лондон. 29 июля съезд продолжил работу в британской столице. Присутствовали 43 делегата, представлявших в общей сложности 26 организаций.

С самого начала на съезде развернулись жаркие дискуссии. Они касались самых разных вопросов – от состава делегатов до ключевых программных положений. «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились.

Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! – вот это я понимаю. Это – жизнь. Это – не то что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить», – заявлял Ленин.

Нарекания части делегатов вызвал и упомянутый выше тезис о «диктатуре пролетариата», и ленинская трактовка аграрного вопроса. Ильич счел необходимым включить в программу тезис о союзе пролетариата и крестьянства, что одобрили далеко не все – крестьянство считалось многими марксистами реакционной, отсталой силой. В конечном счете, однако, программа партии была принята.

Самый серьезный конфликт вспыхнул по поводу устава партии, в частности требований к членам РСДРП. В роли главных оппонентов выступили Ленин и Мартов. Ленин настаивал на централизации и достаточно жесткой внутрипартийной дисциплине, Мартов выступал против авторитарных тенденций, настаивая на большей независимости членов партии. Вопрос был поставлен на голосование, победило предложение Мартова, однако раскол в только-только созданной организации становился все более очевидным. К тому же съезд в знак протеста против принимаемых решений покинул ряд делегатов, в том числе «бундовцы». В результате большинство оказалось на стороне Ленина. Для этой группы практически сразу же появилось соответствующее название – «большевики». Сторонников Мартова соответственно окрестили «меньшевиками». Плеханов в этом противоборстве предпочел поддержать Ленина.

Воспользовавшись ситуацией, Ленин смог провести в жизнь свои идеи по поводу организации партийного аппарата. Число редакторов «Искры» было сокращено до трех человек (Плеханов, Ленин и Мартов), был создан Центральный комитет, также состоявший из трех человек (Кржижановский, Носков и Ленгник). Еще одним руководящим органом являлся Совет партии, в число членов которого вошел и Ленин.

После завершения съезда борьба фракций продолжала разгораться. Открытый конфликт произошел в октябре 1903 года в Женеве на совещании Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (орган, координирующий деятельность революционных эмигрантов). Здесь меньшевики оказались в большинстве. Более того, Плеханов все отчетливее переходил на их сторону. Под огнем критики Ленин заявил о своем выходе из редколлегии «Искры» и Совета партии.

Возможно, причиной этого были нараставшие проблемы со

здоровьем. Нервы Ильича не выдерживали перенапряжения, его мучили головные боли, он не мог спать по ночам. Ему пришлось обратиться к швейцарским врачам, которые поставили ему популярный в те годы диагноз «неврастения». Этим словом называли целую группу нервных расстройств, вызванных хроническим переутомлением и нервным истощением. Рекомендация докторов в таких случаях была универсальной и интуитивно понятной: отказаться от бурной деятельности и побольше отдыхать.

Однако как раз этого Ленин делать и не собирался. Хлопнув дверью, он вовсе не планировал сдаваться. Из-под его пера выходит книга «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)», опубликованная в 1904 году. Ленин подробно и тщательно разбирал историю последних месяцев, анализировал существующие в партии течения и группировки и, разумеется, громил своих оппонентов. Главной его мишенью были, естественно, меньшевики во главе с Мартовым. Дружбе двух марксистов пришел окончательный и бесповоротный конец. Об этом Ленин сожалел всю оставшуюся жизнь. «Жаль – Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!» – сказал он Горькому уже после 1917 года. Разрывы со сподвижниками давались Ильичу нелегко.

Одновременно Ленин пытался вернуть себе рычаги влияния на РСДРП. С помощью Глеба Кржижановского он смог войти в состав Центрального комитета. Однако отношения с Кржижановским вскоре начали портиться. Старый друг, как и многие другие большевики (в первую очередь находившиеся в России), требовали прекращения внутрипартийных раздоров и примирения фракций. Раскалывать только что созданную партию в ситуации, когда единство было критически необходимо, представлялось им верхом безумия. Ленин постепенно оказывался в меньшинстве – он по-прежнему пользовался уважением, но многие не понимали его позиции. «Все умоляем Старика бросить склоку и начать работу, ждем листков и брошюр и всяких советов – лучший способ поправить нервы и лучший ответ на ругань», – писали ему Кржижановский и Носков.

В конечном счете в мае 1904 года Центральный комитет призвал Ленина подчиниться партийной дисциплине и следовать решениям большинства. Только твердая вера в собственную правоту помогла ему в этой ситуации не сломаться и продолжать отстаивать свою правду. «Партия разорвана фактически, устав обращен в тряпку, организация оплевана, только благодушные пошехонцы могут еще не видеть этого. А кто это понял, тому должно быть ясно, что на натиск мартовцев надо отвечать

натиском же (а не пошлым рассусоливанием о мире и т. д.). Для натиска и надо употребить все силы», – писал он.

Тем не менее не из одной только работы и партийной борьбы состояла жизнь Ленина. Большевик Бонч-Бруевич вспоминал, как в дни женевского карнавала Ленин смог создать у товарищей праздничное настроение:

«Когда у нас в партии страсти кипели изо всех сил, когда раскол на большевиков и меньшевиков разделял всех и когда среди нас не было веселых настроений, наступил декабрь 1903 г. Мы сидели по своим углам, изучали документы, готовились к докладам, строили свою новую организацию. Не до веселья было нам. На улицу даже не тянуло. Вдруг звонок. Входит Владимир Ильич, оживившийся, веселый.

– Что это мы все сидим за книгами, угрюмые, серьезные? Смотрите, какое веселье на улицах!.. Смех, шутки, пляски… Идемте гулять!..

Мы шумной толпой вышли на улицу. Погода стояла прекрасная, теплая. Огни всюду светились радостно, и многоводная, быстротечная горная река Арва, которая протекала здесь совсем поблизости, так радовала своим переливчатым шумом. (…) Мы зашли к товарищам, всех увлекая с собой на улицу. Шуму и смеху не было конца, и Владимир Ильич – впереди всех. Мы радостной толпой влились в общее веселье улицы и пели, и кричали, и шумели, все более увлекаясь общим приподнятым настроением. Серпантин летел от нас во все стороны более энергично, чем от других компаний, и мы усердно обсыпали конфетти наиболее интересные и живые маски.

И вот раздалась песня. Пели все, пела вся улица веселые, бодрые песни, в которых звучали то мотивы «Марсельезы», то мотивы «Карманьолы». Кое-кто принялся танцевать. Вдруг Владимир Ильич, быстро, энергично схватив нас за руки, мгновенно образовал круг около нескольких девушек, одетых в маски, и мы запели, закружились, заплясали вокруг них. Те ответили песней и тоже стали танцевать. Круг наш увеличился, и в общем веселье мы неслись по улице гирляндой, окружая то одних, то других, увлекали всех на своем пути».

Да, эти картины не очень-то соответствуют образу угрюмого и мрачного фанатика, каким иногда рисуют Ленина.

В июне 1904 года, чтобы поправить свое здоровье, Ленин вместе с женой и Марией Эссен, еще одной руководительницей большевиков, отправился в горы. Путешествие продолжалось почти все лето. По настоянию Ленина много ходили пешком, карабкались с рюкзаками на горные кручи. «Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухомятку – сыром с яйцами,

запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка», – вспоминала Крупская. Тем не менее время от времени путники отдыхали в многочисленных гостиницах и пансионатах – инфраструктура туризма в Швейцарии была развита очень хорошо. О политике договорились беседовать как можно реже, пусть это и удавалось не вполне. «Смена впечатлений, горный воздух, одиночество, здоровая усталость и здоровый сон прямо целительно повлияли на Владимира Ильича. Опять вернулись к нему сила и бодрость, веселое настроение», – вспоминала впоследствии Надежда Константиновна.

Немало способствовало укреплению здоровья Ленина и то обстоятельство, что он продолжал уделять большое внимание своей физической форме. Николай Вольский, познакомившийся с ним примерно в это время, вспоминал впоследствии:

«Мало кто знает, что Ленин был активным спортсменом. (…) Ленин меня крайне удивил, когда обнаружилось, что он немало интересуется спортом и разными физическими упражнениями. Он мне сообщил, что когда-то в Казани ходил в цирк специально, чтобы видеть атлетические номера и потерял к ним всякое уважение, случайно узнав за кулисами цирка, что гири атлетов дутые, пустые и потому совсем нетяжелые.

Разговор потом перешел к упражнениям, считающимся в атлетике основными, классическими. Я взялся их показать Ленину, оперируя вместо штанги половой щеткой, которую он мне принес. (…)

При встрече чрез несколько дней Елизавета Васильевна мне сказала:

– Не правда ли, какой Владимир Ильич ловкий? Прямо удивительно, как он схватывал всякие ваши штуки с щеткой. Володенька во всем ловкий. Пуговица у него где-нибудь оторвется, ни к кому не обращаясь, он сам ее пришьет и лучше, чем Надя (Крупская). Он и ловкий, и аккуратный. Утром, прежде чем сесть заниматься, всюду с тряпкой наводит порядок среди своих книг. Если ботинки начнет чистить – доведет их до глянцу. Пятно на пиджаке увидит – сейчас же принимается выводить.

Беседуя с Лениным, я понял, откуда у него такая крепко сложенная фигура, бросившаяся в глаза при первой с ним встрече. Он был настоящий спортсмен с большим вкусом ко всей гамме спорта. Оказалось, что он умел хорошо грести, плавать, ездить на велосипеде, кататься на коньках, проделывать разные упражнения на трапеции и на кольцах, стрелять, охотиться и, как я мог убедиться, ловко играть на биллиарде.

Он мне поведал, что каждое утро, полуголый, он проделывает не менее 10 минут разные гимнастические упражнения, среди них

на первом месте разведение и вращение рук, приседание, сгибание корпуса с таким расчетом, чтобы, не сгибая ног, коснуться пола пальцами вытянутых рук.

– Эту систему упражнений я сам себе установил уже много лет. Не гимнастирую только, когда, работая ночью, чувствую себя утром усталым. В этом случае, как показал опыт, гимнастика не рассеивает усталость, а ее увеличивает.

Ленин несомненно заботился о своем здоровье, и для него упражнения, гимнастика были не просто удовольствием, как у меня, а одним из средств укрепления здоровья. Впрочем, он и сюда подходил с точки нужд революции. (…)

О всяких физических упражнениях Ленин мог разговаривать только со мною. С кем другим? Для других компаньонов Ленина эта область была столь же неведома, далека, чужда, как вязание чулок или вышивание на пяльцах.

Я забыл указать, что, помимо уже перечисленных спортивных способностей, Ленин был еще превосходным, неутомимым ходоком, и в частности в горах».

В начале сентября Ленин и Крупская вернулись в Женеву с новыми силами. За время их отсутствия ситуация не сильно изменилась: большинство социал-демократов выступали за воссоединение двух фракций и против «раскольнической» позиции Ленина. В этой ситуации у Ильича оставалось два возможных варианта: либо подчиниться решениям ЦК и отказаться от своей точки зрения, либо идти дальше по пути раскола. Нетрудно догадаться, что он выбрал второй вариант.

Собрав вокруг себя оставшихся сторонников, Ленин фактически начал создавать параллельную организацию. В конце 1904 года вышел первый номер газеты «Вперед», которая, по сути, являлась конкурентом «Искры». Началась подготовка к созыву третьего съезда РСДРП, в котором должны были принимать участие только большевики. Ленин не собирался упускать контроль над российской социал-демократией. Расстановка сил среди эмигрантов была понятна; начиналась борьба за российскую аудиторию. «Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслужили гибели как презренные формалисты», – писал Ленин.

Однако, как это нередко бывает, события вскоре приняли непредвиденный оборот. 9 января 1905 года в Петербурге солдаты расстреляли мирную демонстрацию, шедшую подавать петицию императору. Погибло до 200 человек, в том числе

женщины и дети. Император Николай II по этому поводу выступил с речью, в которой заявил, что прощает… рабочих, участвовавших в мирной демонстрации и погибших под пулями солдат.

Кровавое воскресенье, как стали сразу же называть это событие, вызвало в стране революционный взрыв. Недовольство миллионов жителей «благополучной» России, доселе бурлившее под поверхностью, вырвалось наружу. В провинции начались крестьянские восстания, по городам прокатилась волна забастовок и стачек. Неспокойно было в армии и на флоте: одна из главных опор режима заколебалась. Впереди были восстание на броненосце «Потемкин» и баррикадные бои в Москве.

Российских эмигрантов в Швейцарии все произошедшее застало врасплох. Революция, на которую они так надеялись, опередила их, и теперь им оставалось только бежать следом в надежде догнать события. Ленин, однако, считал необходимым продолжать ранее взятый курс на идеологическое размежевание с меньшевиками. Именно сейчас, когда российская монархия зашаталась, критически важно сформировать сильную централизованную партию, не раздираемую внутренними противоречиями по любому мало-мальски значимому вопросу.

Как и следовало ожидать, основная часть меньшевиков отказалась от участия в третьем съезде. Лишь некоторые сторонники Мартова согласились принять в нем участие. Меньшевики решили провести в Женеве свою партийную конференцию. Те, кто рассчитывал, что съезд поможет объединить партию, были разочарованы. Ленин к их числу не относился.

Третий съезд РСДРП прошел в Лондоне в апреле 1905 года. В нем приняли участие 38 делегатов. По сути, это было собрание большевистской фракции. Ленин безраздельно доминировал на съезде. Он был единогласно избран главой Центрального комитета и редакции новой партийной газеты «Пролетарий». Естественно, делегаты съезда осудили меньшевиков и возложили на них вину за раскол партии.

Одной из главных тем обсуждения являлись события в России. Ленин выступил с тезисом о необходимости вооруженного восстания. Не было никакого сомнения в том, что начавшаяся революция носит буржуазно-демократический характер. Однако лидер большевиков считал, что нужно принять в ней самое деятельное участие, постараться возглавить ее и затем превратить в социалистическую. Для этого следовало вести максимально широкую агитацию, привлекать в партию как можно больше рабочих, создавать многочисленные органы на местах.

При этом Ленин особо подчеркивал необходимость союза с крестьянством, поддержки крестьянских выступлений, учета интересов крестьян. Для его противников это был повод обвинить его в отходе от марксизма и возврате к народничеству. Однако Ленин был реалистом и прекрасно понимал, что в стране, где подавляющее большинство населения составляют крестьяне, иначе действовать просто невозможно.

Одновременно Ленин написал книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где выступил в защиту своих тезисов. «Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни социал-демократы решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряду с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы», – писал он. Ленин выступал за подготовку и осуществление всенародного вооруженного восстания, не дожидаясь, пока для этого созреют все теоретические предпосылки: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства – за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых – за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции».

На съезде было решено перенести деятельность ЦК и редакции газеты «Пролетарий» в Россию. Ленин поддерживал это решение – большевикам в условиях начавшейся революции следовало быть ближе к центру событий. Однако свое возвращение в страну он считал необходимым тщательно подготовить. Это вызывало непонимание у ряда его сподвижников, которые настаивали на скорейшем отъезде в Россию. Но Ленин понимал, что рискует быть арестованным сразу после пересечения российской границы, и не считал такой риск оправданным. «Мы пойдем другим путем» – этот лозунг, помимо всего прочего, означал отказ от неоправданного

самопожертвования, от бессмысленной и бесплодной гибели. Только после издания императорского манифеста 17 октября, гарантировавшего гражданские права и созыв парламента, он отправился в путь через Стокгольм. В начале ноября Ленин и Крупская прибыли в Петербург. Впервые за много лет Ильич вернулся на родину – в этот раз уже будучи признанным лидером.

Как складывалась жизнь Ленина в эмиграции? В бытовом отношении все выглядело довольно неплохо. Семья жила скромно, но не голодала. Как член редколлегии «Искры» (а затем – газет «Вперед» и «Пролетарий»), Ленин получал небольшую зарплату из партийной кассы. Кроме того, он активно публиковался в различных изданиях, не относившихся к числу социал-демократических. Публицистическая деятельность была нерегулярным, но все же источником дохода. «От своей издательницы я получил на днях 250 рублей, так что и с финансовой стороны теперь дела недурны», – писал он родным летом 1901 года. Важным источником поступлений были также деньги, которые временами пересылала ему мать. Небольшой капитал от продажи Алакаевки все еще лежал на банковском счету и приносил проценты. Бывали и случайные доходы – так, остававшийся в России Дмитрий Ульянов продал старое охотничье ружье старшего брата и переслал ему деньги. «Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?» – рассказывала впоследствии Крупская.

В эмиграции Ленин очень внимательно относился к единомышленникам. Прибывающих из России большевиков он часто приходил встречать на вокзал, помогал освоиться в новой для них обстановке. Молодой социал-демократ Николай Вольский впоследствии вспоминал, как Ленин помог ему найти работу носильщика. Когда выяснилось, что Вольский не выдерживает физических нагрузок, Ленин стал помогать ему в работе.

Физическая форма позволяла Ильичу делать это; он по-прежнему большое внимание уделял гимнастике. Кроме того, его образ жизни трудно не назвать здоровым. Он не курил и не любил, когда в его присутствии курят: исключение делалось только для тещи. Он любил пиво, но редко выпивал больше одной кружки. Никто и никогда не видел Ленина пьяным. «Его нельзя себе представить пьяным. Вид одного пьяного товарища в Париже вызвал у него содрогание и отвращение», – вспоминал впоследствии один из его соратников. Теперь это здоровье должно было очень пригодиться ему в вихрях первой русской революции.

Глава 5
Лидер

«Его волевой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее ее нажимают. Это был сильный и крепкий партийный и политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силой личного примера и внушением неограниченной веры в себя, и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться, выражаясь словами Ленина, в «зазнавшуюся партию», способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности. В этой необыкновенной целостности натуры заключается и в значительной доле секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам».

Так писал о своем политическом противнике один из лидеров российских эсеров, Виктор Михайлович Чернов. Партия социалистов-революционеров, созданная в 1902 году, была значительной силой среди российских левых, опиралась на традиции революционного народничества и уделяла большое внимание аграрному вопросу. Во многом стремление перетянуть сторонников у эсеров объясняло то внимание, которое уделял проблемам крестьян Ленин. РСДРП являлась главным конкурентом эсеров на левом крыле политического спектра, и у Чернова не было ни малейшего стимула хвалить Ленина сверх меры.

Но вернемся в Петербург. Первое время после приезда Ленин жил совершенно открыто, даже зарегистрировался в полиции, как того требовал закон. Однако очень быстро обнаружил, что находится «под колпаком» полицейской слежки. Пришлось перейти на нелегальное положение.

В России Ленина уже хорошо знали – по крайней мере, если говорить о социал-демократах. Его книга «Что делать?» считалась одним из основополагающих программных трудов. В Петербурге Ленин активно встречался со своими сторонниками, налаживал связи с местными организациями социал-демократов, принимал посетителей со всей страны. Он много писал, развивая идеи, высказанные им на Третьем съезде. Однако взять в свои руки нити подготовки вооруженного восстания пока не представлялось возможным. Партия большевиков была еще слишком малочисленной, стояла в самом начале своего развития. На ход

событий она оказывала заметное, однако далеко не доминирующее влияние. В итоге Ленин и его окружение вынуждены были главным образом наблюдать за развитием ситуации и реагировать на происходящее – происходящее часто помимо их воли.

Основные усилия Ленина были направлены на то, чтобы превратить небольшую организацию левых интеллектуалов в массовую партию. О необходимости такой трансформации он говорил уже давно, и у некоторых «ветеранов» это вызывало понятное сопротивление. Не приведет ли такая политика к размыванию основ партии? Ленин считал, что в текущих условиях это неважно. В России уже происходит революция, и времени на «раскачку» не остается. «Тут нужна бешеная энергия и еще раз энергия», – писал он. От слов нужно переходить к действиям, организовывать вооруженную борьбу. Инициативу революционного пролетариата, пусть даже далекую от идеала с теоретической точки зрения, необходимо всячески поддерживать. «Конечно, всякая крайность нехороша, – писал Ленин. – Все благое и полезное, доведенное до крайности, может стать и даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный, мелкий террор может, будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их. Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя забывать и того, что теперь лозунг восстания уже дан, восстание уже начато». Ради того, чтобы использовать текущий момент в полной мере, не упустить шанс на успех революции, Ленин теперь даже был готов пойти на компромисс с меньшевиками. Ближе познакомившись с ситуацией в России, он понял, что в нынешних условиях все разногласия должны отойти на второй план.

Именно поэтому Ленин принял активное участие в подготовке нового съезда РСДРП, который должен был объединить две фракции. «Объединительный съезд», как его стали называть, прошел в Стокгольме в апреле 1906 года. Он оказался весьма представительным – всего в нем приняли участие почти полторы сотни делегатов. Меньшевики на съезде имели некоторый перевес и смогли провести практически все выгодные им решения. Предложения Ленина по аграрному вопросу были отвергнуты. Меньшевистское большинство (простите за невольный каламбур) приняло весьма осторожную резолюцию по поводу вооруженного восстания, запретило насильственные экспроприации. В Центральный комитет вошли семь представителей меньшевистского крыла и три большевика (Ленина среди них не было). Единственное, в чем Ильич оказался

согласен с меньшевистским большинством, – необходимость участвовать в выборах в российский парламент, Государственную думу. Основная часть большевиков выступала за бойкот выборов.

Такие результаты съезда, разумеется, не могли удовлетворить Ленина. Он рассчитывал на компромисс, а не на победу меньшевиков. Поэтому сразу же после съезда был образован «теневой Центральный комитет», состоявший из большевиков. «В ЦК взяли несколько наших товарищей, как мы тогда говорили, – заложниками. Но в то же время, на самом съезде, большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Это период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу», – вспоминал впоследствии один из большевистских лидеров Григорий Зиновьев. Сформировался так называемый «Большевистский центр». В то же время форсировать новый раскол было явно некстати, и внешне РСДРП сохраняла свое единство.

К этому же периоду относится и знакомство Ленина с молодым грузинским социал-демократом Иосифом Сталиным. Позднее, в 1912 году, Ильич назвал его «чудесным грузином», а после Октябрьской революции Сталин постепенно стал одним из его ближайших сподвижников (хотя, конечно же, не правой рукой, как об этом твердила советская пропаганда в тридцатые годы).

В начале 1906 года Ленин впервые выступил перед многотысячной толпой. Как и все начинающие ораторы, он сильно нервничал. «Я стояла в толпе. Ильич ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу», – вспоминала Крупская. Однако усилием воли он взял себя в руки и начал свою речь. Толпа встретила его выступление (а выступал он под псевдонимом) аплодисментами.

Тем временем в России революция пошла на спад. Царское правительство понемногу возвращало себе контроль над ситуацией. Находиться в Петербурге становилось для Ленина все опаснее. В конце концов весной 1906 года он вместе с другом и соратником Александром Богдановым поселился на даче «Вааса» в поселке Куоккала. Сегодня этот поселок носит название Репино и находится в Курортном районе города Санкт-Петербурга. Тогда, несмотря на близость к имперской столице, это была наполовину «заграница». Куоккала располагалась на территории Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи, но обладавшего широкой автономией. Возможности российских властей здесь были довольно ограниченны, а местные власти откровенно недолюбливали царизм и сочувственно

относились к социал-демократам, в которых видели союзников. Владелец дачи также сочувствовал большевикам и позволил превратить ее фактически в конспиративный центр. Здесь, в Куоккала, Ленин пробыл до ноября 1907 года.

На финской территории он чувствовал себя в безопасности. Дверь дачи даже не запиралась на ночь, чтобы прибывшие в любое время суток сподвижники могли спокойно зайти внутрь. Многие пользовались этим правом. На даче побывало почти все руководство большевистской фракции. Отсюда потоком шли инструкции, письма, статьи. Ленин писал: «Еще Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность. Кто участвует в выборах и боится испачкать себе руки, раскапывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит прочь. Наивные белоручки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела». Эти слова можно с полным на то правом назвать политическим кредо Ильича.

Весной 1907 года в Куоккала появился Лев Троцкий, бежавший из сибирской ссылки. А в июне сюда привезли большую сумму денег. Они были получены в результате дерзкой экспроприации в Тифлисе, организованной местными большевиками под руководством Тер-Петросяна и Сталина. Правда, значительная часть суммы была в крупных купюрах, сбыть которые было попросту нереально, и их пришлось сжигать.

С растущим разочарованием Ленин наблюдал за угасанием русской революции. Шанс, которого так долго ждали, не был использован. Естественно, Ильич обвинял в этом своих политических противников. Отношения с меньшевиками вновь начали обостряться, тем более что особой нужды поддерживать единство уже не было. «Революция закончилась. Нового подъема революционной волны можно ожидать не раньше чем через десять лет», – сказал по этому поводу Ленин.

В мае 1907 года в Лондоне состоялся Пятый съезд РСДРП. На нем присутствовало более 300 делегатов, многие из которых представляли еврейских, польских и латышских социал-демократов. Силы большевиков и меньшевиков были примерно равными. Борьба между ними развернулась по всем вопросам, начиная с повестки дня. Ленин обвинил меньшевиков в извращении принципов марксизма. Те не остались в долгу, заклеймив его за беспринципность и «грязные» методы финансирования партии (имелись в виду те самые экспроприации). На съезде меньшевики одержали победу, но она оказалась пирровой: большевики все увереннее вели дело к отделению, «Большевистский центр» активизировался еще

сильнее. К слову, само это название появилось именно после Пятого съезда.

Тем временем над головой Ленина сгущались тучи. В начале 1907 года Яков Житомирский, провокатор в рядах большевиков, сообщил царской «охранке», что Владимир Ульянов скрывается в Куоккала. Через несколько месяцев полиция уже располагала всей информацией относительно точного местонахождения, контактов, корреспонденции Ильича. С арестом медлили только потому, что это неизбежно привело бы к раскрытию ценного агента. К слову, Житомирский был разоблачен только после революции 1917 года.

Однако большевики тоже были настороже. Активность полиции в окрестностях Куоккала не прошла незамеченной. Ленин в срочном порядке уехал в ноябре в Гельсингфорс (Хельсинки), а Крупская вместе с супругами Богдановыми сожгла компрометирующие документы. Становилось ясно, что избежать очередного отъезда в эмиграцию не получится.

Пути супругов разделились: Крупская отправилась в Петербург, чтобы встретиться с оставшимися в столице соратниками, а также навестить больную мать. Ленин же продолжил путь в Або (Турку). Он чувствовал за собой слежку, нервничал и старался соблюдать все возможные меры конспирации. Так, по пути в Або он сошел с поезда раньше времени и проделал последние несколько километров пешком. Отсюда он рассчитывал отправиться в Швецию.

На протяжении всего пути Ленину по мере сил помогали финские социал-демократы. Если бы не их помощь, он вряд ли смог бы успешно уйти от полицейских агентов. Последние дежурили повсюду, в том числе и в гавани Або, отлавливая пытавшихся уплыть в Швецию представителей революционных партий.

После короткого совещания с финнами было решено добраться до островов в Ботническом заливе, а там уже сесть на идущий в Стокгольм паром. В начале декабря залив уже покрылся льдом, который, правда, местами был еще весьма непрочным. В качестве провожатых Ленин взял двух местных жителей, которые перед путешествием изрядно выпили. Это чуть не погубило вождя большевиков: лед под их ногами стал трескаться, и они чуть не ушли под воду, лишь чудом сумев добраться до безопасного участка. Как вспоминал Ленин впоследствии, в этот момент он ощущал в первую очередь сожаление – слишком глупо приходится погибать.

12 декабря Ленин сел на паром до Стокгольма. Начался очередной, наиболее продолжительный, период его эмиграции.

В шведской столице к мужу присоединилась и Надежда

Константиновна. Через Берлин они вместе добрались до Женевы. Здесь их скосил тяжелый грипп. Волнения и тревоги, напряжение проведенных в России лет, как это часто бывает, подорвали их здоровье. К этому добавлялось осознание поражения. «Чувствую, вернусь сюда и лягу здесь в могилу», – говорил Ленин о Швейцарии. Впрочем, приступы его пессимизма никогда не бывали продолжительными.

Чтобы поправить свое здоровье, Ленин в апреле 1908 года вместе с Богдановым отправился в гости к писателю Максиму Горькому на маленький итальянский остров Капри. Благоприятный средиземноморский климат должен был помочь ему восстановиться. В отличие от многих других революционеров, считавших отдых непозволительной роскошью, Ленин полагал иначе. Он знал всю справедливость пословицы «Хорошо работает тот, кто хорошо отдыхает». Даже оказываясь в сложной материальной ситуации, Ленин и Крупская никогда не экономили на отдыхе и на здоровье. Каждое лето они хотя бы на короткое время уезжали на отдых – к морю, в горы или просто в сельскую местность.

На Капри Ленин, Богданов и Горький много беседовали, часто играли в шахматы. Богданов оказался более сильным игроком, и, как вспоминал Горький, Ленин, «проигрывая, сердился, даже унывал как-то по-детски». О политике говорили немного – в конечном счете Ленин приехал сюда отдыхать. Он с удовольствием общался с местными рыбаками, и даже незнание итальянского языка ему не мешало. «Кози: дринь-дринь. Капиш?» – говорили местные рыбаки, показывая Ленину, как надо ловить рыбу без удочки, наматывая леску на палец. «Ага! Дринь-дринь!» – воскликнул Ленин, когда рыба наконец клюнула. Рыбаки так и прозвали его – «синьор Дринь-Дринь». Политический эмигрант из России пришелся им по душе, и уже после отъезда Ленина они не раз спрашивали Горького: «Как там синьор Дринь-Дринь? Царь не схватит его?»

Ленин играет в шахматы в гостях у Горького на Капри. Ничто человеческое ему не чуждо

Отношения Горького и Ленина были сложными. Впоследствии, после смерти Ильича, «великий пролетарский писатель» напишет о нем большой и хвалебный роман. Но в те годы позиция Горького была не столь однозначна. Он симпатизировал большевикам, но в их лидере ему многое не нравилось. Горький за глаза обвинял Ленина в тщеславии, в стремлении оказаться лучшим марксистом, чем сам Маркс. Ему не нравилась жесткая манера, в которой Ильич обычно вел полемику со своими противниками. Тем не менее отношения с Лениным он не разрывал, и в 1910 году Ильич снова отдыхал у него на Капри.

После отдыха на Капри Ленин поехал в Лондон. Здесь он много работал в библиотеке Британского музея, знакомясь с трудами современных философов. Потом вернулся в Швейцарию. Постепенно жизнь в Женеве входила в привычную колею. Ленин много общался со своей сестрой Марией, которая также являлась активной участницей большевистской деятельности. По выходным они часто выезжали на велосипедные прогулки.

Как всегда, в этот период своей жизни Ленин много читал. У него были достаточно обширные литературные пристрастия. Крупская вспоминала: «Ни в какой мере нельзя по цитатам и частоте их употребления определять, какие произведения и какие писатели были любимыми писателями Ильича. Характер цитат определяется характером его статей – боевые, публицистические. По натуре, несмотря на величайшую трезвость мысли, Ильич был

очень большой лирик, очень любил стихи пафосные, лирические, только об этом он не писал, конечно». Ленин очень любил русскую классическую литературу. К числу его любимых авторов относились Пушкин, Крылов, Салтыков-Щедрин. Читал он и немецких, и французских писателей. Великолепно знал Гете, Гюго, Мольера и часто использовал созданные ими литературные образы в своих статьях на злобу дня. Один из его соратников вспоминал: «Никто, между прочим, не представлял себе Ильича как большого любителя поэзии, и именно поэзии классической, немножко отдающей стариной. Он всегда был не прочь в очень редкие минуты своего отдыха заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина и даже таких менее крупных поэтов, как Баратынский или Тютчев. Даже, если не ошибаюсь, Тютчев пользовался его преимущественным расположением».

В декабре 1908 года руководство Большевистского центра приняло решение перенести свою деятельность из Женевы в Париж. Ленин выступал против, но, как это часто бывало, подчинился общему решению. Французская столица ему никогда не нравилась; «скверная дыра» – так характеризовал он город, считавшийся одним из красивейших в Европе.

В Париж прибыли вчетвером – Ленин, Крупская, мать Надежды и сестра Владимира Мария. Спустя некоторое время наняли домработницу. Елизавета Васильевна по состоянию здоровья уже не могла полноценно работать по хозяйству, а из Надежды Константиновны домохозяйка была откровенно плохая. Она не любила и не умела готовить.

Ленин практически каждый день ездил во французскую Национальную библиотеку, работал с литературой. Раз с революцией не удалось, считал он, можно посвятить время фундаментальным философским работам. В 1909 году увидела свет объемистая книга «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Ленин стремился выступить в роли наследника Маркса и Энгельса, ученого, способного развить марксистскую философию. Многие его произведения следующих лет были подчинены именно этой цели.

Пересказывать содержание этих произведений, думаю, нет нужды, тем более что для этого пришлось бы углубляться в область философских материй и выделять отдельную главу под очерк европейской философии Нового времени. Ленин писал для подготовленного читателя. Вопрос о том, насколько ему действительно удалось развить идеи Маркса, является спорным. Большинство исследователей сегодня склонны говорить об идеях

Ленина как об одном из возможных путей развития марксизма. Именно в этот период начинает формироваться та система идей, которую впоследствии назовут ленинизмом.

Передвигался по Парижу Ильич на велосипеде. Своего «железного коня» он холил и лелеял, как настоящего. Каждые выходные он в обязательном порядке предпринимал велосипедную прогулку за город. Большевичка Лилина вспоминала: «Владимир Ильич работал шесть дней в неделю, не давая себе ни минуты отдыха. Зато один день в неделю (…) он отдыхал полностью. Мы тогда садились все четверо – Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев и я – на велосипеды и уезжали с 6 часов утра до 10–11 вечера за город. Условие, которое В.И. при этом ставил – ни слова о политике. В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным: о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике? Но оказалось, что с В.И. можно говорить о многом, не касаясь политики. В.И. был прекрасным велосипедистом».

Ленин очень расстроился, когда однажды велосипед был украден. Поиски ни к чему не привели, пришлось покупать новый. А в декабре 1909 года ехавшего на велосипеде Ленина сбил автомобиль. Травмы, к счастью, оказались не очень серьезными, а через суд удалось добиться от владельца автомобиля денежной компенсации. Тем не менее неприятный осадок остался. Положительно, Париж платил не любившему его Ленину взаимностью.

Не прекращались и политические споры. Ленину приходилось вести войну на два фронта – как против меньшевиков, так и против чересчур радикальных большевиков, требовавших отзыва большевистских депутатов из Государственной думы и немедленной подготовки вооруженного восстания. К числу последних принадлежал и Богданов, в недавнем прошлом близкий друг Ильича. Как это часто бывало, политические разногласия привели к крушению личных отношений. Принципиальная позиция Ленина стоила ему многих друзей.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях отмечала способность Ленина ставить интересы дела выше личных отношений – и в плохом, и в хорошем смысле. «У Владимира Ильича была феноменальная выдержка. И он очень хорошо знал, как спрятать и не показывать своего отношения к людям, когда чувствовал, что это по тем или иным причинам более разумно. (…) Тем более он сдерживал себя в отношениях с товарищами, с которыми сводила его работа. Дело всегда стояло у него на первом месте; он знал, как подчинить личное делу, и этот личный

элемент никогда не выставлялся и не был у него на первом месте».

Разумеется, все относительно; сдержанность Ленина не мешала ему горячо спорить с товарищами, употребляя порой достаточно резкие слова. Впоследствии это давало некоторым историкам основания строить предположения относительно «ссоры» Ленина с тем или иным сподвижником. На самом деле, жесткая дискуссия сама по себе еще не означала ссоры; в среде большевиков считалось добродетелью говорить прямо то, что думаешь, не скрывая своего мнения за кружевом дипломатических формулировок. Однажды Ленин заявил товарищу по партии: «До сих пор я думал, что имею дело со взрослым человеком, а теперь смотрю на вас и не знаю: не дитя ли вы или по ряду соображений ради моральности хотите казаться дитятей. Вас, видите ли, тошнит, что в партии не господствует тон, принятый в институте благородных девиц. Это старые песни тех, кто из борцов-революционеров желает сделать мокрых куриц. Боже упаси, не заденьте каким-нибудь словом Ивана Ивановича. Храни вас Бог – не вздумайте обидеть Петра Петровича. Спорьте друг с другом только с реверансами. Если бы социал-демократия (…) применяла беззубые, никого не задевающие слова, она была бы похожа на меланхолических пасторов, произносящих по воскресеньям никому не нужные проповеди». Другому сподвижнику он заявил: «Меня раздражает ваш дипломатический или, вернее, парламентский тон! Говорите же, ругайтесь, возражайте!»

Но вернемся в начало 1909 года. Нельзя не признать, что именно точка зрения Ильича была в той ситуации трезвой и правильной. Революционная война улеглась, вооруженное восстание в этой ситуации было бы обречено на провал. Следовало использовать все возможности для легальной работы, в том числе участие в деятельности парламента. Ленин не строил никаких иллюзий по поводу возможности большевиков направлять законодательную деятельность в Российской империи. Дума нужна была ему как трибуна для агитации, как средство донести большевистскую точку зрения до населения Российской империи.

В феврале 1909 года Ленин разорвал все отношения с Богдановым. На заседании Большевистского центра «радикалов» подвергли критике, Богданова исключили из фракции. Теперь, когда необходимости срочно собирать все силы не было, можно было позаботиться о чистоте рядов, о внутренней сплоченности и единстве большевистской группировки. Поэтому он легко шел на раскол. И большинство шло за ним. «Нет больше такого человека,

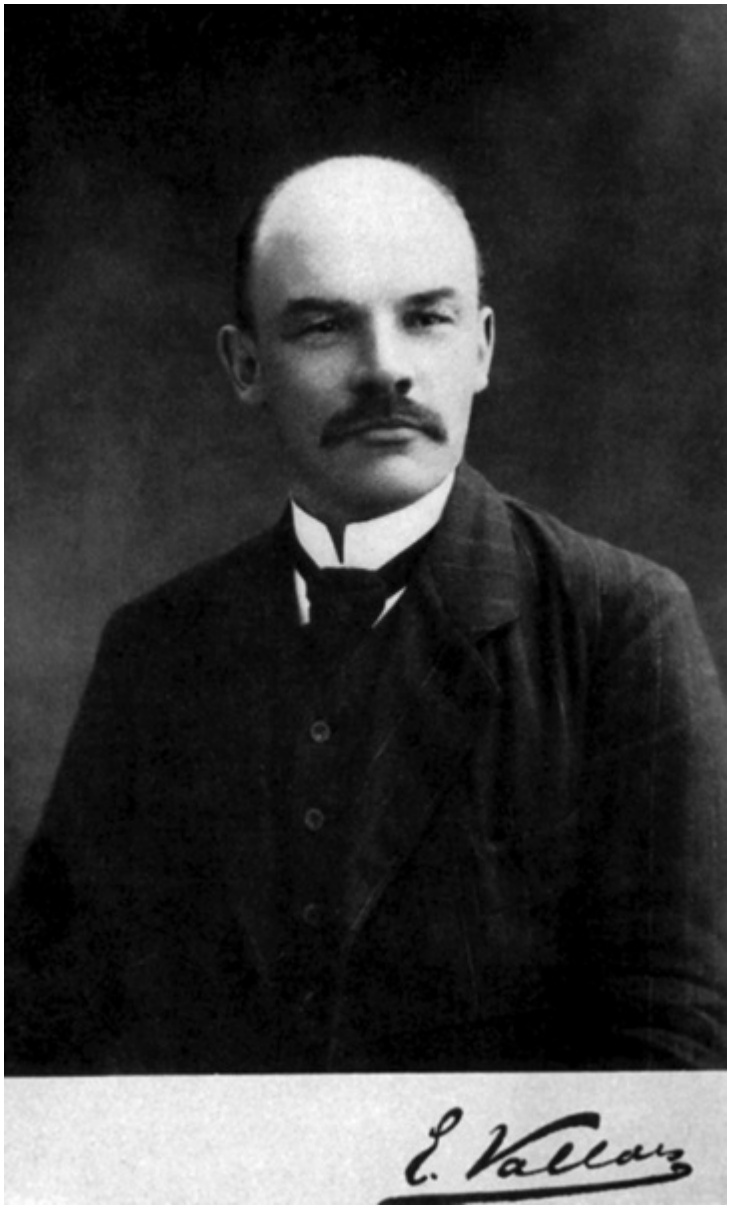
который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией, у которого бы не было других мыслей, кроме мыслей о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с ним!» – с досадой говорил один из лидеров меньшевиков Федор Дан. Целеустремленность Ленина, его преданность делу и огромная работоспособность производили на окружающих неизгладимое впечатление.

Тем временем начались проблемы в семье. Мария заболела сначала тифом, потом аппендицитом. Владимир, очень любивший младшую сестру, всячески старался ей помочь, ухаживал, нашел хороших врачей. Однако и его собственное здоровье было не в лучшем состоянии. В конце концов семейству пришлось отправиться на отдых во французскую глубинку, в деревню. Здесь они провели пять недель.

Вернувшись, Ленин столкнулся с растущей оппозицией среди своих сторонников. Уход «радикалов» усилил позиции сторонников компромисса с меньшевиками. Было, в частности, принято решение сотрудничать с примыкавшим к меньшевикам Троцким, выпускавшим в Вене газету «Правда». Ленин был в ярости. В январе 1910 года в Париже прошел пленум Центрального комитета РСДРП, на котором был принят ряд решений, направленных против большевиков и лично Ленина. В частности, члены ЦК требовали ликвидировать Большевистский центр, прекратить раскольническую деятельность, закрыть газету «Пролетарий». Для работы в России создавалась Русская коллегия, что должно было ограничить влияние эмигрантов на работу партии.

А в семейной жизни назревали свои бури. В 1909 году Ленин познакомился с Инессой Арманд, приехавшей в Париж из России. Она была давней участницей революционного движения. Красивая, яркая, прекрасно образованная, она сразу же начала играть важную роль во фракции большевиков. Не менее важную роль она сыграла и в жизни Ленина.

Отношения лидера большевиков с Инессой Арманд на протяжении длительного времени притягивали к себе внимание любознательной публики. В советские времена говорить о любовной связи между Лениным и Арманд было фактически запрещено, однако это не мешало циркулировать упорным слухам. Начиная с конца 1980-х годов масштабы этой связи, наоборот, стали всячески преувеличиваться.



Ленин в Париже. 1910 год

Инициатива исходила от Арманд. Она была покорена волей, решительностью, умом Владимира. «Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. (…) Тебя я в то время боялась пуще огня, – писала она уже после завершения их связи, в конце 1913 года. – Хочется увидеть тебя, но, кажется, лучше умереть на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо

заходили к тебе, говорили с тобой. (…) Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал».

По всей видимости, Ленин не смог устоять перед обаянием Инессы. Сначала она была для него подругой по борьбе, соратницей, единомышленницей, с которой можно было обсуждать самые различные темы. Арманд была не только красива, но и умна, и это импонировало Ленину. Насколько сильна была его влюбленность, неизвестно; Ленин никому не раскрывал свою душу. Свои письма к Инессе, написанные в 1910–1912 годах, он впоследствии попросил ее вернуть и, по всей видимости, уничтожил. Однако роман с красавицей, судя по всему, вдохнул в него новые силы, наполнил энергией.

В 1911 году Инесса поселилась совсем рядом с Лениным. Казавшийся нерушимым брак Владимира и Надежды начал трещать по швам. Свидетели происходившего глухо упоминают в своих мемуарах о признаках серьезного разлада в отношениях супругов. Однако до открытого разрыва дело не дошло. Ленин не собирался расставаться с женой, которую, как ни парадоксально это может прозвучать, по-настоящему любил. В 1912 году он принял тяжелое решение: разорвать связь с Арманд.

О том, что это было именно его решение, свидетельствует все то же письмо Инессы, написанное в декабре 1913 года: «Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни (…). Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я на то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Инесса Арманд. Давно уже не тайная любовь Ильича

Удивительно, но ситуация «любовного треугольника» не помешала достаточно хорошим отношениям между двумя соперницами – Крупской и Арманд. Более того, общение между супругами и Инессой продолжилось и после 1912 года, она осталась их близким другом. К детям Арманд Ленин и Крупская испытывали почти родительские чувства.

Вероятно, сгладить ситуацию в значительной степени помогло то, что у всех троих, помимо романтических увлечений,

была одна и та же страсть: революция. Интересы дела они ставили выше личного. Это помогло Ленину и Крупской преодолеть кризис в отношениях, помогло им сохранить тесное сотрудничество с Инессой Арманд. Впрочем, Инесса, судя по всему, продолжала любить Ленина до конца жизни.

Главным для Ильича оставалась партийная деятельность. Здесь его положение постепенно укреплялось. Попытка перенести «центр тяжести» партийной работы в Россию оказалась неудачной: «охранка» настолько эффективно боролась с нелегальной деятельностью большевиков, что в партии появилось даже течение «ликвидаторов», выступавшее за роспуск РСДРП и создание некоей новой организации, которая занималась бы исключительно легальной деятельностью. Все это позволяло Ленину позиционировать себя как наиболее принципиального и идейного борца за ценности и идеалы социал-демократии. На партийных совещаниях в 1911 году был принят ряд выгодных ему решений. С помощью Серго Орджоникидзе он начал подготовку созыва конференции, на которой преимущество должно было оказаться в руках большевиков.

В январе 1912 года такая конференция открылась в Праге. На ней присутствовали всего 14 делегатов, практически все – большевики-ленинцы. Плеханов и Горький отказались приехать на конференцию, мотивируя это произвольным подбором делегатов. Тем не менее конференция заявила о своем праве выступать от лица всей РСДРП. Был избран новый, большевистский Центральный комитет, в состав которого вошел Ленин. По всем программным пунктам также были фактически приняты ленинские предложения. В то же время делегаты конференции большинством голосов поддержали тезис о необходимости перенести центр тяжести РСДРП в Россию и предоставить большинство мест в ЦК представителям российских парторганизаций.

Особо следует упомянуть, что среди делегатов двое оказались агентами российской тайной полиции, что свидетельствует о высокой эффективности работы «охранки». В предательство одного из них, Романа Малиновского, большевики долго отказывались верить, считая все слухи на его счет клеветой. Разоблачен Малиновский был только в 1917 году. Тогда же и стал ясен масштаб деятельности «охранки», которая смогла буквально напичкать социал-демократические организации своими агентами. Против профессионалов тайной полиции у большевиков не было никаких шансов. Вернее, не было бы, если бы режим сам активно не копал себе могилу.

Впрочем, по некоторым данным, деятельность Малиновского

была полезной для Ленина. Как это часто бывает, руководство тайной полиции решило уничтожать революционеров с помощью революционеров и сделало ставку на Ленина как человека, который, как полагали в Петербурге, постоянно мешает объединению социал-демократических фракций. К примеру, в России периодически арестовывали членов ЦК, что позволяло Ленину кооптировать своих людей. Сам Ильич, естественно, о незваных «помощниках» не догадывался. В «охранке» считали, что, помогая Ленину, они тем самым ослабляют РСДРП. Масштаб ошибки стал ясен намного позднее. Чины тайной полиции вели игру настолько сложную, что запутались в ней сами.

Однако вернемся в Прагу. Разумеется, столь откровенный захват власти вызвал недовольство у социал-демократов, не поддерживавших Ленина. По инициативе Троцкого в Париже прошло совещание, осудившее «раскольников» и признавшее их решения незаконными. В августе в Вене прошла альтернативная партийная конференция. Хотя ее участники всячески подчеркивали единство партии, на деле было очевидно, что произошел раскол.

В начале 1912 года Ленин уехал из Парижа. Основной причиной было желание оказаться поближе к границам Российской империи, чтобы иметь возможность оперативно связываться с соратниками. ЦК принял решение об открытии новой легальной газеты, и Ленину хотелось сохранить контроль над происходящим. 22 апреля первый номер «Правды» вышел в свет. А в июне Ленин и Крупская пустились в путь.

«Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко – в Краков. Почти Россия! И евреи здесь похожи на русских, и граница русская в 8 верстах, (…), бабы босоногие в пестрых платьях – почти как Россия!» – писал Ленин матери. Краков, польский город, находившийся на северо-востоке Австро-Венгрии, привлекал не только близостью российской границы. Здесь была прекрасная библиотека, можно было легко поддерживать контакт с местными социал-демократами. Квартира, которую снял Ленин, находилась поблизости от почтового отделения и вокзала. Через местных жителей, которым было разрешено свободно передвигаться через границу, можно было передать и секретную корреспонденцию.

Сюда, в Краков, приезжали многие активные деятели РСДРП. Неподалеку от Ленина жил с семьей еще один руководитель ЦК – Зиновьев. Ленин любил ходить к ним в гости играть с сыном Зиновьева Степой. Жена Зиновьева вспоминала: «Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом для Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все его

повеления. Иногда В. И. и Степа переворачивали все вверх дном в комнате. Когда становилось особенно уж шумно, я пыталась их останавливать, но Ильич неизменно заявлял: не мешайте, мы играем. Однажды мы шли с В.И. по дороге к ним домой. Степа бежал впереди нас. Вдруг В. И. произнес: «Эх, жаль, что у нас нет такого Степы». Ленин по-прежнему сожалел о том, что у него не было своих детей.

Ленин и Зиновьев входили в состав Заграничного бюро, которое, согласно решениям партийной конференции, должно было подчиняться Русскому бюро партии. На самом деле, авторитет Ленина позволял ему играть ключевую роль в делах большевиков. Этому же способствовала «помощь» со стороны царской тайной полиции, регулярно арестовывавшей ключевых деятелей Русского бюро и тем самым ослаблявшей позиции этого органа. Однако единоличным руководителем, а тем более диктатором Ленин не был. Его стиль руководства был достаточно авторитарным, однако сам он признавал значение партийной дисциплины и подчинялся воле большинства.

Владимир Ильич по-прежнему много писал. Для «Правды» им были подготовлены сотни статей, и он всерьез негодовал, когда редакция отклоняла те или иные из них. «Почему зарезали мою статью об итальянском съезде? Вообще не грех бы извещать о непринятых статьях. Просьба эта вовсе не чрезмерная. Писать «для корзины», то есть статьи выкидываемые, очень невесело», – жаловался он в редакцию. Это само по себе многое говорит о той атмосфере, которая существовала в большевистском руководстве: несмотря на весь авторитет Ленина, с ним спорили, не соглашались, его статьи могли не опубликовать. Никакого «единоначалия» не существовало даже приблизительно.

В Кракове Ленин и Крупская часто и много гуляли, верные давно выработанной привычке. Нередко к ним присоединялась и Инесса Арманд. Соратники даже в шутку назвали их «партией прогулистов». Помимо политической литературы, Владимир Ильич охотно читал русскую классику, страсть к которой сохранял всю жизнь. Питались скромно. Лишь иногда из России от родных приходили посылки с деликатесами. «Пришла из дому посылка со всякой рыбиной – семгой, икрой, балыком; я извлекла по этому случаю у мамы кухарскую книгу и соорудила блины. И Владимир Ильич, который любил повкуснее и посытнее угостить товарищей, был архидоволен всей этой мурой», – вспоминала Крупская.

В июне 1913 года Владимир Ильич повез жену в Швейцарию, к всемирно известному медику профессору Кохеру. Базедова болезнь у Крупской обострялась, необходима была сложная

операция на щитовидной железе. Кохер был известен как разработчик методики, которая позволяла сделать операцию намного менее рискованной для жизни пациента и повысить шансы на успех. Стоили его услуги недешево, но Ленин был готов платить – здоровье жены было ему по-настоящему дорого. Операция прошла успешно. После нее супруги вернулись в Краков. Кохер советовал им провести две недели на альпийском курорте для закрепления результата, но денег на это уже не оставалось.

Летом 1913 и 1914 года Ленин с женой уезжали в сельскую местность, в деревню Бялы Дунаец к югу от Кракова. Поддерживать связь с товарищами здесь было сложнее, однако отдых являлся для супругов настоятельной необходимостью. В особенности это касалось Надежды Константиновны, которой врачи порекомендовали побольше дышать свежим воздухом. «Место здесь чудесное, воздух превосходный», – писал Ленин родным. Именно там, в австрийской провинции, находился лидер большевиков, когда в Европе разразилась мощная гроза: началась Первая мировая война.

Глава 6
Изгой

Поначалу казалось, что Июльский кризис 1914 года станет лишь одним из многих дипломатических конфликтов, сотрясавших Европу в начале XX века. Заявления о скорой неминуемой войне в эти годы звучали так часто, что к ним успели привыкнуть и воспринимали как шумовой фон. Тем более что после убийства австрийского престолонаследника в Сараево, с которого все и началось, проходила неделя за неделей, а ничего толком не происходило.

События начали разворачиваться с огромной скоростью, когда 23 июля австро-венгерское правительство предъявило ультиматум Сербии, которую считало ответственной за покушение. Условия ультиматума были достаточно тяжелыми, но вполне выполнимыми. Однако сербы надеялись на помощь России и в конечном счете согласились только на часть требований. 25 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Практически сразу же Российская империя начала мобилизацию, которую германское правительство немедленно потребовало прекратить. Требование осталось без ответа, и 1 августа Германия объявила войну России. Несколько дней спустя все основные державы Европы уже сошлись в смертельной схватке.

Ленина эти события застигли врасплох. Как подданный враждебного государства, он сразу же автоматически попадал под подозрение австро-венгерской полиции. 7 августа в его деревенский дом нагрянул полицейский служащий, который провел обыск и обнаружил массу подозрительных вещей, включая пистолет и документы с множеством цифр. Ленину удалось убедить его в том, что на следующий день он сам добровольно явится в полицейское управление. После этого вождь большевиков немедленно отправил телеграммы австрийским социал-демократам с просьбой о заступничестве, а также начальнику краковской полиции, прекрасно знавшему, что Ленин является политэмигрантом и врагом царизма, а не русским шпионом.

Тем не менее, пока колеса бюрократической машины со скрипом провернулись, Ленину все же пришлось посидеть в местной тюрьме. Его соседями по камере оказались местные жители, сидевшие за мелкие правонарушения. Ленин с удовольствием тряхнул стариной, давая им юридические консультации, и к концу своей короткой «отсидки» заработал

немалый авторитет и уважительное прозвище «Бычий хлоп» – «крепкий парень».

Тем временем судьба Ленина рассматривалась на самом верху. В Австро-Венгрии в отличие от России власти предпочитали сотрудничать с социал-демократами, поэтому заступничество местных левых оказалось эффективным. Один из лидеров австрийской социал-демократии, Виктор Адлер, отправился к министру внутренних дел. «Уверены ли Вы, что Ульянов – враг царского правительства?» – спросил министр. «О да, – ответил Адлер, – более заклятый враг, чем Ваше превосходительство!»

19 августа Ленин оказался на свободе. Однако необходимость отъезда из Кракова была очевидной. Вновь при помощи Виктора Адлера к началу сентября удалось оформить документы, необходимые для переезда в нейтральную Швейцарию. Здесь Ленин поселился в Берне и сразу же начал анализировать ситуацию.

С точки зрения социал-демократа, положение складывалось хуже некуда. На протяжении долгих предвоенных лет социал-демократические партии разных стран, входившие во Второй интернационал, торжественно клялись друг другу, что выступят против европейской войны, если правящие круги попробуют ее начать. Однако после первых выстрелов от былой солидарности не осталось и следа. Германская социал-демократия, самая мощная и влиятельная в Европе, единодушно проголосовала в рейхстаге за финансирование войны. Партии других стран не отставали от нее. Прежние обещания, клятвы и лозунги оказались забыты. Большинство российских социал-демократов также поддались патриотическому порыву и заявили о необходимости поддержать свою страну. Даже Плеханов призвал всех своих сторонников прекратить борьбу против царского правительства.

Ленин пошел против течения. Поначалу он отказывался верить в поступок немецких социал-демократов, а когда всякие сомнения исчезли, заявил, что Второму интернационалу пришел конец. «С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом», – заявил он.

С самого начала Ленин отстаивал идею о необходимости поражения собственной страны. В этом не было ничего нового – той же точки зрения он придерживался и во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. В чем была причина такой позиции? Неужели Ленин настолько ненавидел царизм, что готов был помогать врагам России, лишь бы свергнуть ненавистных Романовых?

Отчасти это было так. Ленин проводил четкое различие

между страной и ее правителями. Виновником войны, с точки зрения лидера большевиков, являлся именно царский режим, а если говорить шире, то империалистическая верхушка европейских стран. Именно помещики и капиталисты посылали на бойню миллионы простых людей, одурманивая их пропагандой, чтобы заставить погибать за чуждые им интересы. Рабочие и крестьяне должны осознать: война, начавшаяся в Европе, – не их война. Они должны повернуть штыки против своих угнетателей. Ленин выдвинул тезис о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую, в войну эксплуатируемых против эксплуататоров. «Тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку, – бери эти орудия смерти и разрушения, не слушай сентиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом», – обращался он к солдатам всех стран. Строго говоря, он хотел поражения не России, а всех стран, участвующих в войне, вернее – их правительств. Конечно, перспектива такого развития ситуации была на редкость маловероятной, но отказать ленинской точке зрения в последовательности было нельзя.

В самом начале войны Ленин написал статью «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», в которой напрямую заявил: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск». Следовательно, борьбу с царизмом прекращать нельзя, не говоря уже о какой-либо помощи российским властям. Интеллигентов, которые считали необходимым поддержать российский режим, Ленин в полемическом запале назвал «говном нации».

Эта позиция шокировала многих социал-демократов. Ленину пришлось постоянно вступать в жаркие споры, отстаивая правильность своих взглядов. Однако лишь немногие поддержали его точку зрения.

Переезд в Швейцарию значительно сократил возможности поддерживать связь с Россией и руководить партией. Все, что оставалось Ленину, – дискуссии с эмигрантами. «Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма» – так характеризовал он происходящее в одном из писем. Однако его политическая изоляция становилась все более сильной.

Семью Ленина преследовали несчастья. В марте 1915 года скончалась его теща. Надежда Константиновна, очень любившая мать, была убита горем. А год спустя, в июле 1916 года, не стало

Марии Александровны. В последний раз Ленин виделся с матерью в 1910 году в Стокгольме. Теперь он даже не мог приехать на ее похороны.

Ленина и Крупскую начали преследовать материальные проблемы. Поступавших денег не хватало. Они пытались найти работу, но русскоязычная публицистика была никому не нужна в Швейцарии, а установить контакт с российскими издателями было крайне сложно. Приходилось экономить на всем. Семья стала хуже питаться, новая одежда не покупалась. В феврале 1916 года Ленин с женой переехали в Цюрих, где сняли дешевую комнату. «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. (…) Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне», – писал он в 1916 году.

Ленину было бы сложно перенести это тяжелое время, если бы не его вездесущий оптимизм и здоровое чувство юмора. То, что Ильич любил хорошую шутку, подтверждается многими очевидцами. Уже после его смерти Максим Горький писал: «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться». «Юмор – прекрасное, здоровое качество, – говорил сам Ленин. – Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше».

Но пока что печальное преобладало. В 1915 году большевистские организации на территории России понесли значительные потери, некоторые были полностью разгромлены тайной полицией. Ленин и Зиновьев, поддержавший его «пораженчество», основали газету «Социал-демократ», которая должна была стать новым центральным органом партии. Переправлять ее через несколько границ удавалось только с большими сложностями. В конце 1915 года Ленин поддерживал переписку с 26 адресатами в России, через год их число сократилось до десяти.

Что оставалось Ленину в ситуации, когда текущая политическая работа оказалась сведена к минимуму? Возможно, кто-то другой на его месте решил бы расслабиться и отдохнуть. Но для Ильича это было «обломовщиной», за которую он не уставал ругать своих сподвижников. «Я бы взял не кое-кого, а

даже многих из наших партийных товарищей, – сказал как-то раз Ленин, – запер бы их на ключ в комнате и заставил читать «Обломова». Прочитали? А ну-ка еще раз. Прочитали? А ну-ка еще раз. А когда взмолятся, больше, мол, не можем, тогда следует приступить к допросу: а поняли ли вы, в чем суть обломовщины? Почувствовали ли, что она и в вас сидит? Решили ли твердо от этой болезни избавиться?»

И Ленин занимался тем, что он всегда делал в подобной ситуации: писал фундаментальные, программные труды. В первой половине 1916 года он работает над книгой, которая впоследствии вышла под названием «Империализм как высшая стадия капитализма». Сегодня именно эта работа считается наиболее крупным вкладом Ленина в развитие мировой науки. Ленин критически осмыслил и развил с марксистских позиций идеи, изложенные британским экономистом Джоном Гобсоном в его книге «Империализм». Тем самым он внес огромный вклад в развитие теории империализма. Именно в этом контексте его часто упоминают в учебниках по развитию политической науки, теории международных отношений, исторической мысли.

Для написания книги Ленин вновь много и жадно читал, причем на разных языках. Долгие годы в эмиграции позволили ему усовершенствовать свои лингвистические познания. Ильич был полиглотом. «Ленин знал много иностранных языков. Хорошо знал немецкий, французский, английский, изучал их, переводил с этих языков, читал по-польски, по-итальянски, – вспоминала впоследствии Крупская. – Понимал еще чешский и шведский».

В чем же состояла основная идея Ленина? В своей книге он утверждал, что в начале XX века в мире наступила эпоха империализма. Империализм – это высшая и последняя стадия капитализма, после которой начнется его «загнивание». Ленин выделил пять основных признаков империализма.

Первый из них заключается в том, что на смену свободной конкуренции множества мелких предприятий приходит господство крупных капиталистических монополий, которые делят между собой рынок. Оглядываясь на современный нам мир, мы можем точно сказать: Ильич совершенно правильно уловил тенденцию, которая продолжает действовать по сегодняшний день.

Второй признак – сращивание промышленного и банковского капитала. Если раньше предприятия и банки были независимы друг от друга, то теперь они сливаются в рамках финансово-промышленных империй.

Третий признак империализма – преобладание вывоза

капитала над вывозом товаров. Что это означало? Раньше страны Европы стремились продавать свою продукцию по всему миру, зарабатывая на производстве. Теперь появилась возможность вкладывать деньги в зависимые территории, извлекая прибыль из инвестиций. Производства, в первую очередь не слишком сложные, перемещались туда, где ниже издержки.

Четвертый признак – образование международных союзов монополистов, которые делят мир. В эпоху Ленина еще не было понятия «транснациональная корпорация», однако само явление уже появилось и процветало.

Пятый признак был очевиден для многих и касался колониальных империй. К началу XX века, писал Ленин, мир оказался поделен между странами, осуществлявшими колониальную экспансию. Однако аппетиты их далеко не удовлетворены, следовательно, неизбежны войны за передел мира. И такие войны к тому моменту уже начались.

«Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать как переходный или, вернее, умирающий капитализм», – писал Ленин. Эту фразу часто и справедливо критиковали. Однако что означало в данном конкретном случае умирание? Кризис и крах? Вовсе нет. «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран», – писал Ленин. Фактически он говорил об умирании «классического» капитализма, капитализма свободной конкуренции, каким его описывал Маркс, и констатировал переход мировой экономики на новый уровень.

Что было характерно для этого нового этапа? Во-первых, глобальный характер экономики. Теперь невозможно рассматривать капиталистическое хозяйство в национальных границах; оно приобрело общемировой характер. Соответственно антагонизм между капиталистами и рабочими дополнился антагонизмом между богатыми и бедными странами, разрыв между которыми все время растет. Средства, полученные за счет эксплуатации бедных стран, европейские капиталисты могут направить на улучшение условий жизни своих рабочих, за счет этого подкупа смягчая классовую борьбу. Это становится основой для ревизионизма в рабочем движении. Ревизионисты, по-

прежнему рассматривая экономику в узких национальных рамках, полагают, что эволюция капитализма позволяет осуществлять постепенное движение к всеобщему благоденствию. Однако это – лишь обманчивая иллюзия, порожденная эксплуатацией бедных стран.

Идеи, высказанные Лениным на страницах этой книги, сохраняют свою актуальность в значительной степени и по сей день. Хотя крушения капитализма в глобальном масштабе не произошло, Ленин верно подметил многие закономерности и тенденции развития мира в XX веке.

К 1916 году можно говорить и о складывании комплекса идей, который впоследствии будут называть словом «ленинизм». Помимо только что рассмотренного учения об империализме, для ленинизма характерен еще ряд важных тезисов, отличающих его от классического марксизма.

Во-первых, поскольку, как уже говорилось выше, у капиталистов развитых стран есть возможность «подкупать» своих рабочих, это снижает вероятность революции в таких государствах. Ранее общим местом у марксистов был тезис о том, что социализм придет на смену полностью развитому капитализму и, следовательно, социалистическая революция произойдет в самых передовых капиталистических странах. Из этого исходил и Ленин, это и заставляло его в 1890-е годы переоценивать уровень развития капитализма в России. Однако наступление империалистической стадии вытесняло острую классовую борьбу на периферию. Именно здесь, в «слабых звеньях» мировой капиталистической системы, вероятность революции, с точки зрения Ленина, становилась наиболее высокой.

Однако в этих «слабых звеньях» – в том числе и в России – городской пролетариат, на который марксисты и возлагали свои надежды, составлял меньшинство населения. Следовательно, для успеха революции ему нужно идти на союз с крестьянами. При этом пролетариат, возглавляемый социал-демократической партией, играет роль авангарда, гвардии, ударной силы революции.

После того как революция достигнет успеха, необходимы жесткие меры по закреплению достигнутого. Ленин хорошо знал историю Великой Французской революции и Парижской коммуны. Опыт этих двух революций говорил об одном: если новый режим не примет энергичных и даже жестоких мер к закреплению завоеванных позиций, он в конечном счете потерпит поражение в борьбе с силами контрреволюции. Соответственно необходима диктатура пролетариата как наиболее сознательной

части трудящихся, как главной опоры социалистического строя.

Эти идеи Ленин вскоре сможет применить на практике. А пока вернемся в Швейцарию 1916 года, где Ильич ведет жизнь изолированного от основных событий эпохи политэмигранта. Война продолжалась уже два года. Одержать быструю молниеносную победу, на которую надеялись в генеральных штабах европейских стран, не удалось никому. Первая мировая стала битвой на истощение. Линии окопов протянулись на тысячи километров, при попытке преодолеть их под огнем тяжелой артиллерии, очередями пулеметчиков, от ядовитых газов гибли сотни тысяч солдат. Экономика воюющих стран работала на полную мощь, высасывая и бросая на фронт все ресурсы. Положение в тылу ухудшалось, там постепенно зрело недовольство.

Тем не менее движение противников войны пока было не очень многочисленным. В 1915 году Ленин принял приглашение поучаствовать в конференции социалистов, выступавших с позиций интернационализма против мировой бойни. Мероприятие прошло в сентябре в швейцарской деревне Циммервальд. Делегатов оказалось немного – всего 38, причем самую представительную делегацию составляли выходцы из России. Среди них были как большевики (Ленин и Зиновьев), так и меньшевики, и эсеры, и Троцкий, не представлявший ни одну из крупных фракций. Граница между «оборонцами» и «пораженцами» прошла через все группировки российских левых.

Неудивительно, что даже в такой небольшой компании быстро сформировались фракции. Ленин стал одним из лидеров левого крыла – так называемой «циммервальдской левой». В его состав вошло всего лишь 8 человек. «Циммервальдская левая» отстаивала превращение империалистической войны в гражданскую и курс на мировую революцию. Однако большинство делегатов не поддержало эти тезисы, предпочитая составленный Троцким манифест с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. В итоге была создана Интернациональная социалистическая комиссия, которая должна была объединить всех социалистов, стоявших на антивоенных позициях. «Циммервальдская левая» также избрала свой руководящий орган, в состав которого вошли Ленин, Зиновьев и Радек.

Несмотря на небольшой масштаб мероприятия, Циммервальдская конференция вызвала тревогу у лидеров обеих воюющих сторон. И в Германии, и в странах Антанты упоминания о ней были запрещены. Это, как водится, значительно увеличило ее известность. По словам Троцкого, «через несколько дней безвестное дотоле имя Циммервальда разнеслось по всему свету».

В апреле 1916 года в деревне Кинталь в окрестностях Берна состоялась вторая конференция. Позиции левого крыла значительно усиливались по мере роста усталости от войны и радикализации части европейских социалистов. Однако эти радикалы по-прежнему не составляли большинства. Участие Ленина в Циммервальдском движении способствовало поддержанию его авторитета среди эмигрантов, но не давало рычагов воздействия на ситуацию в России.

В конце 1916 года Ленин оставался изгоем. На нейтральном островке среди бушующего моря европейской войны, оторванный от России и утрачивающий влияние на оставшихся в стране товарищей, отстаивающий непопулярную и казавшуюся многим утопической точку зрения… На что он мог надеяться? Казалось, его политическая карьера уже прошла свой зенит. Никто, в том числе он сам, не знал, что все изменится за какой-то год.

Глава 7
Боец

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции», – сказал Ленин в январе 1917 года, выступая перед швейцарской социалистической молодежью.

Для Ленина такой пессимизм не был характерен. Другой человек, более склонный к рефлексии и сомневающийся в собственной правоте, возможно, давно опустил бы руки. Владимира Ильича спасала железобетонная уверенность в себе, которая так импонировала его последователям и бесила его противников. Со стороны казалось, что он никогда ни в чем не сомневается и считает себя безгрешным. Отчасти так оно и было, но лишь отчасти.

В 1916 году Ленин активно участвовал в дискуссиях по поводу будущего социалистического государства. Он считал, что Европа уже готова к революции, которая произойдет одновременно с революцией в России: «Буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе». Ленин с интересом отнесся к концепции молодого большевика Николая Бухарина, который утверждал, что органы власти буржуазного государства не поддаются реформированию на социалистический лад и должны быть уничтожены. Бухарин смог обосновать свою точку зрения, сложнее обстояло с вопросом о том, что должно прийти на смену старым механизмам. Ленин, раздумывая над этой проблемой, пришел к выводу, что новыми органами власти должны стать рабочие Советы.

Ильич по-прежнему отвергал идею о том, что смена строя может произойти мирным путем. Революция, доказывал он, неизбежно будет носить насильственный характер. О том, что революция назрела, что она неотвратима, он часто говорил и писал в 1916 году. Однако понимал ли он, насколько близки к осуществлению на самом деле его мечты?

В конце февраля 1917 года в Петрограде начались волнения, быстро переросшие в восстание. Из представителей восставших

рабочих и солдат был образован Петроградский Совет, руководящую роль в котором стали играть остававшиеся на свободе меньшевики и эсеры. Одновременно активизировалась Государственная дума. Самым удивительным в глазах современников было то, с какой быстротой и легкостью рухнула монархия. Казалось, еще вчера царя с ликованием приветствовали многотысячные толпы, армия приносила ему присягу, прекрасно обученная тайная полиция была готова ликвидировать любую угрозу режиму. Внезапно вокруг Романовых не оказалось никого, кто мог бы вступиться за них. Николай II, подавленный происходящим, отрекся. Власть перешла к сформированному Государственной думой Временному правительству, которое должно было руководить страной до созыва Учредительного собрания.

Российские эмигранты в Швейцарии, узнав о революции, были на седьмом небе от счастья. Тут же закатили пир горой, пели хором революционные песни, праздновали свержение ненавистного самодержавия. То, на что надеялись и чего ждали долгие десятилетия, наконец свершилось. У всех была только одна мысль: как можно скорее вернуться в Россию! «Потрясающе! Вот это сюрприз! Подумать только! Надо собираться домой, но как туда попасть? Нет, это поразительно неожиданно! Невероятно!» – говорил Ленин, расхаживая по комнате.

Однако сказать было легче, чем сделать. Швейцарию со всех сторон окружали воюющие страны, через территорию которых было не так-то просто проехать. Ленин выдвигал один проект за другим: «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад». То он собирался проехать через всю Германию по документам глухонемого шведа, то перелететь через границу на аэроплане. Реалистичное решение в конце концов предложил Мартов: при посредничестве швейцарских социал-демократов обратиться за помощью к германским властям.

Это и было сделано. С помощью швейцарцев вышли на немецкого консула в Берне. Связавшись с Берлином, консул дал ответ: разрешается проезд через территорию Германской империи любого количества российских эмигрантов в поезде, имевшем экстерриториальный статус.

Фактически это означало сотрудничество с врагом. Политэмигранты сильно рисковали прибыть в Россию с основательно запятнанной репутацией. Однако, во-первых, другого пути у них все равно не было. Во-вторых, они не принимали никаких специальных условий немецкой стороны. В-третьих, Ленин считал, что европейская революция все равно скоро начнется, и вопрос о том, кто с чьей помощью куда

добирался, сразу же утратит свою актуальность.

История взаимодействия Ленина с немецкими властями – один из самых «жареных» эпизодов его биографии. Обвинять Ильича в том, что он является немецким шпионом, его политические противники начали сразу же после его прибытия в Россию. Поездки в «пломбированном вагоне» с разрешения кайзеровского правительства для этого было вполне достаточно. В дополнение к этой истории довольно быстро всплыла тема «немецких денег», которые якобы получал Ленин в обмен на свою деятельность по дестабилизации России. Поиск этих денег и секретных договоренностей с немцами до сих пор весьма популярен среди тех, кто считает большевиков «национал-предателями» образца семнадцатого года.

Один из ведущих отечественных специалистов по данной проблеме, Геннадий Львович Соболев, в заключении к своему исследованию писал: «Признавая сегодня факт финансовой поддержки большевиков со стороны Германии, наиболее объективные историки как в России, так и на Западе не склонны придавать этому факту решающее для судьбы русской революции значение и обращают в первую очередь внимание на ее глубокие внутренние причины, многократно усиленные Первой мировой войной». Эта финансовая поддержка, однако, носила косвенный характер – деньги попадали к большевикам окольными путями (в том числе через уже упомянутого выше Парвуса) и без всяких условий. Есть сведения, что, когда Ленину напрямую предлагали германское финансирование, он наотрез отказался, а с Парвусом старался никаких дел не иметь. Французский разведчик, посвятивший немало времени в 1917 году поиску доказательств того, что Владимир Ульянов является немецким шпионом, впоследствии признавал: «Ленин не был платным агентом Германии в том смысле, что не получал от немецких властей задания действовать определенным образом в обмен на денежное вознаграждение или на заранее оговоренную выгоду. Ленин был агитатором, на успех которого Германия делала ставку и которому она поставляла необходимые средства для ведения пропаганды». Однако подробности этого финансирования по сегодняшний день остаются плохо изученными – концы надежно прятались в воду.

В любом случае можно установить несколько фактов. Во-первых, немцы помогали (в том числе деньгами) целому спектру оппозиционных партий и течений в России. Большевики занимали среди них далеко не главное место. В том же пресловутом «пломбированном вагоне» вместе с Лениным ехали меньшевики и эсеры. Во-вторых, достоверно известно, что, даже

если в руки Ильичу попадали немецкие деньги, он вряд ли об этом знал и уж точно не принимал никаких условий от немецких властей. Да германское командование и не собиралось ставить какие-либо условия – им было достаточно того, чем Ленин и так занимался. В этом немцы (правда, по совершенно другим соображениям) были солидарны с царской «охранкой». Они рассчитывали использовать Ленина в своих интересах. И те и другие просчитались. Это и есть то самое «в-третьих». Какие бы расчеты ни строили российская тайная полиция и германские генералы, победителем все равно вышел Ленин. Он добился своего, а монархия Романовых вместе с монархией Гогенцоллернов отправились на свалку истории.

Тот самый «пломбированный вагон»

Но вернемся в поезд, следовавший через территорию Германии. Отправка состоялась в последних числах марта. В вагоне, помимо русских эмигрантов, ехали два сопровождавших их немецких офицера. Пассажиры договорились избегать общения с немцами любой партийной принадлежности, чтобы не давать политическим противникам повода обвинять их в сотрудничестве с врагом. Ленин сразу же начал устанавливать в вагоне свои порядки. В частности, запрещал шуметь – в купе он надеялся спокойно поработать. Раздражали его и курильщики. Сначала договорились, что курить будут только в туалете – однако это создавало неудобства для тех, кто собирался использовать туалет по прямому назначению. Затем Ленин ввел «карточную систему», сделав талончики на курение. Его спутники роптали, но подчинялись.

30 марта пассажиры «пломбированного вагона» пересели из поезда на паром, шедший в Швецию. В Стокгольме их ждал торжественный прием – причем не только со стороны товарищей по борьбе (довольно немногочисленных), но и со стороны местных властей. Мэр Стокгольма даже устроил торжественный завтрак для русских социалистов. В Швеции, которая всю войну находилась между молотом и наковальней, пристально следили за происходившим в России и не желали портить отношения с людьми, которые, возможно, вскоре будут править громадной империей.

Ленина товарищи по партии уговорили купить себе в Стокгольме новую одежду. Ильич не любил тратиться на костюмы, а в последние годы не имел и материальной возможности. Однако теперь, с точки зрения его спутников, настал момент поменять привычки. Как вспоминал впоследствии Радек, «вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, может быть, теперь вообще нет тротуаров». «Я еду домой, в Россию, не затем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию!» – отбивался Ленин. В конечном счете, комплект новой одежды был куплен. В его состав входила и большая мягкая кепка, какую в то время часто носили художники. Да, это была та самая прославленная «ленинская кепка», которая будет запечатлена на многих памятниках и станет персонажем огромного количества анекдотов.

Вечером 31 марта эмигранты отправились в Финляндию. В пути они читали полученные из России газеты. События бежали вперед галопом, новости следовали одна за другой. Не все из них были приятными. Во-первых, неопровержимыми стали доказательства предательства Малиновского. Во-вторых, большевистский ЦК во главе с Львом Каменевым и Иосифом Сталиным заявил о поддержке Временного правительства. Ленин считал это ошибкой, оппортунизмом. Революцию, считал он, необходимо двигать вперед, пользуясь моментом. Ковать железо, пока горячо.

В Петроград поезд, на котором ехал Ленин, прибыл поздним вечером 3 апреля. Петроградский Совет устроил эмигрантам торжественную встречу с почетным караулом. Вопреки

распространившимся позднее легендам, встречали не лично Ленина, а всех, кто ехал вместе с ним. Сам Ильич был фигурой, как принято говорить, широко известной в узких кругах. Его знали соратники по партии, основные политические противники да еще российская тайная полиция. Большинству из тех, кто пришел в этот вечер на Финляндский вокзал, его имя мало о чем говорило. Тем более не знали они его в лицо – повсеместное распространение портретов Ленина началось едва ли не после его смерти.

Организаторы торжественной встречи планировали устроить на вокзале демонстрацию единения всего общества, различных политических сил. Однако как раз это-то и не входило в планы Ленина. Взобравшись на броневик (сцена, ставшая затем легендарной и запечатленная на памятнике, стоящем в Петербурге перед Финляндским вокзалом), он призвал к мировой социалистической революции. Никакого братского единения с буржуазией и ее попутчиками среди российских левых! Никакой поддержки Временному правительству! Позиция Ленина была жесткой и бескомпромиссной. «Матросы, товарищи, приветствуя вас, я еще не знаю, верите ли вы всем посулам Временного правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают – вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещика. (…) Да здравствует всемирная социальная революция!» – так запомнили некоторые присутствующие слова оратора.

Далеко не все из собравшихся были согласны с Лениным. В Петербурге после успешного свержения Романовых царила атмосфера братства и единения. Казалось, все только что одержали победу над общим врагом, и это сплотило людей самых разных убеждений. Такие моменты характерны для любой революции; лишь позднее дурман рассеивается, и у многих остаются только горькое послевкусие и недоумение – как случилось, что революцию делали все вместе, ликовали все вместе, а ее плоды распределены на редкость неравномерно?

Ленин заглядывал вперед – и, можно сказать, бежал впереди паровоза. Тогда эту позицию не понимали даже некоторые из его ближайших сподвижников. Однако уже несколько месяцев спустя окажется, что время работает на Ильича. Его жесткость и бескомпромиссность в те весенние дни 1917 года во многом обеспечили ему взлет к вершинам власти.

Иконографика советской эпохи. Ленин на броневике

Еще по дороге в Петроград Ленин начал набрасывать программу действий в условиях начавшейся революции. Этот короткий документ, известный под названием «Апрельские тезисы», стал, по признанию многих историков, одним из самых влиятельных текстов в истории человечества.

О чем писал Ленин? Он, по сути дела, окончательно выбросил за борт представление о том, что сначала должна совершиться буржуазно-демократическая революция, и только затем, по прошествии некоторого времени, страна будет готова к социализму. Утверждение Ленина повергло в ужас многих ветеранов марксизма: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Революцию следовало двигать дальше, не останавливаясь на достигнутом и не теряя времени.

Из этого логически вытекала борьба с Временным правительством: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо

недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским». Ленин признавал, что в создаваемых по всей стране Советах большевики пока в меньшинстве. Следовательно, необходимо вести неустанную агитационную работу среди масс, разъяснять свою точку зрения. В дальнейшем именно Советы должны стать основой новой власти: «Не парламентарная республика, – возвращение к ней было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

Свои идеи Ленин в апрельские дни высказывал во множестве выступлений. Это была новая для него роль – роль народного трибуна, выступающего перед широкой аудиторией. Ленин не был прирожденным оратором, его стиль не отличался изяществом. За годы эмиграции он отточил свой талант публициста, однако выступать ему приходилось в основном перед небольшими группами единомышленников. Поэтому выйти к толпе, далеко не все в которой были благожелательно настроены по отношению к оратору, казалось непростой задачей. Рассказывают, что однажды перед публичным выступлением Ленин занервничал и попросил свою сподвижницу Александру Коллонтай выступить вместо него. Коллонтай подбодрила его, и Ильич вышел на трибуну.

Если такое и было, то сидевшие в зале об этом не догадались. Ленин всегда излучал уверенность, и в этом был один из секретов его успеха. Его тексты нельзя было назвать образцами риторики, но это было неважно. Главное было не то, что он говорил, а то, как он говорил это. В ситуации постоянных метаний, неопределенности, нестабильности Ленин производил на слушателей впечатление человека, который твердо знал, что и как нужно делать. Своей железобетонной уверенностью в собственной правоте он заражал окружающих. Ему не нужно было строить красивые фразы и говорить стихами. Чем проще и понятнее он формулировал свои мысли, тем было лучше. С каждым днем Ленин получал все больше удовольствия от публичных выступлений, он охотно общался с простыми рабочими, солдатами и матросами. За май – июнь он выступил перед широкой аудиторией 21 раз.

Один из его политических противников, меньшевик Николай Суханов, вспоминал об одном из таких выступлений: «Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и

дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников. Ленин вообще очень хороший оратор – не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, – но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей – «до бесчувствия», до приведения их к покорности, до взятия в плен».

В Петрограде Ленин и Крупская поселились у супругов Елизаровых – старшей сестры Владимира Анны и ее мужа Марка. Их квартира находилась на Петроградской стороне, на Широкой улице (впоследствии ее переименуют в улицу Ленина, как и тысячи улиц по всей стране). «Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами. Это была типичная комната петроградской квартиры, почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое», – вспоминала впоследствии Крупская. И действительно, Ленину никогда в жизни больше не придется покидать российскую территорию.

Владимир Ильич съездил на Волковское кладбище, побывал на могиле матери – это было одним из первых его пожеланий. Дома он часто играл с приемным сыном Елизаровых, Горой Лозгачевым. Даже в разгар революционного кризиса у Ленина находилось на это время. «Он был как-то безоблачно весел, и улыбка ни на одну минуту не сходила с его лица. Было видно, что возвращение на родину, объятую пламенем революции, доставляет ему неизъяснимую радость», – вспоминал один из его товарищей по партии Федор Раскольников.

«Апрельские тезисы» были опубликованы в «Правде» 7 апреля. Ленин тем временем вел неустанную агитационную работу. На следующий день после своего прибытия в Петроград он произнес пламенную речь в особняке Кшесинской, требуя перестройки партийной работы и более динамичного развития партии. Слушателей поражала его энергия, его уверенность в собственной правоте. Затем последовали выступления в Таврическом дворце, на Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленин жестко отверг предложение меньшевиков о сотрудничестве. Меньшевики считали, что ситуация еще не созрела для социалистической революции, что время прихода социал-демократов к власти еще не настало. Союз с ними означал бы для Ленина отказ от своих идей и убеждений. Несмотря на разочарование ряда сторонников,

он отверг воссоединение двух фракций. Впрочем, и саму РСДРП как единую (хотя бы формально) партию Ленин сохранять не планировал, заявив о необходимости создавать отдельную большевистскую организацию.

Этот вопрос был одним из главных на Седьмой партийной конференции, состоявшейся в конце апреля. Тем временем лучшим союзником Ленина оказалось Временное правительство. Дело в том, что Февральская революция вызвала серьезные опасения у Великобритании и Франции, правящие круги которых резонно предполагали, что дело может закончиться выходом России из войны. Чтобы рассеять эти подозрения, министр иностранных дел Милюков 18 апреля опубликовал ноту, в которой заявил о готовности сражаться до победного. В условиях, когда в тылу все устали от военного положения, а на фронте солдаты предпочитали брататься с немцами, а не воевать с ними, нота Милюкова вызвала взрыв возмущения. В Петрограде прошли массовые демонстрации. Милюков и еще несколько министров ушли в отставку, но ситуацию это не спасало: все больше людей задавались вопросом о том, сможет ли Временное правительство выполнить свои обещания, не является ли оно просто старой властью на новый лад, как об этом говорил Ленин.

В такой ситуации предложения Ильича на партийной конференции встретили полный успех. Среди полутора сотен делегатов, представлявших в общей сложности около 80 тысяч человек, были одни большевики. Фактически после этой конференции в названии партии появился новый элемент – теперь она называлась РСДРП(б). Маленькая «б» в скобочках обозначала большевиков. На единой социал-демократической партии, видимость которой продолжали поддерживать много лет, был окончательно поставлен крест.

На партийной конференции был принят лозунг «Вся власть – Советам!». Делегаты постановили вести борьбу против Временного правительства, а также разработать новую программу партии. Был выбран новый Центральный комитет из девяти человек, в состав которого, разумеется, вошел и Ленин. Наконец-то сбывалась его мечта – он становился признанным (хотя и не единовластным) лидером партии, разделявшей его программные установки и достаточно большой для того, чтобы представлять собой внушительную силу на политической сцене. Тем не менее большевики пока были слабее, чем меньшевики и эсеры. В дальнейшем, по мере того как Временное правительство оказывалось все более неспособным справиться с ситуацией в стране, это положение быстро менялось.

Позиционируя большевиков как единственную партию,

безусловно враждебную Временному правительству, Ленин сделал исключительно верную ставку. Постепенно все левые, разочарованные в политике поддержки существующей власти, стали примыкать к большевикам. Ручеек рос и к лету превратился в полноводную речку. Перешел на сторону большевиков Троцкий, которого Ленин недавно называл не иначе как «Иудушкой». Присоединился к ним и польский социал-демократ Феликс Дзержинский, который вскоре станет одной из самых легендарных и неоднозначных фигур ленинской эпохи. Ильич считал необходимым принимать всех: как и в 1905 году, в обстановке революции было жизненно важно распространять свое влияние «вширь», привлекая как можно больше сторонников, если ради этого не приходилось поступаться основными программными установками.

Ленин в этот период не только выступает перед самой разнообразной публикой, но и много пишет. В каждом номере «Правды» появляются его статьи, иногда несколько штук одновременно. Он находится в своей стихии, он весь настроен на борьбу. Именно к этому периоду относятся его знаменитые слова: «Часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы в идеале против всякого насилия над людьми. Должность адски трудная!»

В этих словах отражены два ленинских начала. С одной стороны – человек, который действительно любит людей, желает им счастья и готов вести к тому будущему, которое, как он сам искренне верит, станет самым светлым из возможных. С другой – на пути к этому будущему Ленин-прагматик готов не считаться с потерями, цель для него оправдывает средства. Впрочем, на вопрос о том, на какие жертвы можно пойти для достижения благой цели, насколько жестоким можно быть ради их же блага, однозначного ответа не удалось найти ни одному из величайших умов человечества. Видимо, этого ответа попросту не существует.

Ближайшие задачи Ленин видел в том, чтобы укреплять позиции большевиков в Советах, а сами Советы постепенно превращать в параллельную систему органов власти, конкурирующую с Временным правительством. Ради достижения этой цели он подхватывал популярные лозунги, готов был менять те программные установки, которые казались второстепенными на фоне главной цели. Крестьяне массово захватывают помещичьи земли? Что ж, это значит, что их нужно поддержать, а не настаивать на полной национализации земли (такова была

позиция большевиков по аграрному вопросу). Рабочие устанавливают на предприятиях свой, рабочий контроль без участия Советов? И в этом их нужно обязательно поддержать! Массы хотят немедленного мира и ничего не желают слышать о продолжении войны? Что ж, тезис о перерастании империалистической войны в гражданскую можно сократить до первой его половины – выйти из империалистической бойни! Найти баланс между жесткостью и неуступчивостью в тех вопросах, в которых это необходимо, и гибкостью там, где она была допустима, – великое искусство, которым владеют немногие.

«Ленин сделан из одного куска, он монолитен. (…) Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. (…) Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают», – писал впоследствии знаменитый русский философ Николай Бердяев. В 1917 году Ленину удалось нащупать золотую середину между бескомпромиссностью и приспособленчеством. Если бы он не смог сделать этого, он вряд ли стал бы главой Советской России.

Борьба быстро пожирала тот запас здоровья и физических сил, который был накоплен за годы эмиграции. Ленин целые дни проводил среди партийных товарищей, в разъездах, на митингах. Накапливалась усталость, вернулись головные боли и бессонница, стало шалить сердце. Один из очевидцев прибытия Ленина в Петроград писал: «…когда я увидел вышедшего из вагона Ленина, у меня невольно пронеслось: «Как он постарел!» В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел и в скромной квартире в Женеве, и в 1905 году в Петербурге. Это был бледный изношенный человек с печатью явной усталости». А отдыхать было некогда, да и особо негде: на Елагином острове показалось слишком людно, поэтому вечерний моцион Ленин с Крупской совершали по улочкам Петроградской стороны. Это, конечно, были не Швейцарские Альпы.

К ухудшившемуся здоровью добавлялась растущая физическая опасность. По мере того, как Ленин становился все более известен в Петрограде широкой публике, увеличивалось

число не только его сторонников, но и противников. Пресса, поддерживавшая Временное правительство, все чаще делала его мишенью своих нападок. Широко использовался тезис о «немецком шпионе, приехавшем развалить Россию». «Теперь «троянский конь» делается германцами в виде поезда, начиненного Лениным. Поезд подвозится к самой русской границе, последующее (смотри в античном мифе о Троянской войне) все делается, как по писаному», – острила пресса. В адрес Ильича зазвучали угрозы. ЦК постановил, что ему необходим эскорт из числа физически крепких партийцев. «Ну, сегодня нас не посадили – значит, посадят завтра», – мрачно шутил сам Ленин.

В июне 1917 года состоялся Первый всероссийский съезд Советов. Большинство на нем составляли умеренные социалисты – меньшевики и эсеры, заинтересованные в сотрудничестве с Временным правительством, в которое тем временем вошли их представители. Против большевиков, стремившихся заставить революцию пойти дальше достигнутого, остальные партии выступали единым фронтом. Однако это не помешало Ленину вновь заявить о себе на всю страну. Именно здесь разыгралась знаменитая сцена, когда в ответ на выступление меньшевика Церетели, заявившего о том, что в стране нет партии, готовой взять на себя всю полноту власти и всю ответственность, Ленин сказал: «Сейчас целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов, эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России такой партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается. Каждую минуту она готова взять власть целиком». Большинство делегатов не восприняли эти слова всерьез и допустили тем самым грубую ошибку. Оставались считаные месяцы до того дня, когда большевики взяли власть целиком, а фраза «Есть такая партия!» стала крылатой.

Неизвестно, хватило бы у большевиков сил противостоять объединенному фронту буржуазных демократов и умеренных левых, если бы ситуация в стране не ухудшалась с каждым днем. Падало производство, быстрыми темпами росли цены, к крупным городам начал подступать продовольственный кризис, солдаты на фронте не хотели воевать – а Временное правительство не готово было прекратить войну. Запланированное на лето крупное наступление завершилось грандиозным провалом. Авторитет властей медленно падал. В этой ситуации меньшевики и эсеры,

по сути, не столько удерживали на плаву Временное правительство своим участием в нем, сколько сами привязали себя к тонущему кораблю.

Ленин понимал их ошибку. Он чувствовал настроение масс, которые, по его словам, были уже в 100 раз левее большевиков. «Сознательный политик идет впереди событий, несознательного они волокут за собой», – емко формулировал Ильич. Сам он, естественно, планировал шагать впереди.

Обстановка в столице накалялась. Ленину теперь приходилось не столько пришпоривать своих сторонников, сколько сдерживать особо горячие головы, требовавшие немедленно начать вооруженное восстание. Выступая во второй половине июня на Всероссийской конференции военных организаций, где влияние большевиков было особенно сильно, Ильич говорил о необходимости действовать осторожно и расчетливо. Поспешные, недостаточно продуманные и подготовленные действия могут привести к поражению. Ленин считал, что большевистская партия вполне может поиграть мускулами, но наносить удар пока преждевременно. Время работало на большевиков.

29 июня Ленин, силы которого подошли к концу, отправился на дачу своего партийного товарища Бонч-Бруевича в поселок Нейвола на финской территории. Крупская, занимавшаяся партийной работой в Выборгском районе города, осталась в Петрограде. Здесь он планировал посвятить несколько дней отдыху, гулял и купался. Впоследствии его будут обвинять в том, что он специально уехал из столицы на случай, если события примут нежелательный оборот. Однако сбегать накануне решающего сражения было не в ленинском стиле. Вероятнее всего, он сам не предвидел того, что произошло в первых числах июля.

3 июля в столице начались массовые демонстрации, в которых приняли участие и вооруженные солдаты. Прозвучали выстрелы, пролилась кровь. На следующий день прибыли моряки из Кронштадта. Демонстранты двинулись к Таврическому дворцу. Как вспоминал один из офицеров, поддерживавших Временное правительство, «нас окружала тесным поясом лавина в несколько десятков тысяч человек. Большевики действительно постарались нагнать возможно больше народа, но именно такое число участников обрекло их сегодня на неудачу. Они потеряли друг друга, сами потерялись в этой чудовищной толпе из бесчисленных голов. Большевики прежде всего завязли. По мере того как прибывали новые люди, они теряли управление. Уже к полудню было заметно, как рвались цепочки и исчезало

оцепление. А во вторую половину дня технические средства управления были окончательно раздавлены массой, что было видно по всем ее бестолковым передвижениям». Казалось, все утратили контроль над ситуацией. Толпа в конечном счете была разогнана, но для этого пришлось пустить в ход артиллерию. Никто не знал, что произойдет на следующий день.

4 июля к Ленину приехал посланец ЦК Максимилиан Савельев. Он привез с собой новости о стихийных демонстрациях, которые набирают размах и грозят перерасти в вооруженное восстание. Временное правительство готовится к схватке. Ленин немедленно поспешил в Петроград. Его главной задачей было остудить особо горячие головы. «Бить вас всех надо», – с ходу бросил он сподвижникам, утратившим контроль над происходящим. С балкона особняка Кшесинской он выступил перед толпами собравшихся солдат, матросов и рабочих, призывая их сохранять спокойствие и ограничиться мирной демонстрацией. Многие ждали от Ленина, пользовавшегося репутацией радикала и давно говорившего о восстании, совсем других слов. Некоторые сподвижники также требовали решительных действий. Ленину пришлось бросить на чашу весов весь свой авторитет, чтобы не допустить развития событий, чреватого большой кровью.

Однако Временное правительство тоже не сидело сложа руки. В ночь с 4 на 5 июля в Петрограде было введено военное положение. В прессе начали еще более активно муссироваться слухи о «немецких деньгах» большевиков. 5 июля на редакцию «Правды» и особняк Кшесинской были совершены нападения. На следующий день по инициативе нового главы Временного правительства Александра Федоровича Керенского был отдан приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева.

Некоторое время Ленин и товарищи колебались: возможно, имеет смысл дать себя арестовать и тем самым продемонстрировать уверенность в собственной правоте? Проблема, однако, заключалась в том, что в сложившейся ситуации никто не мог гарантировать физическую безопасность арестованных. Либеральная пресса громко требовала более жестких мер против большевиков. «Новый Сатирикон» писал: «Если бы тем, которым сейчас поручено бороться с большевизмом, поручили ловить грабителей и взломщиков, они делали бы это так: поймав грабителя на месте взлома, вынули бы деликатно из его рук отмычки и ломик, а его с поклоном отпустили на свободу. Пока нет под рукой грабителей, эти люди поступают точно так с большевиками: закрыта “Правда” и “Солдатская Правда”, погубившие нашу армию. Что же сделано с

мошенниками, которые изловлены на месте преступления? Да ничего. Их с поклоном отпустили. А они купили новые отмычки, новые фомки и стали выпускать “Окопную Правду”. Закроют и “Окопную”. Усмехнутся мошенники и приступят к изданию “Немецкой Правды”».

Старшая сестра Ленина вспоминала: «Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но все же постараются расправиться». Однако в конечном счете было принято решение скрываться от ареста. Пару дней Ленин провел в квартире Аллилуевых на 10-й Рождественской улице. Но долго оставаться в Петрограде все равно было рискованно.

9 июля Ленин и Зиновьев покинули Петроград. Перед отъездом Ильич попросил Сталина сбрить ему усы и бороду. Результатом он остался удовлетворен: «Я похож на финского крестьянина, и вряд ли меня кто узнает». По железной дороге Ленин и Зиновьев доехали до станции Разлив, где у большевика Николая Емельянова был деревенский дом. Конечным пунктом назначения для них стал сенокос за озером Разлив, где они под видом косарей поселились в шалаше. Стояли теплые летние дни, и ночевки на свежем воздухе шли только на пользу здоровью беглецов. Правда, донимали насекомые. Емельянов вспоминал: «Ночью невыносимо: надоедливые комары совсем не дают покоя; как от них ни прячься, а они достигнут своего, и нередко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь – надо смириться». Зиновьев несколько раз ходил на охоту, однако был пойман местным лесником, и только с большим трудом Емельянову удалось вызволить его.

Самое необычное фото Ильича. В образе финского крестьянина

Зато была прекрасная возможность каждый день купаться в озере. Ленин был отличным пловцом и любил нырять, пытаясь достать дно в самых глубоких местах. Бонч-Бруевич потом вспоминал:

«Несколько раз я ходил с ним купаться, и так как он был замечательный пловец, то мне бывало жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко, в огромное озеро, линия другого берега которого скрывалась в туманной дали, и там где-то ляжет на воде и качается на волнах… А я знал и предупреждал его, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и потому крайне глубоко, что в нем есть водовороты, омуты, что,

наконец, в нем много тонет людей и что по всему этому надо быть осторожным и не отплывать далеко. Куда там!

– Тонут, говорите?.. – переспросит, бывало, Владимир Ильич, аккуратненько раздеваясь.

– Да, тонут… Вот еще недавно…

– Ну, мы не потонем!.. Холодные течения, говорите, – это неприятно… Ну, ничего, мы на солнышке погреемся… Глубоко?

– Чего уж глубже!

– Надо попробовать достать дно…

Я понял, что лучше ничего этого ему не рассказывать, так как он, как настоящий заядлый спортсмен, все более и более каждый раз при этих рассказах начинает распаляться, приходить в задор».

Жизнь в шалаше, вдали от ближайших деревень, должна была скрыть от любопытных глаз регулярное появление посланцев из Петрограда. После Июльского кризиса большевики фактически вынуждены были вновь перейти на полулегальное положение. Ленин поддерживал связь с оставшимися в столице товарищами, держал руку на пульсе ситуации. Читая газеты, проклинавшие его на все лады, он только усмехался: «Миллионы экземпляров буржуазных газет, на все лады кричащие против большевиков, помогли втянуть массы в оценку большевизма».

Кроме того, неожиданный «отпуск» позволил ему работать над книгой, которая выйдет уже в 1918 году под названием «Государство и революция». Как следовало из названия, труд был посвящен буржуазному государству и его судьбе после социалистической революции. Работа как таковая носила теоретический характер, однако, вне всякого сомнения, была написана на злобу дня. Многие тезисы, сформулированные Лениным на страницах этой книги, ему вскоре предстояло претворять в жизнь.

Государство – это инструмент насилия, инструмент господствующих классов, писал Ленин. Следовательно, «освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан». На его место придет новое, пролетарское государство в форме диктатуры пролетариата. Однако это лишь переходная стадия. Поскольку всякое государство есть инструмент насилия, по мере развития социалистического общества, по мере движения к коммунизму государство неизбежно отомрет.

В чем же, по Ленину, разница между буржуазным государством и государством социалистическим? В своем шалаше вождь революции пишет строки, которые и сегодня, сто лет спустя, не утратили своей актуальности:

«Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы в силу условий капиталистической эксплуатации остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено. Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых – вот каков демократизм капиталистического общества».

Этой фальшивой демократии он противопоставляет истинную демократию социалистического государства:

«В капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою».

Ленин формулирует идею о постепенном, поэтапном переходе к коммунизму. Ждать, что сразу же после революции будет построено коммунистическое общество, – утопия. Необходим более или менее длительный переходный период. Коммунизм станет возможным построить только тогда, «когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям». А для этого необходимы серьезные изменения не только в отношениях собственности, но и в головах, в человеческой психологии.

О том, возможны ли такие изменения в принципе, ведутся жаркие споры по сегодняшний день. Одни говорят, что человек по своей природе эгоистичен, и поэтому построение коммунистического общества – утопия. Другие утверждают, что представления и привычки людей постоянно меняются, и то, что было невообразимо еще сто лет назад, сегодня становится реальностью. О постепенном характере изменений, о необходимости формировать новое мировоззрение говорит Ленин: коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» – вроде как бурсаки у Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного. До тех пор пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со

стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих».

«Ввести» коммунизм указом, распоряжением, чьей-то волей нельзя, заявляет Ленин. Переход к коммунизму осуществится по мере созревания производительных сил и изменения мировоззрения большинства людей. Пока этого не произошло – необходима переходная стадия, на которой нужно обеспечить максимально широкое участие масс в управлении государством. «Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться», – писал Ленин.

«Государство и революция» станет последней крупной работой Ильича. В последующие годы из-под его пера будет выходить огромное количество статей, писем, программных документов. Однако времени на то, чтобы сосредоточиться и написать пусть небольшую, но книгу, у него уже не будет никогда.

В августе было принято решение покинуть гостеприимный шалаш. Все чаще шли дожди, надвигалась осень, и двум не очень уже молодым людям становилось все неуютнее на открытом воздухе. Кроме того, подолгу оставаться на одном месте – значило нарушать все мыслимые правила конспирации. О том, насколько эффективно умеет работать российская тайная полиция (пусть и в обстановке нараставшего хаоса в стране), большевикам было известно не понаслышке.

Однажды обитатели шалаша уже почувствовали себя в смертельной опасности. Зиновьев вспоминал: «Помню один момент (кажется, на пятый день нашего «отдыха» в шалаше), сильно взволновавший нас. Ранним утром мы вдруг слышим частую, все усиливающуюся, все приближающуюся стрельбу на совсем близком расстоянии (пара-другая верст от нашего шалаша). Это вызвало в нас уверенность, что мы выслежены и окружены. Выстрелы становились все чаще и ближе. Решаем уйти из шалаша. Крадучись, мы вышли и стали ползком пробираться в мелкий кустарник. Мы отошли версты на две от нашего шалаша. Выстрелы продолжались. Дальше открывалась большая дорога, и идти было некуда. Помню слова В.И., сказанные не без волнения: «Ну, теперь, кажется, остается только суметь как следует умереть». Твердо запомнил эти слова Ильича». Тревога оказалась ложной – стрельба не имела никакого отношения к Ленину и Зиновьеву. Однако сколько еще могло продолжаться везение, было неясно.

С помощью товарищей добыли парики (что само по себе являлось проблемой, поскольку их продажа была ограничена правительством), сделали фальшивые документы. Затем пятеро большевиков (Ленина, Зиновьева и Емельянова сопровождали Шотман и Рахья) пустились в путь. Им предстояло прошагать много километров через лес до станции Левашово, откуда они собирались доехать до Удельной. Поход был подготовлен скверно: в лесу путники заблудились, попали на тлеющие торфяники, и лишь много часов спустя вышли к станции Дибуны. Ленин вполне справедливо ругал своих провожатых. На платформе станции Емельянов, показавшийся подозрительным, был практически сразу же арестован юнкером. После этого все нежелательное внимание стал отвлекать на себя Шотман, что позволило трем остальным спокойно сесть в поезд.

Удельная тогда была дальней окраиной города. Сегодня Петербург разросся, и эта небольшая железнодорожная станция находится на полпути между центром и спальными районами. Сложно представить, что в начале XX века здесь проводили свое лето на дачах многие горожане, отдыхая от суеты имперской столицы.

Переночевав на расположенной неподалеку конспиративной квартире, путники разделились. Зиновьев отправился в город. Ленину же предстояло пересечь финскую границу и тем самым практически выйти за пределы досягаемости петербургской полиции. Финляндия еще не отделилась от России формально, но центробежные тенденции стремительно набирали силу, и за границей Великого княжества Ленин мог чувствовать себя почти в безопасности. Его спутниками и помощниками в этом путешествии были финские товарищи – уже упомянутый выше Эйно Рахья, Пекка Парвиайнен, машинист паровоза № 293 Гуго Ялава.

Ленина переодели кочегаром и посадили на паровоз поезда, направлявшегося в Териоки (современный Зеленогорск). Дорога прошла без приключений. 10 августа Ленин прибыл в Гельсингфорс. Здесь он переезжал с одной квартиры на другую. О том, насколько «старательными» помощниками российских властей были финские стражи порядка, свидетельствует тот факт, что одно время Ленин скрывался у начальника городской полиции, социал-демократа Густава Ровио! Хотя за голову Ильича была назначена награда в 200 тысяч рублей, ни у кого из финнов не возникло соблазна выдать российского революционера. Они понимали: через продолжение революции в России лежит путь к независимости Финляндии.

Ленин внимательно следил за развитием ситуации в стране.

Точнее, за тем, как Россия постепенно сползала в пропасть. В конце августа генерал Корнилов поднял военный мятеж, который Временному правительству удалось подавить, только обратившись за поддержкой к Советам. Становилось ясно, что государственная власть сама не в состоянии справиться с растущим кризисом. В сложившейся системе двоевластия Советы явно оказывались более сильным игроком, чем терявший почву под ногами административный аппарат. В обмен на поддержку Керенский вынужден был отменить жесткие меры против большевиков.

В начале сентября Ленин отстаивал, как многим казалось, две прямо противоположные точки зрения. С одной стороны, он говорил о том, что мирный переход к советской власти возможен – по мере того, как Временное правительство будет слабеть, а Советы забирать себе все больше реальных полномочий. «Теперь, – писал Ильич, – наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс – правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам. Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это. Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков. Теперь, и только теперь, может быть, всего в течение нескольких дней или на одну-две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма. Только во имя этого мирного развития революции – возможности, крайне редкой в истории и крайне ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс».

С другой стороны, Ленин говорил о том, что условия для вооруженного восстания наконец-то созрели, и пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством может и должен брать власть. По сегодняшний день многие исследователи лишь разводят руками и обвиняют Ленина в непоследовательности. На самом

деле, как и все выдающиеся политики, лидер большевиков стремился держать открытыми различные пути к победе. Если удастся взять власть мирным путем, без кровопролития – ради этого можно пойти на кратковременные тактические уступки. Если не получится – что ж, тогда, как скажет другой лидер в другой стране, власть должна будет родиться из дула винтовки.

Многие представители большевистского руководства осторожно относились к призывам Ленина взять власть. Как человек, стоящий на крутом берегу, они боялись сделать прыжок, к которому так долго готовились. Хотя большевики уже составляли большинство в Петроградском и Московском Советах, существовали серьезные сомнения в том, что вооруженное восстание закончится успехом. Ленин писал гневные письма, призывал, торопил, но он был далеко от центра событий. Нужно было возвращаться в Петроград.

В конце сентября Ленин перебрался в Выборг, сократив расстояние до столицы более чем вдвое. Затем, переодевшись лютеранским пастором, с помощью Рахьи и Ялавы на все том же паровозе с номером 293 добрался до Петрограда. Здесь он поселился в квартире большевички Маргариты Фофановой, находившейся на Сердобольской улице в районе станции Ланская – по тогдашним меркам почти окраина города. Соблюдался строжайший режим конспирации: Ленина разрешалось посещать только Рахье, Крупской и сестре Марии. Основная нагрузка легла на Фофанову. Впоследствии она вспоминала: «Он сказал мне, чтобы я ему ежедневно утром, не позднее половины девятого, доставляла все выходящие в Петрограде газеты, включая и буржуазные. Были установлены часы завтрака и обеда. Тогда же Владимир Ильич добавил: «Первую неделю, Маргарита Васильевна, вам будет очень трудно. Все сейчас падает на вас одну».

Ленин практически не выходил из дома. Он дописывал брошюру на злобу дня под красноречивым названием «Удержат ли большевики государственную власть?». В ней Ленин последовательно разбирал один за другим доводы тех, кто говорил, что большевики даже в случае успеха революции не смогут надолго задержаться у руля. С присущей ему страстностью Ильич писал: «Наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «трудовых масс» и «угнетенных национальностей». (…) Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем

мире необъятными трудящимися массами».

К слову сказать, именно фраза из этой брошюры положила начало известной байке о том, что Ленин приписывал каждой кухарке способность управлять государством. На самом деле он писал нечто прямо противоположное: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. И в этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось созидательными рабочими и солдатами и чтобы начато было немедленно, т. е. к этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Ленин не всегда правильно оценивал ситуацию, но в общем и целом оставался реалистом и трезво смотрел на вещи.

10 октября Ленин отправился на заседание ЦК, проходившее на другой конспиративной квартире – по-прежнему в костюме лютеранского пастора. Здесь он страстно отстаивал необходимость вооруженного восстания. Ситуация, говорил он, вполне созрела. Большевики пользуются доверием рабочих. Если ничего не предпринять, это доверие сменится разочарованием, как это случилось с Временным правительством. Необходимо ковать железо, пока горячо.

После долгих споров участники заседания проголосовали по вопросу подготовки вооруженного восстания. Десять человек высказалось «за», двое – Каменев и Зиновьев – против. Жребий был брошен.

Однако противники вооруженного выступления не собирались сдаваться просто так. Они агитировали в пользу своей точки зрения, заявляя, что события и так разворачиваются благоприятно для большевиков, что партия не сможет взять всю полноту власти в свои руки, что неудачное восстание приведет к поражению. Вопрос еще раз рассматривался на заседании 16 октября, однако и здесь Ильичу удалось одержать победу. Он опирался на исторический опыт: революция либо шла дальше, либо начинался откат назад. Идею о широкой коалиции социалистических партий Ленин попросту высмеял. «Положение ясное, – заявил он, – либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководствоваться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководствоваться

объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел».

Тем не менее было решено по возможности сделать так, чтобы вооруженное восстание не выглядело мятежом одной партии. Следовало дождаться открывавшегося через несколько дней Второго съезда Советов. Однако подготовка восстания шла полным ходом. 16 октября Петроградский Совет по предложению Троцкого принял решение о создании Военно-революционного комитета (ВРК). Изначально такой орган планировалось создать для того, чтобы мобилизовать рабочих в случае подхода к Петрограду немецких войск. Однако в новой ситуации он оказался командным центром революции. Во главе ВРК встали большевики и левые эсеры, во многом разделявшие их позицию. Комитет сразу же начал направлять своих комиссаров в воинские части и на стратегические объекты столицы. Комиссары были наделены широкими полномочиями – без их согласия не должны были исполняться приказы ни Временного правительства, ни штаба Петроградского военного округа. Фактически это уже было началом восстания. Большевики плавно, но стремительно брали в свои руки контроль над столицей. К утру 25 октября весь город оказался в их руках.

Ленин эти дни сидел на квартире Фофановой, поддерживая через нее оживленную переписку с ЦК. Выходить на улицу ему все еще было слишком опасно: любой патруль юнкеров, поняв, кто перед ними, мог просто расстрелять его на месте. «Нельзя ждать! Можно потерять все!» – торопил Ленин товарищей в послании, отправленном вечером 24 октября. Сгорая от нетерпения, он тогда же вопреки данному Фофановой обещанию вместе с Рахьей отправился в Смольный, где находился Петроградский Совет. Здесь же, в Смольном, должен был открыться Второй съезд Советов. «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич», – оставил Ленин на столе записку.

На улице все еще царил шаткий мир. Патрули, верные Временному правительству, курсировали по городу. Керенский приказал развести мосты над Невой и объявил о закрытии большевистских газет. В ответ ВРК направил вооруженные отряды, состоявшие из революционных солдат и рабочих-красногвардейцев, на захват последних стратегических объектов – вокзалов, почты и телеграфа.

Ленин и Рахья смогли проделать значительную часть пути на трамвае – Ильич в последний раз использовал свой парик, привезенный из Финляндии. До Смольного они добрались без особых проблем. Появление Ленина стало неожиданностью для многих. Всю ночь он практически не сомкнул глаз. Впереди был

главный день его жизни.

В Смольном Ленин от имени ВРК подготовил воззвание, которое было опубликовано утром 25 октября. В нем уже были намечены основные программные пункты, которым собиралась следовать новая власть:

«К гражданам России!

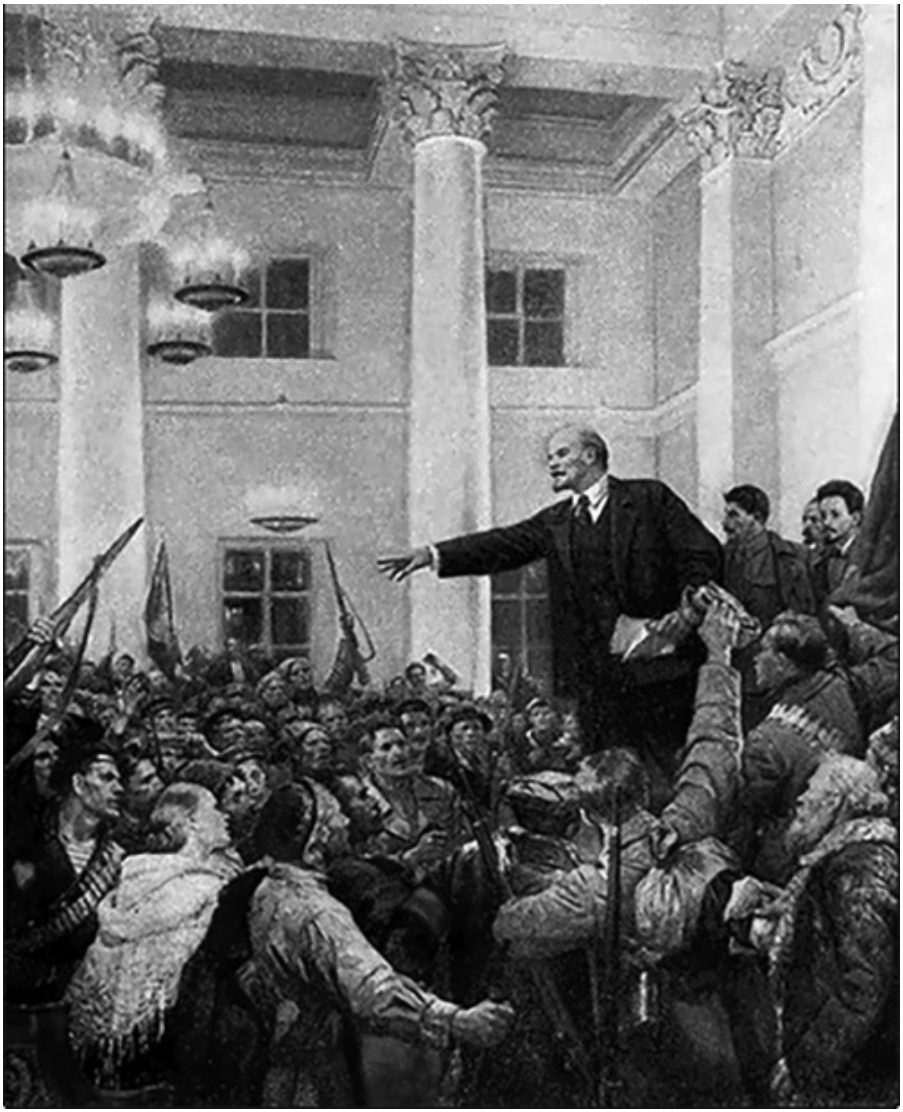
Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Днем 25 октября в Смольном началось экстренное заседание Петроградского Совета. Председатель Совета Троцкий заявил о том, что Керенский свергнут и к власти приходит социалистическое правительство, после чего предоставил слово Ленину. Поднявшись на трибуну под гром аплодисментов, Ленин заявил:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась. Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».



Эта картинка знакома большей части жителей нынешней России. По крайней мере, тем, кому за сорок. Решающие дни семнадцатого года

Во второй половине дня подчинявшиеся ВРК подразделения окружили Зимний дворец, где заседало Временное правительство. На предложение сдаться министры ответили отказом. В 21 час 40 минут прогремел холостой выстрел «Авроры», возвещая о том, что в истории страны началась новая эпоха. Отряды рабочих, солдат и матросов ринулись на штурм. К двум часам ночи защитники дворца прекратили сопротивление. Один из министров впоследствии вспоминал:

«Шум у нашей двери. Она распахнулась – и в комнату влетел,

как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату…

Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом.

– Временное правительство здесь, – сказал Коновалов, продолжая сидеть. – Что вам угодно?

– Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я представитель Военно-революционного комитета Антонов.

– Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, – сказал Коновалов».

Жизнь Ленина прошла очередной крутой поворот. Еще вчера он был разыскиваемым преступником, опасавшимся ареста, – а сегодня превратился в лидера огромной державы, в руках которого потенциально находилась огромная власть. Великая Октябрьская социалистическая революция, как ее называли в советское время, стала важной составной частью советского исторического мифа. День 7 ноября (которому соответствовало 25 октября по старому календарю) был едва ли не главным праздником страны. Революции посвящались книги, снимались фильмы. Но стоило советской эпохе уйти в прошлое, как масштаб «Великого Октября» начали всячески принижать. Говорили, что это никакая не революция и даже не восстание, а всего лишь переворот.

Впрочем, Ленин как раз с этим спорить бы не стал. Внимательный читатель, наверное, уже отметил, что в одном из процитированных выше выступлений он сам назвал революцию переворотом. Ленину был чужд лишний пафос. Да и многие в тогдашней России воспринимали произошедшее как переворот, как нечто довольно заурядное. Легкость, с которой Временное правительство рассталось с властью, особенно никого не удивила. К концу октября оно уже совершенно теряло почву под ногами, демонстрируя неспособность справиться с охватившим страну тяжелым и глубоким кризисом. Утрачивая остатки доверия со стороны населения, шатаясь под ударами слева и справа, Керенский фактически уже был политическим трупом.

Впоследствии большевиков будут часто обвинять в том, что они прервали нормальный путь развития российской истории. При этом, очевидно, подразумевается, что, не будь Ленина, большевиков и Октябрьской революции, Россия быстро стала бы стабильной и процветающей демократической республикой. Рассуждать об исторических альтернативах – дело неблагодарное, но в реальной ситуации 1917 года ни стабильности, ни процветания на горизонте не маячило. Экономический,

политический, социальный кризис углублялся по совершенно объективным причинам, вне зависимости от деятельности (или бездействия) большевиков. Ленин был во многом прав – в этой ситуации военная («корниловская») диктатура с «белым террором» была вполне вероятной. Мало того что о демократической республике в этой ситуации можно было бы надолго забыть. Учитывая подъем крестьянского движения по всей стране, установление такой диктатуры легко могло привести к гражданской войне, по своему накалу и размаху ничем не уступающей той, которая произошла в реальности. Другой вполне вероятный вариант – сохранение слабой и постоянно сотрясаемой кризисами республиканской власти, усиление хаоса, постепенный распад страны. Не факт, что именно эти альтернативы были бы реализованы; но они представляются не менее вероятными, чем те радужные «упущенные возможности», которые рисуют критики большевиков. Нужно еще учесть, что ни «корниловцы», ни буржуазные демократы не были готовы дать удовлетворительный ответ на главный вопрос, волновавший миллионы людей, – вопрос о прекращении войны.

У большевиков такой ответ был.

Глава 8
Вождь

«Любой рабочий любым министерством овладеет в несколько дней. Никакого особого уменья тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов», – говорил Ленин одному из своих сподвижников в начале осени 1917 года.

Неизвестно, насколько искренне он заблуждался в действительности. Поскольку говорилось это в пылу спора о необходимости вооруженного восстания, вполне возможно, что Ленин сознательно приуменьшал сложности, с которыми предстоит столкнуться новому правительству.

А сложности эти были необозримыми. По сути дела, ни у кого из большевиков не было опыта управления даже небольшой деревушкой, не то что гигантской страной. «А почему вы считаете, что я знаю, как управлять таким огромным государством, как наше? Тоже не знаю, опыта нет, а приходится», – сказал Ленин уже после захвата власти одному из собеседников. Публицистика, марксистская философия, теория и практика революционной борьбы, экспроприации – все это большевики умели делать прекрасно. А вот управлять – нет.

К власти пришли дилетанты. Вскоре они обнаружили, что взять власть в хаосе семнадцатого года – это не так сложно. Сложно ее удержать. Для того чтобы выполнить эту задачу, нужны были талант, упорство, гибкость и безупречное политическое чутье. Нужно было стремительно учиться на собственных ошибках и не повторять их.

За следующие пять лет Ленин и его команда доказали: да, они обладают всеми нужными качествами. В противном случае Ильич встречал бы свой пятидесятый день рождения не в Кремле, а в тюрьме или в очередной эмиграции. И это в самом лучшем случае.

Вопрос о том, насколько хорошо Ленин умел разбираться в людях и подбирать кадры, остается спорным по сегодняшний день. Ильич понимал важность кадрового вопроса: «Изучать людей, искать умелых работников, – в этом суть теперь; все приказы и постановления – грязные бумажки без этого». В другом случае он писал о необходимости «как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей, соединяющих преданность социализму с умением без

шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей. (…) Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления». Среди кадровых решений, принятых Лениным, можно без труда отыскать как верные, так и ошибочные. Судя по всему, он не был гениальным психологом и не обладал безошибочным чутьем на людей. В то же время называть его совершенно бездарным в данной области тоже нельзя. Истина, как часто бывает, лежит где-то посередине.

Второй всероссийский съезд Советов открылся поздно вечером 25 октября, когда штурм Зимнего дворца был в самом разгаре. Большевики и примкнувшие к ним составляли более половины из 650 его делегатов. Меньшевики и эсеры выступили с критикой действий ВРК, однако, оказавшись в меньшинстве, многие из них предпочли покинуть съезд. Левые эсеры, напротив, окончательно выделились в отдельную группировку, поддерживавшую большевиков. Расстановка сил становилась все более благоприятной для Ленина.

Сам Ильич в первые часы практически не принимал участия в работе съезда. Отправившись на квартиру Бонч-Бруевича, он до утра писал проекты двух документов, которым суждено было сыграть ключевую роль в истории России. Ленин прекрасно понимал: сторонники большевиков ждут от них немедленного выполнения многочисленных обещаний. И, когда вечером 26 октября он появился на трибуне съезда Советов, у него в руках были два декрета. Их названия помнит, наверное, каждый, кто хоть как-то учил в школе отечественную историю. Это – «Декрет о мире» и «Декрет о земле».

«Декрет о мире» призывал все воюющие стороны немедленно сесть за стол переговоров «о справедливом демократическом мире». Одновременно декрет провозглашал отказ от тайной дипломатии и право всех народов на самоопределение. Ленин заявлял о готовности немедленно заключить перемирие для обсуждения условий всеобщего мира. «Декрет о земле» был не менее важен. Он фактически передавал всю землю в собственность тех, кто ее обрабатывал: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. – отчуждается безвозмездно,

обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней».

Чуть позднее были приняты еще два декрета – о рабочем контроле и о печати. Однако именно вопросы мира и земли волновали в наибольшей степени российское общество. Большевики сделали то, что не осмеливались сделать их предшественники: дали немедленный и радикальный ответ на оба вопроса.

Ленин в рабочем кабинете. После прихода большевиков к власти его стали часто фотографировать

Тогда же, 26 октября, было объявлено о формировании нового правительства – Совета народных комиссаров (сокращенно – Совнаркома). Возглавил его Ленин. В коалицию с большевиками позднее согласились вступить левые эсеры. Для Ленина это имело большое значение, поскольку он понимал, что чем шире база нового правительства – тем оно будет устойчивее. Однако идее расширить коалицию за счет остальной части эсеров и меньшевиков, которая была выдвинута рядом представителей правого крыла большевистской партии (в том числе Каменевым), он решительно воспротивился. Итогом союза всех левых сил стала бы, по справедливому убеждению Ленина, коалиция, которая напоминала бы знаменитых крыловских персонажей – лебедя, рака и щуку. Ильич был готов принимать тех, кто

разделял его взгляды, но не собирался идти на уступки в принципиальных вопросах. К началу ноября вопрос о создании коалиции с меньшевиками и эсерами был снят с повестки дня.

В первый состав Совнаркома вошли 15 человек. Многие из них были очень молоды – так, народному комиссару почт и телеграфов Авилову-Глебову только что исполнилось 30 лет. Опыта в той сфере, которой планировал руководить каждый из них, не было практически ни у кого. Как вспоминал впоследствии Анатолий Васильевич Луначарский, ставший в новом правительстве народным комиссаром просвещения, многие из его коллег попали на свои посты почти случайно. «Если окажутся негодными – сумеем переменить», – высказывался по этому поводу Ленин. И действительно, в первые месяцы существования Совнаркома кадровые перестановки в нем происходили практически постоянно.

В первые недели работы Совнарком под руководством Ленина буквально сыпал новыми законодательными актами. Был установлен восьмичасовой рабочий день на предприятиях, вводилось всеобщее бесплатное школьное образование, ликвидировались все национальные и религиозные привилегии и ограничения. 1 декабря для управления экономикой был создан Высший совет народного хозяйства, затем приняли декрет о национализации банков. Темп перемен был очень быстрым, однако многие элементы старой системы еще продолжали существовать. Многие предприятия продолжали оставаться в частной собственности (правда, на них был введен рабочий контроль), продолжала выходить оппозиционная пресса.

Отношение к инакомыслящим было с самого начала противоречивым. С одной стороны, декларировались всевозможные права и свободы. И не только декларировались – в Петрограде после революции работало множество общественных организаций самой различной направленности. Многих ярых врагов большевики отпускали под честное слово, что они не будут воевать против советской власти. «Их благородия» свое честное слово, разумеется, держать не планировали. Такая история, например, произошла с командующим 3-м конным корпусом генералом Петром Николаевичем Красновым. Отпущенный большевиками, он уехал на Дон, возглавил там Белое движение, воевал против красных всю Гражданскую войну, затем эмигрировал. Краснов так люто ненавидел большевиков, что в годы Великой Отечественной войны пошел в услужение к Гитлеру, а когда немецкие покровители капитулировали, сдался американцам. Те выдали его Советскому Союзу, где в январе 1947 года Петра Николаевича с подельниками наконец-то заслуженно

повесили.

Но такое благодушие новая власть проявляла далеко не всегда – вернее, довольно быстро от него отвыкла. Ленин с самого начала говорил о новой стадии развития как о диктатуре пролетариата. Соответственно необходимость жестких авторитарных мер (пусть даже временных) никогда им не оспаривалась. В декабре 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) во главе с Феликсом Дзержинским. Вскоре появится и знаменитое слово «чекист», которое у разных людей до сих пор вызывает совершенно противоположные чувства и ассоциации. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться», – писал Ленин.

Первые месяцы существования молодого государства в советское время было принято характеризовать как «триумфальное шествие советской власти». На поверхности все выглядело замечательно – местные Советы получали в свои руки всю полноту власти, в городах и селах формировалось новое большевистское руководство. Практически повсюду это происходило бескровно. Только в Москве в последних числах октября – начале ноября 1917 года большевики встретили вооруженное сопротивление, которое, однако, было довольно быстро сломлено.

На практике все выглядело куда как плачевнее. В российской провинции, конечно, приветствовали и «Декрет о мире», и «Декрет о земле». Однако суть событий в Петрограде многие понимали не до конца. Кто-то считал, что ничего серьезного не произошло, другие полагали, что большевики долго не продержатся. В ситуации, когда система органов власти находилась в состоянии распада, переход формальных полномочий от одного номинального руководства к другому осуществлялся на бумаге легко. Установить из Петербурга реальный контроль над огромными пространствами России было куда тяжелее.

Эта проблема осложнялась тем, что ситуация с квалифицированными (да даже просто надежными и способными) кадрами у большевиков была катастрофической. Партия была достаточно большой в абсолютных цифрах (до 350 тысяч человек в октябре 1917 года), в масштабах огромной России это была капля в море. Как уже было сказано выше, даже назначение народных комиссаров носило в ряде случаев чуть ли не случайный характер. Что уж говорить, например, о представителях власти в каких-нибудь уездных городках? В

реальной ситуации из Петрограда практически невозможно было контролировать, кто и как представляет большевиков в российской провинции. Многие районы страны, лишь номинально подчинявшиеся Временному правительству, столь же номинально подчинялись и новым властям. Кроме того, чтобы не допустить административного хаоса, повсеместно приходилось сохранять на своих постах чиновников «старого режима», которые, понятное дело, никаких нежных чувств к большевикам не испытывали. Лояльность многих из них была сомнительной, другие даже не считали нужным ее демонстрировать.

В этой ситуации Ленину вскоре пришлось принять решение, которое впоследствии имело весьма масштабные последствия – однако в той ситуации, судя по всему, альтернатив ему просто не было. В качестве инструмента контроля над происходящим в стране, укрепления и консолидации власти был выбран централизованный партийный аппарат. Фактически партийные органы стали дублировать (и даже подменять собой) органы государственной власти – ситуация, которая сохранится на семьдесят с лишним лет.

Но вернемся в ситуацию зимы 1917/18 года. В декабре после недолгих переговоров удалось заключить перемирие с немцами. Западные союзники, разумеется, пойти на переговоры отказались, и перемирие получилось сепаратным. Но массы простых людей с винтовками и без, требовавшие мира, это мало волновало. В их понимании война наконец-то закончилась. Развал армии, начавшийся и принявший необратимый характер еще при Временном правительстве, продолжал нарастать.

В январе 1918 года в Петрограде собрались депутаты Учредительного собрания. Этот орган по замыслу Временного правительства должен был принять принципиальные решения относительно государственного устройства России. После Октябрьской революции судьба Учредительного собрания оказалась под вопросом, однако большевики не стали ломать уже составленный план, и выборы были проведены в ноябре. В них приняло участие менее 50 % имевших право голоса. Результаты оказались неоднозначными: с одной стороны, левые партии получили явное большинство, с другой – большевики набрали лишь около четверти голосов. Из 707 избранных депутатов лишь 175 принадлежали к РСДРП(б). Еще 40 мандатов получили левые эсеры. Таким образом, большинства в «учредилке», как вскоре начали называть этот орган, у нового правительства не было.

Далеко не все депутаты в конечном итоге прибыли в Петербург. 5 января на первое заседание явилось лишь 410 человек, из них 155 большевиков и левых эсеров. Манифестации в

поддержку Учредительного собрания (а по сути – против новой власти) были разогнаны по указанию Совнаркома. На самом заседании большевики представили написанный Лениным проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В соответствии с ней «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам». Кроме того, в тексте декларировалась поддержка основных мер, принятых Совнаркомом.

Как и ожидалось, большинство депутатов выступили категорически против принятия «Декларации». В знак протеста большевики покинули зал заседаний. В итоге собрание лишилось кворума, без которого было неправомочно принимать какие-либо решения. Превратившееся в арену бессмысленных словесных баталий, Учредительное собрание было закрыто Анатолием Железняковым, сказавшим знаменитую фразу: «Караул устал». Сделано это было вопреки распоряжению Ленина, который хотел, чтобы заседание сначала окончательно зашло в тупик. «Не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и свободно выпускать всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов» – такую инструкцию глава Совнаркома направил охране Таврического дворца. На следующий день Учредительное собрание было распущено. «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» принял несколько дней спустя Третий всероссийский съезд Советов. Большевики твердо удерживали власть и не собирались от нее отказываться.

Однако пора вернуться к главному герою нашей книги. Его судьба, конечно, была теперь теснее, чем когда-либо еще, связана с судьбой страны. Тем не менее подменять биографию Ленина рассказом о первых годах советской власти было бы неправильно. Для этого, в конце концов, существуют другие книги.

10 ноября 1917 года Ленин и Крупская поселились в небольшой квартирке в Смольном. Супруги мало общались друг с другом. Виной тому была не размолвка, а обилие работы у каждого из них. Надежда Константиновна еще весной 1917 года фактически перестала выполнять обязанности личного секретаря своего мужа. Теперь у нее был свой ответственный участок в Наркомате просвещения. Сама она впоследствии вспоминала: «Я целыми днями была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. Ильич был порядочно-таки беспризорный. Желтышев носил Ильичу обед, хлеб, то, что полагалось по пайку. Мария Ильинична привозила иногда Ильичу из дому всякую пищу, но меня не бывало дома, регулярной заботы о его питании

не было». Ленин же, будучи человеком увлеченным, пообедать часто забывал. В результате к нему немедленно вернулись бессонница и головные боли. Немолодой уже организм не прощал насилия над собой.

В конце декабря супругам удалось на несколько дней вырваться на отдых – в санаторий «Халила» неподалеку от деревни Усикиркко (сегодня это – поселок Поляны). Здесь им удалось погулять по лесу, подышать свежим зимним воздухом. Однако отдых оказался недолгим – всего пять дней. Дела тянули назад, в Петроград.

Иногда Ленин и Крупская ходили на прогулку по окрестностям Смольного, часто без всякой охраны. В то время еще немногие знали нового главу государства в лицо. Тем не менее с позиции сегодняшнего дня это было верхом безрассудства. Однако сто лет назад крупные государственные деятели нередко ходили по тем же улицам, что и простые смертные, не прибегая к огромному эскорту и многочисленным «секьюрити».

1 января такое легкомыслие чуть не стоило Ленину жизни. В этот день он выступал перед рабочими в Михайловском манеже. Когда митинг закончился и Ленин на автомобиле пустился в обратный путь, двое мужчин с тротуара открыли огонь. Сопровождавшая Ленина сестра Мария впоследствии так описывала произошедшее:

«Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули. «Стреляют», – сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» – «Разве в самом деле стреляли?» – спросил его Ильич. «А то как же, – ответил шофер, – я думал – никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было – туман, и то уж на риск ехали». Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана. Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу. «Да, счастливо отделались», – говорили мы,

поднимаясь по лестнице в кабинет Ленина».

Швейцарский социалист Фридрих Платтен в тот раз спас Ленину жизнь. Впрочем, покушение было организовано достаточно неумело, и впоследствии некоторые публицисты вообще усомнились в том, что это действительно была попытка убить Ленина (а не инсценировка). Однако причастные к покушению были некоторое время спустя установлены. Ни эта ситуация, ни раскрытый буквально пару недель спустя другой заговор (один из участников несостоявшегося покушения явился с повинной) не заставили Ленина более трепетно относиться к собственной безопасности. Он считал себя народным вождем и не собирался отгораживаться от народа.

Постепенно жизнь Ленина в Смольном входила в нормальную колею. Установился распорядок дня, увеличился штат помощников. У главы Совнаркома появился личный шофер, за порядком в квартире следила домработница. Ленин время от времени выступал перед широкой аудиторией на различных мероприятиях. Он любил принимать гостей – «ходоков» из различных регионов огромной страны. Общение с простыми людьми помогало ему понимать, что в действительности происходит в России, не терять связь с реальностью, что в тогдашней обстановке было бы смертельно опасно для молодой советской власти.

Большое внимание Ленин уделял организации работы Совнаркома. Он любил порядок и требовал того же от окружающих во время заседаний правительства. Время, отведенное на доклады, было строго ограниченным. Ленин не терпел долгих, пустых, бессодержательных выступлений. Резко отчитывал он и опаздывающих на заседания.

В начале 1918 года главным вопросом, стоявшим перед советской властью, был мир с немцами. Германия и Австро-Венгрия выдвинули тяжелые условия – Россия должна была расстаться со значительной частью своей территории на западе. В декабре Ленин даже собирал информацию по поводу того, готова ли армия продолжать сопротивление. Ответы, которые он получил с мест, были неутешительными. Вариантов не было: какими бы тяжелыми ни были условия немцев, их необходимо принимать.

Эта позиция вызвала серьезные разногласия среди большевистского руководства. Никто не хотел идти на столь большие уступки врагу. По сути, немцы обращались с Россией как со страной, потерпевшей полное поражение. У них были на то основания – однако многие из числа стоявших у руля не были готовы взять на себя ответственность за позорный мир.

«Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, – мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключен другим правительством», – настаивал Ленин. Он не меньше других хотел избежать подписания мира на германских условиях. Однако две предложенные альтернативы – «революционная война» Бухарина и «ни мира, ни войны» Троцкого не казались ему жизнеспособными.

Большевики в 1917 году твердо рассчитывали, что мировая война закончится мировой же революцией, что дело российских революционеров продолжат трудящиеся всех стран. Соответствующие призывы содержались и в ленинском «Декрете о мире». Многие считали, что без поддержки со стороны пролетариата других стран российская революция обречена на поражение, что построение социализма в одной стране невозможно. Однако месяц проходил за месяцем, а революция в Европе все не начиналась. Ленин не утратил веру в мировую революцию; однако он начинал понимать, что ее прихода, возможно, придется подождать. А пока главная задача – любой ценой сохранить власть. «Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок – социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну», – заявил он.

В Центральном комитете его точка зрения, однако, привлекла лишь немногих. На голосовании в середине января победило предложение Троцкого – армию демобилизовать и распустить по домам, но мира не заключать. Троцкий исходил из того, что германское командование не рискнет продолжить наступление в глубь России, в том числе из-за ненадежности своих солдат. Среди делегатов Третьего съезда Советов подавляющее большинство также выступали против заключения мира. Ленину пришлось подчиниться воле большинства – он был несомненным лидером, но не являлся единоличным правителем.

Как и следовало ожидать, попытка претворить в жизнь идею Троцкого закончилась сокрушительным провалом. Германские войска продолжили продвижение в глубь страны. Остатки старой армии и наспех сколоченные отряды Красной гвардии были не в состоянии их остановить. Уже через несколько дней после возобновления немецкого наступления Ленин был вынужден отправить телеграмму: «Ввиду создавшегося положения Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного Союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные германским правительством точные

условия будет дан немедленно». Немцы ужесточили свои условия и продолжили продвижение к Петрограду.

В эти дни Троцкий спросил Ленина, что делать, если немцы не остановятся. «Отступим дальше на восток, на Урал, – ответил Ленин, – заявляя о готовности подписать мир. Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь. (…) Будем держаться. В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширимся и вернемся в Москву и Петербург. А если мы ввяжемся сейчас без смысла в революционную войну и дадим вырезать цвет рабочего класса и нашей партии, тогда уж, конечно, никуда не вернемся».

23 февраля ЦК вновь обсуждал германский ультиматум. Из 15 членов руководящего органа партии только семеро во главе с Лениным высказались за принятие германских условий. «Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор советской власти через три недели», – жестко, в своей привычной манере заявил Ильич. Противников мира он клеймил всеми доступными способами: «Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, начерченный вокруг нее мелом, но она может для своего оправдания хотя бы сказать, что этот круг начертала вокруг нее чужая рука. Но вы-то начертили вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность!» Тем не менее четверо членов ЦК по-прежнему выступали против, четверо воздержались. Однако технически большинство оказалось за сторонниками мира. 3 марта в Брест-Литовске «похабный мир» был подписан. «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно», – отвечал Ленин своим критикам в рядах партии.

Несколько дней спустя чрезвычайный Четвертый съезд Советов ратифицировал его. «Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя», – аргументировал свое решение Ленин в выступлении перед

съездом. С ним было сложно не согласиться.

Согласно Брестскому миру, Россия теряла территорию общей площадью 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек. Хуже того, это были наиболее развитые в промышленном отношении регионы страны. Слабым утешением было то, что значительную часть этих территорий (в частности Польшу и Финляндию) удержать в составе России не удалось бы в любом случае. Наиболее болезненной была потеря Украины, объявившей о своей независимости. Помимо территориальных потерь, Россия должна была выплатить крупную сумму денег и предоставить немцам экономические привилегии.

Впоследствии многие обвиняли Ленина (и обвиняют по сегодняшний день) в заключении позорного, невыгодного мира, в выводе страны из войны. Даже Владимир Путин, выступая два года назад на открытии памятника русским солдатам Первой мировой, высказался в том смысле, что большевики украли победу у страны. Однако даже такой убежденный противник большевиков, как Деникин, впоследствии признавал: на той стадии, на которой большевики пришли к власти, ничего исправить уже было нельзя. Если бы Временное правительство не было свергнуто, подписывать Брестский мир пришлось бы ему.

Кроме того, Ленин искренне верил, что заключенному миру суждена недолгая жизнь. «Некоторые определенно, как дети, думают: подписал договор, значит, продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил», – писал Ильич. Революция в Германии, убеждал он окружающих, неизбежна. «Да, тот мир, к которому мы пришли, непрочен в высшей степени, – заявлял он на Четвертом съезде Советов, – та передышка, которую мы получили, может быть сорвана каждый день и с запада, и с востока – и в этом нет сомнений. Наше международное положение такое критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться как можно дольше, пока зреет западная революция, зреющая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали, но несомненно зреющая». Ильич в конечном счете оказался прав; в том же году в Германии произойдет революция, и большевики смогут отказаться от условий Брестского мира.

Однако это очевидно на расстоянии. А тогда подписание Брестского мира вызвало глубокий кризис в правительстве и стране. Из состава Совета народных комиссаров вышли левые эсеры, и правительство (как окажется позднее, навсегда) превратилось в однопартийное. Со своих постов ушел также ряд ключевых фигур среди большевиков – противников подписания

мирного договора, в том числе Николай Бухарин. Хуже того, Брестский мир вызвал массовое возмущение в стране. Таковы особенности человеческой психологии – многие из тех, кто еще вчера братался с немцами и дезертировал с фронта, теперь были недовольны тяжелыми условиями мира.

10 марта Ленин покинул Петроград. Было принято решение о переезде Совнаркома в Москву. Лежащей на поверхности причиной была сохранявшаяся, несмотря на подписание мира, угроза со стороны германских войск. Однако немцы пока что агрессивных намерений не демонстрировали, переваривая захваченное. Была и более глубинная причина – Москва все-таки находилась гораздо ближе к географическому центру России, чем расположенный на крайнем северо-западе Петроград. В условиях, когда система управления страной была расстроена и нуждалась в кропотливом восстановлении, расположение столицы тоже имело большое значение. Надежда Константиновна вспоминала впоследствии: «Наступление немцев, взятие ими Пскова показали, какой опасности подвергалось правительство, находившееся в Питере. В Финляндии разгоралась гражданская война. Решено было эвакуироваться в Москву. Это было необходимо и с точки зрения организационной. Надо было работать в центре хозяйственной и политической жизни страны».

В Москве Ленин, Крупская и Мария Ульянова сначала поселились в гостинице «Националь» у Охотного ряда. Здесь они оставались, пока в Кремле спешно готовили предназначенные для членов советского правительства помещения. Постоянное жилье – комфортабельная трехкомнатная квартира – было готово только к концу марта. Вселившись сюда, Ленин в первую очередь попросил привезти ему книги. Его личная библиотека, к слову, к концу жизни составляла около 10 тысяч томов, что уже само по себе говорит о многом. Чуть позднее в их семье появилась кошка. Ленин часто приходил с пушистой любимицей на заседания Совнаркома.

Режим дня Ильича остался прежним – вставал он относительно поздно, много времени уделял визитерам из различных регионов страны. Практически весь свой день он проводил в Кремле, лишь изредка выезжая в город для выступлений на различных мероприятиях, как правило, заводских митингах. Ленин не особенно любил Москву – для него она воплощала старую традиционную Русь, которую он хотел радикально преобразить.

Жил Ленин просто, избегая любой роскоши. Один из посетителей его квартиры в Кремле, академик Авербах, впоследствии вспоминал: «Он удовлетворился квартирой, в

которой было ровно столько комнат, сколько нужно было только для жилья ему и ближайшим членам его семьи, (…) что же касается обстановки этой квартиры, то стоило только открыть дверь, чтобы сразу почувствовать себя в жилище нетребовательного, но истинно культурного человека, – все просто, чисто, опрятно, все на месте, без блеска, без шика, никаких предметов роскоши, никаких вещей неизвестного назначения, но зато есть все, что нужно работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами». Ленин неоднократно подчеркивал необходимость сокращения расходов на бюрократический аппарат – так, весной 1922 года он требовал уменьшить финансирование правительственного гаража.

Питался Ленин тоже скромно. Немецкая коммунистка Клара Цеткин, побывавшая у него в гостях в 1920 году, вспоминала: «Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем». Любой комфорт он отвергал. Его секретарь Лидия Фотиева рассказывала такую историю: «У него мерзли ноги в кабинете, и он попросил дать ему войлок под ноги. Войлок достали. (…) Но позже удалось достать шкуру белого медведя. Большую, роскошную шкуру расстелили под письменным столом и креслом и были рады: и красиво и тепло будет Владимиру Ильичу. Но, придя в кабинет и увидев эту обновку, Владимир Ильич рассердился. Он сказал: «В нашей разоренной, полунищей стране такая роскошь недопустима». Пришлось убрать шкуру и водворить на ее место войлок».

С окружающими Ленин держал себя просто, избегая всяческого пафоса. Он хотел подчеркнуть, что новая власть в отличие от старой не отделяет себя от народа. Кремлевские швейцары, служившие еще при царской власти, качали головами: «Не то! Благолепия не хватает. Ленин! Человек-то какой! Трепет вокруг должен быть, робость. А он со всеми как равный. Нет, не то».

Тем временем проблемы в стране нарастали. Приход к власти большевиков решил самые насущные задачи, но не обеспечил экономического подъема. Более того, в условиях неопределенности хаос в хозяйственной жизни усиливался. Рвались экономические связи, падало производство, не была решена продовольственная проблема. Решение Ленин видел в усилении централизации и контроля, в принятии более жестких мер в экономической политике. Социализм, писал Ленин в 1917

году, это учет и контроль. Если кто-то не хочет смириться с новым порядком, значит, его надо заставить. Ситуация не позволяет проявлять излишнюю мягкость, этому учит опыт других революций.

«Совет народных комиссаров предлагает Всероссийскому продовольственному совету и Комиссариату продовольствия усилить посылку не только комиссаров, но и многочисленных отрядов для самых революционных мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы со спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте», – писал он в середине января 1918 года. Ленин понимал, что обеспечение городов продовольствием – первоочередная задача, от которой зависит будущее режима. Крестьянские волнения – это очень неприятно, но недовольство пролетариата больших городов – смертельная опасность.

В апреле 1918 года Ленин написал брошюру под названием «Очередные задачи советской власти». В ней он по-прежнему отстаивал необходимость жестких мер. «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов».

Вскоре было принято решение еще больше ужесточить контроль над поставками продовольствия. Ленин обвинял богатых крестьян в том, что они специально прячут хлеб (что в значительной степени было правдой). Называя их «врагами народа», он настаивал на принятии жестких мер. В деревне решением Совнаркома создавались комитеты бедноты (комбеды), задачей которых было совместно с прибывавшими из города комиссарами изымать излишки зерна у богачей. Большевиков нельзя было упрекнуть в установлении продовольственной диктатуры – в конечном счете знаменитая продразверстка была введена еще в 1916 году в надежде преодолеть продовольственный кризис. Однако теперь средства осуществления этой диктатуры становились все более и более жестокими.

В то же время Ленин не считал нужным форсировать коллективизацию крестьянской собственности. Весной 1919 года он писал в одной из своих телеграмм в провинцию: «Недопустимы какие бы то ни было меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке полей. Неисполнение этого будет караться со всей строгостью революционного закона». Ленинская политика была чужда прямолинейному догматизму.

К середине 1918 года над большевиками нависла новая смертельная угроза. После Октябрьской революции значительная

часть инакомыслящих лишь внешне смирилась с произошедшим. Число недовольных продолжало расти. Разгон Учредительного собрания, подписание Брестского мира – все это множило ряды противников новой власти. К ним присоединялись и те, кто лелеял наивные мечты на немедленное улучшение ситуации в стране и в результате быстро разочаровался.

Разочарованными оказались и представители левого крыла большевиков во главе с Бухариным. Они требовали немедленной отмены любой частной собственности, национализации всех коммерческих предприятий, включая небольшие лавочки и мастерские. Естественно, национализировать следовало и крестьянские земельные наделы. Ленин прекрасно понимал абсурдность таких требований и гибельность любой попытки реализовать их в сложившихся условиях. Он выступал за национализацию только самых крупных и современных предприятий при сохранении значительного частного сектора в экономике. В годы Первой мировой войны на Ленина произвела большое впечатление германская модель управления экономикой – государство не отчуждало частную собственность, но эффективно регулировало хозяйственную жизнь страны. Нечто подобное – «государственный капитализм» – он хотел на данном этапе и для Советской России. Кроме того, Ленин настаивал на использовании «буржуазных специалистов» во всех сферах, в которых они могли быть полезны.

Ильич весной 1918 года явно недооценивал нависшую над новым режимом угрозу. После заключения Брестского мира, считал он, наконец-то можно вздохнуть спокойно. Жизнь, казалось Ленину, начинает входить в нормальное русло, на повестку дня встает «задача – организовать управление Россией». «Гражданская война стала фактом, – заявлял он. – В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа далась нам необычайно легко».

Ленин заблуждался. Настоящая гражданская война была еще впереди, и победа в ней дастся большевикам чрезвычайно тяжело.

В мае 1918 года начался мятеж Чехословацкого корпуса. Корпус был сформирован еще до Октябрьской революции из военнопленных чехов – подданных Австро-Венгерской империи. Чехи не отличались лояльностью по отношению к своему законному монарху, и часть из них согласилась сражаться на стороне Антанты. Было решено направить их на Западный фронт через Сибирь и США. Весной 1918 года эшелоны Чехословацкого корпуса длинной нитью растянулись вдоль Транссибирской железной дороги. Попытка разоружить корпус со стороны

большевиков привела к мятежу. Чехословацкие части быстро сломили сопротивление красных в сибирских городах и предоставили себя в распоряжение Комуча – Комитета членов Учредительного собрания, организованного в начале июня в Самаре и состоявшего в основном из эсеровских и меньшевистских депутатов. В Оренбурге набирало силу казачье восстание под руководством Красноярцева. На юге Краснов полностью взял под контроль Донскую область и стремительно наращивал силы, готовясь наступать на Центральную Россию.

Одновременно англичане высадились в северных портах. Сначала их цель была ограниченной – доставленное в 1917 году в Россию морем военное имущество, хранившееся на складах, не должно было достаться немцам. Однако аппетит приходит во время еды. Во Владивостоке летом 1918 года высадились японцы и американцы. Иностранная интервенция против Советской России началась.

Как будто этих проблем было мало, 6 июля левый эсер Яков Блюмкин застрелил германского посла в Москве Мирбаха. Тем самым он рассчитывал спровоцировать конфликт между Россией и Германией, который положит конец Брестскому миру. Добился он, однако, прямо противоположного. Ленину с большим трудом и ценой новых уступок немцам удалось уладить инцидент. Левые эсеры, которым удалось, используя внезапность, захватить в плен самого Дзержинского, были достаточно быстро разгромлены силами латышских стрелков. 7 июля руководство мятежников было арестовано. Однако нервозная атмосфера в Москве оставалась: в тот же день, 7 июля, по автомобилю, в котором ехал Ленин, открыл огонь решительно настроенный большевистский патруль. «Нельзя так, товарищи, зря палить из-за угла!» – заявил Ильич, когда инцидент был исчерпан.

В такой атмосфере решался вопрос о судьбе последнего российского царя. Как известно, Николай II вместе с семьей был расстрелян в Екатеринбурге 18 июля 1918 года. До сих пор историки спорят о том, какова была роль Ленина в этих событиях. Существует версия, что приказ о физической ликвидации последнего российского царя он отдал лично – «нельзя оставлять им живого знамени». Так это или нет неизвестно. Бесспорным фактом остается, что расстрел членов семьи Николая II был произведен по инициативе местных большевиков, которые действовали под сильным давлением народа, требовавшего расправы с царем и его родственниками, и в обстановке приближения к Екатеринбургу белых. Следует отметить, что шанс сложить голову на плахе считался своеобразным «профессиональным риском» европейских монархов как минимум

с Английской революции XVII века. Кроме того, Николай II в отличие от миллионов безвинно погибших в результате Первой мировой и Гражданской войн в значительной степени сам являлся виновником тех событий, которые привели к его расстрелу. Поэтому особо выделять его «жертву» нет ровным счетом никаких оснований.

Число жертв тем временем росло с каждым днем. Как это бывает обычно в обстановке Гражданской войны, жестокость проявляли обе стороны. В августе Ленин писал пензенским большевикам: «Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. (…) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. (…) Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков».

Подобные цитаты часто приводятся в качестве доказательства жестокости и бесчеловечности Ленина. На самом деле они доказывают, что Ильич умел быть жестоким в тех ситуациях, когда, на его взгляд, это было необходимо. В целом же для Ленина было характерно достаточно мягкое отношение к людям, даже к противникам. «Он вообще любил людей. Его любовь смотрела далеко вперед и сквозь тучи ненависти», – писал Максим Горький. Писателю нередко приходилось обращаться к Ленину с просьбой смягчить принятые чекистами меры в отношении того или иного деятеля. Как правило, вождь шел навстречу. «Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, – вспоминал впоследствии Горький. – И для того, чтобы скрыть радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией».

Однако Максим Горький – лицо заинтересованное. Что писали о Ленине люди, относившиеся к нему без малейшей симпатии? Предоставим слово Бердяеву: «Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это (…) в революции неизбежно. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия».

Это благодушие заставляло его пренебрегать мерами предосторожности. 30 августа 1918 года Ленин выступил на двух митингах. Ситуация была тревожная, и младшая сестра просила его никуда не ездить. Еще в конце июня в Петрограде эсерами был убит один из лидеров большевиков Володарский, и было ясно, что на этом дело не кончится. «Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего

решает», – телеграфировал Ленин на берега Невы.

Однако вождь революции никогда не проявлял трусости. Можно сказать, что в данном случае ему не хватило даже разумной осторожности; однако спрятаться в Кремле означало бы признать силу врагов. После второго выступления, когда Ленин направлялся к машине, прозвучало три выстрела. По официальной версии, стреляла эсерка Фанни Каплан. Сколько в реальности было участников покушения, остается загадкой по сегодняшний день. Сама Каплан была расстреляна 3 сентября и ничего не рассказала о своих помощниках.

Две из трех пуль попали в Ленина: одна в руку, другая – в шею. Это второе ранение было наиболее опасным. В выпущенном вечером того же дня бюллетене говорилось: «Констатировано 2 слепых огнестрельных ранения; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровотечения».

Ленина немедленно отвезли в Кремль. Здесь ему оказали первую помощь. Прибывшие профессора Розанов и Минц успокоили Ильича: ранения не представляют смертельной опасности. Пули решили не извлекать, чтобы не проводить сложную и довольно опасную хирургическую операцию, однако врачи предписали полный покой. 25 сентября Ленина отвезли в Горки – бывшее имение Рейнботов в ближайших окрестностях Москвы. Во время отсутствия Ленина управление государством взял на себя председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (формально – высшего законодательного и распорядительного органа в стране) Яков Свердлов. Именно он 5 сентября опубликовал знаменитое постановление «О красном терроре», которое должно было дать ответ на серию покушений на руководителей молодой республики. Гражданская война набирала обороты.

Сам Ленин одобрял «красный террор». Однажды он сказал Горькому: «Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас со всех сторон медведем лезет контрреволюция, а мы – что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы

здесь?»

В Горках Ленин отдыхал физически, но продолжал напряженную умственную деятельность. Ранения не позволяли ему писать самостоятельно, поэтому свои работы он диктовал секретарю Марии Володичевой. Уже в середине октября он вернулся в Кремль и приступил к напряженной работе. Отдыхал он разве что во время прогулок по центру Москвы, на которые часто брал с собой жену или младшую сестру. Эти прогулки вызывали недовольство его охраны – казалось, что Ленин понапрасну рискует собой. Изредка он с партийными товарищами ездил за город на охоту.

Зимой Надежда Константиновна, у которой обострилась базедова болезнь, поселилась в лесной школе в Сокольниках. Ленин периодически навещал ее. Одна из таких поездок 19 января обернулась весьма опасным приключением: автомобиль, в котором ехал глава государства, был остановлен бандитами. Отобрав у пассажиров все ценные вещи и документы и высадив их в сугроб, уголовники умчались на машине. Как выяснилось впоследствии, бандиты не поняли, кто перед ними, и лишь потом, внимательно рассмотрев захваченные документы, осознали, что могли бы запросить за Ленина большой выкуп. Однако было поздно: Дзержинский организовал масштабную операцию, и банду в конечном счете поймали.

К слову об автомобилях: в массовом сознании распространен стереотип, согласно которому Ленин все время катался на «Роллс-Ройсе». Иногда из этого делаются далеко идущие выводы о том, что вождь мирового пролетариата предпочитал роскошную жизнь. На самом деле, в начале XX века роскошью был любой автомобиль. Эра массового, конвейерного автомобилестроения еще только-только забрезжила в США, где в 1908 году началось производство машины «Форд-Т». В Европе же правили бал, по сути, большие автомобильные мастерские. Поэтому и российский автомобильный парк того времени был весьма разношерстным. Собственного автомобильного производства в стране практически не было – широко разрекламированный «Руссо-Балт» выпускался в Риге в мизерных объемах. После прихода к власти большевики использовали все, что осталось от «старого режима», представители которого особо не стесняли себя в расходах. Среди машин, на которых ездил Ленин, были и «Тюрка-Мери», и «Рено», и «Делонэ-Белльвиль», и, конечно же, «Роллс-Ройс». Уже значительно позднее, в 1920 году, в Англии закупили небольшую партию «Роллс-Ройсов» для правительственного гаража – машины были относительно дорогие, но надежные и уже хорошо изученные.

Зимой 1918/19 годов основные усилия Ленина были посвящены укреплению структур советской власти. Угроза со стороны белых нарастала. В ноябре 1918 года в Сибири верховным правителем России был провозглашен адмирал Колчак. В декабре колчаковские войска овладели Пермью. В январе под руководством Деникина были образованы Вооруженные силы Юга России. Деникину удалось сосредоточить в своих руках руководство белыми на Кубани, Дону и Северном Кавказе и договориться о получении помощи от стран Антанты. В Прибалтике красные начали терпеть поражения, а Юденич собирал силы для похода на Петроград.

В этих условиях необходима была жесткая централизация власти. Пользуясь своим огромным авторитетом, Ленин пресекал конфликты среди сподвижников (один из наиболее известных – конфликт Сталина и Троцкого), требовал сосредоточения усилий на главной задаче – сохранении советской власти и победе над белыми. Лидерство Ильича постепенно укреплялось. С ним спорили, не соглашались, но на этапе принятия решений ему все чаще удавалось провести в жизнь свою волю.

Примерно с середины 1918 года имя Ленина стало все шире использоваться и в советской пропаганде. Началось формирование «культа Ильича», который достигнет своего пика уже после его смерти. Сам Ленин относился к этому неодобрительно. Вскоре после своего ранения, вызвав Бонч-Бруевича, он отчитал сподвижника: «Это что такое? Как же вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах!.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика… Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров… Так, чего доброго, доберутся до молебнов за мое здоровье… Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится. Я такой же, как и все». Не любил он и бурных оваций, и повышенного внимания со стороны публики. Однажды, придя на концерт Шаляпина, он был встречен ликованием зала – и вынужден был уйти, поскольку выступление оказалось почти сорвано.

Ленин по-прежнему надеялся на мировую революцию. В ноябре 1918 года свершилось то, о чем он говорил весной, – германская монархия пала. На фоне поражения в Первой мировой войне в Берлине началась революция, была провозглашена республика. Эти события позволили советскому руководству разорвать Брестский мир. На территориях, с которых отступали

немецкие оккупационные войска, провозглашалась советская власть. Украина в начале 1919 года перешла под контроль красных. Дальше, однако, начались трения с властями бывших окраин Российской империи, а ныне независимых государств – республик Прибалтики и Польши. Отношения советской власти с местными националистами были двоякими. Поляки, финны и прибалты приветствовали распад Российской империи, благодаря которому они получили независимость – и в этом плане являлись однозначными противниками белых. Однако и к возможной большевизации своих стран местные элиты относились без энтузиазма, обращаясь за помощью к Германии или к Антанте.

Ленин с нетерпением ждал дальнейшего развития событий. Однако в Германии Ноябрьская революция оказалась весьма умеренной и не пошла дальше установления буржуазной республики. Восстание левых социал-демократов, идеологически близких большевикам, было разгромлено. Самим словом «большевизм» новые немецкие власти запугивали своих обывателей. Советские республики в Баварии, Словакии и Венгрии оказались недолговечными. В странах-победительницах и вовсе не было никаких предпосылок для успешной революции.

В начале марта 1919 года по инициативе Ленина был образован Третий Интернационал, более известный как Коминтерн. Выступая на Первом конгрессе новой организации, Ильич заявил: «Победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена». Однако это были всего лишь мечты.

В марте 1919 года состоялся также Восьмой съезд РКП(б). На нем развернулись оживленные дискуссии по целому ряду вопросов: о проекте новой программы партии, о структуре партийного аппарата, об отношении к крестьянству… Ленин, как и всегда, много выступал, убеждал, доказывал. В результате в общем и целом его линия победила. В «аграрном вопросе» была сделана ставка на привлечение середняка. Еще в конце 1918 года комбеды были распущены как не принесшие существенной пользы. Ленин прекрасно понимал, что компромисс с крестьянством абсолютно необходим – масштабное восстание в российской деревне может стать последним гвоздем в крышку гроба советской власти. Поэтому, не прекращая борьбы с кулачеством, следовало привлечь на свою сторону большую часть тружеников села.

Была принята новая программа партии. Организационная структура самой партии (теперь она называлась Российская коммунистическая партия большевиков – РКП(б)) получила дальнейшее развитие – были созданы Политическое бюро

(Политбюро) и Организационное бюро (Оргбюро) ЦК. Кроме того, провозглашалась необходимость немедленного большевистского контроля над всеми Советами на территории России. Существование нескольких «параллельных властей», административный хаос были недопустимы в новой системе. Точно так же было принято решение покончить с «пережитками добровольческих методов в строительстве Красной Армии, партизанщиной в войсках и формировать регулярную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию с железной дисциплиной». Фактически Красная Армия превращалась из рабочего ополчения в профессиональные вооруженные силы. Несмотря на сопротивление части руководства партии, был взят курс на максимально широкое привлечение «военспецов» – офицеров царской армии, готовых служить новой власти. Таких нашлось немало: десятки тысяч российских офицеров, среди которых было немало генералов, пошли на службу к большевикам.

Здесь же, на Восьмом съезде партии, Ленин заявил, что впереди у советской власти – «самое тяжелое полугодие». Касались эти слова перспективы мировой революции. Она, как известно, не произошла, однако в конечном счете Ильич оказался прав: именно 1919 год стал самым трудным для молодого советского государства.

Большую часть территории бывшей Российской империи контролировали белые. Фактически под контролем Москвы осталась только часть европейской России, находившаяся «в кольце фронтов». Многие большевистские руководители в этот период находились на фронтах, принимая участие в руководстве операциями. Ленин оставался в Москве. Он не пытался изображать из себя военачальника, планировать военные операции, детально вникать в ход боевых действий. Фактически его вмешательство ограничивалось призывами удерживать те или иные крупные города и громить врагов советской власти. «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы» – типичный пример ленинских посланий 1919 года.

И в то же время вклад Ленина в казавшуюся временами невероятной победу красных трудно переоценить. Он делал главное – заставлял еще толком не сформировавшуюся, местами беспорядочную систему работать на максимуме и обеспечивать сосредоточение усилий на решающих участках. В апреле был остановлен, а летом отброшен за Урал адмирал Колчак, которого англичане и французы уже успели поздравить с успешным наступлением на большевиков. В октябре Красная Армия после долгой полосы неудач начала успешно теснить рвавшегося к

Москве Деникина. В ноябре войска Юденича, чуть было не взявшего Петроград, были отброшены на эстонскую территорию, где местные власти разоружили их. Тогда же колчаковская армия оставила Омск – столицу адмирала. Восстания против Колчака полыхали по всей Сибири, а сам он был схвачен красными и расстрелян в феврале 1920 года. Вооруженные силы Юга России к весне 1920 года были разгромлены, а Деникин передал командование генералу Врангелю, продолжавшему удерживать Крым, и отбыл в эмиграцию.

Причины неудач белых, находившихся, казалось, на волосок от победы в первой половине 1919 года, хорошо известны. Здесь и несогласованность действий различных группировок, и партизанское движение в тылу, и недостаточно решительная поддержка со стороны стран Антанты, население которых устало от войны, и разногласия между сторонниками «единой и неделимой России» и лидерами национальных окраин. Маннергейм, к примеру, предлагал Колчаку двинуть финскую армию на Петроград при условии, что Верховный правитель России признает независимость Финляндии, но получил отказ.

Однако это все – только одна сторона медали. У белых было достаточно сил для того, чтобы разгромить красных, будь последние просто разбойничьей шайкой, как их рисовала антибольшевистская пропаганда. Однако и Красная Армия, и советское государство в целом стремительно развивались. При этом применялись весьма жесткие меры, но в той ситуации ничего другого Ленину и его сподвижникам не оставалось.

Большевикам приходилось бороться не только с белыми, но и с огромным количеством самых различных трудностей. В раздираемой Гражданской войной стране свирепствовали эпидемии. Они уносили жизни миллионов людей, включая первых лиц государства. В марте 1919 года умер от гриппа-«испанки» Яков Свердлов – правая рука Ильича. Тяжело болела и с трудом выкарабкалась Крупская. «Времена скверные: сыпняк, инфлюэнца, испанка, холера. Я только что встал и не выхожу. У Нади 39°, она просила Вас повидать. Сколько градусов у Вас?» – писал Ленин Инессе Арманд в первой половине 1920 года. Арманд оставалась ближайшей сподвижницей Ленина, лично преданной ему даже после окончания их романа. В сентябре 1920 года она умерла в Кисловодске от холеры – тяжелый удар для Ильича, возможно, еще сохранявшего в глубине души остатки нежных чувств к ней. «Я никогда ранее не видела подобной муки, – такое описание Ленина на похоронах Инессы оставила Анжелика Балабанова. – Никогда не видела человека, настолько полностью поглощенного горем, пытающегося оставить

его себе, оградить его от внимания других, как если бы это сознание могло уменьшить интенсивность его чувства». Ленин и Крупская в дальнейшем заботились о детях Арманд, принимая живое участие в их судьбе. Дочь Инессы Варвара вспоминала: «После смерти моей матери Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли над нашей семьей шефство. Мы постоянно ходили к Надежде Константиновне. Иногда на 3–5 минут приходил Владимир Ильич. Он не садился, а быстро ходил по комнате, включался в наш общий разговор, даже если мы говорили о пустяках, оживляя его своей шуткой, расспросит немного и уходит работать. Иногда мы пили чай вместе».

В апреле 1920 года Ильичу исполнилось 50 лет. На торжествах, организованных в Москве, произносились в изобилии хвалебные речи. Ленин не любил лесть и явно смущался, слушая дифирамбы в свой адрес. Однако ничего другого ему не оставалось – в конечном счете он был правителем одного из самых крупных государств тогдашнего мира.

В этом статусе ему предстояло оставаться еще несколько лет.

Глава 9
Правитель

1920 год стал, по сути, последним годом Гражданской войны. В ноябре Красная Армия захватила Крым – последний крупный плацдарм белых в России. Главным противником Советской России в 1920 году являлась Польша. С момента образования независимого польского государства в конце 1918 года польские политики стремились воссоздать старую Речь Посполитую «от моря до моря». Им удалось получить значительную часть германской территории, с меньшим успехом они претендовали на некоторые районы Чехословакии. Однако главным направлением польской экспансии оставалась Россия. Пилсудский хотел не только присоединить значительную часть украинской и белорусской территорий, но и создать марионеточное украинское государство. Пока Красная Армия была занята главным образом борьбой с белыми, полякам удавалось практически беспрепятственно продвигаться на восток. Наивысшая точка их наступления была достигнута в начале мая 1920 года, когда польская кавалерия вступила в Киев.

Однако затем ситуация изменилась. Красным удалось, заперев Врангеля в Крыму, сосредоточить основные силы против поляков. Летом польская армия неудержимо и с возрастающей скоростью покатилась на запад. Из Варшавы в Лондон и Париж полетели просьбы о помощи. Западные союзники рассмотрели ситуацию и приняли решение о том, что победы большевиков, конечно, допускать нельзя, но воевать за польские амбиции никакого резона тоже нет. Была определена восточная граница территорий с преобладающим польским населением – так называемая «линия Керзона», названная так по имени британского министра иностранных дел. 11 июля лорд Керзон направил ультиматум советскому правительству, требуя остановиться на этой линии.

В советском руководстве развернулась непростая дискуссия. С одной стороны, нужно было добивать Врангеля в Крыму, экономика Советской России была истощена, а быстрое продвижение войск Тухачевского с открытыми флангами таило в себе опасность катастрофы. С другой, это был шанс разжечь европейскую революцию. Среди руководства РКП(б) существовали надежды на то, что польский пролетариат поддержит Красную Армию. А там уже недалеко до Германии, где достаточно горючего материала для революционного пожара, который

охватит всю Европу. К слову, германское руководство, не питавшее к полякам никаких нежных чувств, в 1920 году заняло враждебную по отношению к ним позицию.

И Троцкий, и Сталин, и большевики польского происхождения выступали против форсированного марша на запад. Однако Ленин полагал, что наступление эры социализма в европейских странах является необходимой предпосылкой для выживания советской власти в России: «Мы всегда подчеркивали, что в одной стране нельзя совершить такое дело, как социалистическая революция». Революция должна двигаться вперед, иначе она погибнет – в этом Ленин был убежден непоколебимо. Его поддерживало также и левое крыло большевиков.

Ильич был настолько уверен в победе европейской революции, что начал дискуссию о государственном устройстве будущей Европы. Он предложил создание федерации равноправных советских республик. Этому плану решительно воспротивился Сталин, считавший необходимой группировку наций вокруг сильных центров. Так, Россия должна была стать такого рода центром на пространстве бывшей империи Романовых. Национальные окраины должны были войти в состав Советской России, сохранив определенные права (автономию). Следует отметить, что ранее подобные же идеи разделял и Ленин. «Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип одного государства», – писал он в 1913 году. Теперь, семь лет спустя, он считал необходимым пойти на уступки широко распространенному в Европе национализму.

«Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами – а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, – единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям, – писал Ленин весной 1920 года. – Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым

доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению Советской республики и пролетарской диктатуры – вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента». Спор между Лениным и Сталиным вновь вспыхнет в 1922 году, когда речь зайдет о государственном устройстве новой России.

Во второй половине июля в Петрограде открылся Второй конгресс Коминтерна. В нем принимали участие 218 делегатов от 54 партий. Ленин был на нем центральной фигурой – в конечном счете он был главой единственной в мире коммунистической партии, находившейся у власти. Именно он сформулировал «Двадцать одно условие» – требования, которым должна была соответствовать партия, желающая вступить в Коммунистический интернационал. Фактически они означали унификацию коммунистических партий по образцу РКП(б), консолидацию мирового коммунистического движения. Советская Россия из страны, с которой просто началась мировая революция, превращалась в лидера и главу мирового коммунистического движения. На конгрессе Ленин заявил о том, что не только развитые капиталистические страны созрели для перехода к социализму; капиталистическую стадию можно просто «перепрыгнуть», поэтому в колониальных и зависимых странах тоже нужно стремиться к социалистической революции. Это было дальнейшее развитие ленинских идей, которые смущали ортодоксальных марксистов еще в 1917 году.

Пользуясь случаем, Ленин много общался с представителями разных европейских стран. Хорошее знание языков помогало ему в этом. Одна из участниц мероприятия вспоминала: «В 1920 году, когда происходил II конгресс Коминтерна, Владимир Ильич в своем выступлении подверг критике ошибки руководства Коммунистической партии Германии и линию итальянца Серрати. Пока речь шла о Германской коммунистической партии, Владимир Ильич говорил по-немецки, а потом, когда заговорил об ошибках Серрати, сразу же перешел на французский язык. Я была на этом заседании конгресса, которое происходило в Андреевском зале Кремлевского дворца. Вспоминаю тот гул, который прошел по залу. Иностранные товарищи не могли себе представить, что русский, который только что блестяще говорил по-немецки, так же свободно владеет французским языком».

Еще весной 1920 года Ленин написал брошюру, в которой изложил свои взгляды на задачи коммунистического движения. Необходимость принципиальности в главном и гибкости в тактических вопросах – вот основная идея работы, озаглавленной

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Ленин обрушивается с критикой на тех, кто считает нужным любой ценой придерживаться ортодоксии. «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран – так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного, – писал он. – Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме вообще. Кто не доказал практически, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего уменья применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом. Наша теория не догма, а руководство к действию – говорили Маркс и Энгельс».

В вопросе наступления в Польше победила ленинская точка зрения. В августе 1920 года войска Тухачевского стремительным броском вышли к Варшаве. Однако на этом их наступательный порыв иссяк. И самое главное – никакого массового восстания в Польше не произошло. Как вспоминал впоследствии один из участников тогдашних событий, «протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то запрятали».

В этой ситуации быстро стали очевидными все опасности, которым подвергалась вырвавшаяся далеко вперед группировка Тухачевского. Решение о переброске сил с Львовского на Варшавское направление было принято слишком поздно (вопреки широко распространенной легенде никакой вины Сталина в этом не было). В конце августа ударная группировка Красной Армии под Варшавой была разгромлена. В октябре поляки вошли в Минск, однако этот успех был куплен дорогой ценой. 12 октября было подписано перемирие.

Спустя несколько месяцев, в марте 1921 года, в Риге стороны подписали окончательный мирный договор. Его можно было бы назвать «малым Брестом». Советско-польская граница в соответствии с этим договором прошла значительно восточнее «линии Керзона», в составе Польши оказались обширные территории с преобладающим украинским и белорусским

населением. Однако возможности продолжать войну с Польшей, за спиной которой стояли Франция и США, у Советской России уже не было. И, самое главное, стало понятно, что мировая революция откладывается на неопределенный срок.

Выступая осенью 1920 года на партийной конференции, Ленин признал: решение о наступлении в Польше оказалось в конечном счете ошибкой. Однако ошибкой, которой невозможно было избежать: «Как можно голосовать против помощи советизации?» Тем не менее со стороны делегатов прозвучала резкая критика в адрес партийного руководства. Конференция вообще оказалась достаточно бурной, противоречия, которые ранее приглушались, теперь вылезли наружу в полном объеме. Сталин и Троцкий обменялись весьма жесткими репликами. «Товарищи, мне кажется, что некоторые сделанные в прениях заявления и даже некоторые речи стоит отметить только потому, что они явно выражали уже не только переутомление, но переутомление, доходящее до истеричности и дающее поэтому совсем лишнее», – пытался успокоить Ленин делегатов. Одновременно он говорил о том, что самое тяжелое уже позади и можно перейти от чрезвычайных мер к налаживанию нормальной жизни: «Даже в этом масштабе отчаянной усталости этот массовый масштаб усталости начинает уменьшаться, и начинается тот период, когда мы от обсуждения вопроса о корке хлеба сможем перейти к более высоким задачам, которые перед нами стоят и разрешением которых мы все безусловно займемся».

Вопреки распространенному мифу «военный коммунизм» времен Гражданской войны не был для Ленина идеальным устройством. В отличие от некоторых леваков он никогда не требовал форсированного, одномоментного перехода к социалистическому устройству страны. Более того, Ленин считал, что определенные элементы капиталистической системы можно поставить на службу молодому советскому государству. Поэтому, собственно, переход к Новой экономической политике (НЭП) в начале 1921 года не представлял собой никакого резкого поворота. Скорее это было возвращение к ситуации начала 1918 года.

Еще в феврале 1920 года Троцкий предлагал осуществить либерализацию хлебной торговли и отменить продразверстку. Тогда это предложение было отвергнуто. Момент, как считал Ленин, еще не созрел. Меньше чем через год он вернулся к этой идее. 18 февраля 1921 года на заседании Политбюро ЦК было принято решение о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом. Он создавал материальные стимулы для крестьян увеличивать производство. Эта простая мера

позволяла одним ударом снизить существовавшее в сельской местности недовольство советской властью, восстановить нормальный товарообмен между городом и деревней и уменьшить опасность голода. Тем не менее у многих руководителей партии она вызвала непонимание. Казалось, что после победы советской власти Ленин зачем-то делает шаг назад, к капитализму. Однако лидер большевиков был на верном пути. Как вспоминал впоследствии Радек, «меня в Ленине поражало то, что англичане называют «Коммон сенс», т. е. здравый смысл. (…) Когда Ленин решает большой вопрос, он не мыслит абстрактными историческими категориями, он не думает о земельной ренте, о прибавочной стоимости, об абсолютизме, о либерализме. Он думает о Собакевиче, о Гессене, о Сидоре из Тверской губернии и о рабочем с Путилова, о городовом на улице и думает о том, как данная мера повлияет на мужика Сидора и на рабочего Онуфрия, как носителей революции».

В марте 1921 года на Десятом съезде партии Ленину пришлось не только отстаивать свою точку зрения на дальнейшую экономическую политику, но и бороться с грозящим расколом. Внутри партии сформировалась так называемая «рабочая оппозиция», выступавшая за передачу управления хозяйственной жизнью страны профсоюзам. Троцкий, напротив, выступал за превращение профсоюзов в государственные органы и лишение их всякого реального значения. Активность проявляли и «демократические централисты» из числа левых большевиков, считавшие необходимой реформу партии и демократизацию политической системы страны.

Ленин с тревогой наблюдал за нарастающими разногласиями в рядах РКП(б), угрожавшими ее единству. Он понимал, что раскол партии повлечет за собой серьезную угрозу для советской власти. Поэтому, воспользовавшись начавшимся в Кронштадте мятежом, Ленин смог убедить делегатов съезда принять резолюцию «О единстве партии», в которой, в частности, говорилось: «Съезд обращает внимание всех членов партии на то, что единство и сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебания в среде мелкобуржуазного населения страны. Между тем еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т. е. возникновения групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину. Необходимо,

чтобы все сознательные рабочие ясно осознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая даже при всем желании представителей отдельных групп сохранить партийное единство неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции».

За фракционную деятельность резолюция предусматривала наказание вплоть до исключения из партии. Это была чрезвычайная мера, существенно ограничивавшая свободу внутрипартийных дискуссий, которая до того была весьма широкой. Фактически РКП(б) вступила на опасную дорожку, которая впоследствии привела партию к полному принудительному единомыслию.

Съезд также одобрил программу Новой экономической политики. Тем не менее недовольство «отступлением» в рядах партии сохранялось. На Десятой партийной конференции Ленину пришлось снова разъяснять свою точку зрения. Он признавал, что главным локомотивом развития страны является тяжелая промышленность. Однако для строительства мощного индустриального комплекса нужны средства, а их нет. Поэтому необходимо пойти на то, что сам Ленин назвал «переходной мерой», то есть уступки крестьянству. «Когда мы говорим: нужно отношение к крестьянству поставить не на почву разверстки, а на почву налога, – что же является главным экономическим определителем этой политики? То, что при разверстке крестьянские мелкие хозяйства не имеют правильной экономической базы и на многие годы осуждены оставаться мертвыми, мелкое хозяйство существовать и развиваться не может, ибо у мелкого хозяина пропадает интерес к упрочению и развитию своей деятельности и к увеличению количества продуктов, вследствие чего мы оказываемся без экономической базы. Другой базы у нас нет, другого источника у нас нет, а без сосредоточения в руках государства крупных запасов продовольствия ни о каком воссоздании крупной промышленности не может быть и речи. Поэтому в первую очередь мы эту политику, изменяющую наши продовольственные отношения, и проводим». На обвинения в реставрации капиталистических отношений Ленин отвечал: «Когда мы страдаем больше всего от полнейшего недостатка продуктов, от нашего полнейшего обнищания, смешно бояться того, что капитализм на основании мелкого промышленного земледелия составит угрозу. Бояться этого – значит совершенно не учитывать

соотношение сил нашей экономики, это значит совершенно не понимать того, что крестьянское хозяйство, как мелкое крестьянское хозяйство, без известной свободы оборота и без связанных с этим капиталистических отношений, не может быть устойчиво ни в какой мере». Однако капиталистические отношения должны были вернуться не только в деревню, но и в города, где разрешалась деятельность небольших частных предприятий. Более того, ради возрождения российской экономики Ленин был готов предоставить концессии иностранным капиталистам! Многих эта позиция шокировала. Однако, как мы понимаем теперь, в тех условиях она была единственно реалистичной.

«Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед сделать или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем», – писал Ленин немного позднее. Он прекрасно понимал, что мановением волшебной палочки превратить Россию в страну идеального социализма не получится. На это потребуется много времени и много труда. «Сила привычки миллионов и десятков миллионов – самая страшная сила».

Ленин, как и прежде, много работал, старался лично вникать в самые разные вопросы. Он неизменно руководил заседаниями Совнаркома. Луначарский уже после его смерти вспоминал:

«При Ленине в Совнаркоме было дельно и весело. Я должен оговориться, что дух строгого распорядка и веселости, свидетельствующий о силе и уверенности, внедрился в Совнарком очень прочно, и последовавшие за Лениным председатели не изменили этой традиции. Но, конечно, Ленин остается Лениным. Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Уже при нем требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но вместе с тем не было заметно ни самомалейшего запаха бюрократизма, игры в высокопоставленность или хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу. Больше чем когда-нибудь, при Ленине казалась эта работа при всей своей ответственности – легкой.

Сам Ленин любил всегда смеяться. Улыбка на его лице появлялась чаще, чем у любого другого. Рансом, острый, наблюдательный англичанин, отметил эту наклонность к

веселому, беззаботному смеху у величайшего из людей нашего времени и правильно ее понял. «Это смех силы, – говорит Рансом, – и эта сила заключается не только в огромных способностях Ленина, но и в его коммунизме. Он обладает таким совершенным ключом для отмыкания общественных тайн и трудностей, коммунизм дал ему такую уверенность в незыблемости прогноза, что, конечно, никакой другой деятель не может быть так уверен в себе, своих планах, своих проектах».

Так или приблизительно так (за смысл ручаюсь) говорит Рансом. И это «ленинское» распространялось на всех членов Совнаркома. Работали споро, работали бодро, работали с шутками.

Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени – над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро, быстро текла река докладов, обмена мнений, решений».

Несмотря на проблемы со здоровьем, Ленин продолжал излучать энергию. Казалось, запас его сил безграничен. Это производило огромное впечатление на окружающих. Один французский журналист писал: «Лицо у него беспрерывно меняется, оно все в движении. Ленин похож на себя только в кинематографе. Ни один его портрет не передает его точно. Ленин весь – динамика».

Ленин поощрял споры и дискуссии в правительстве. Не для того, чтобы внести раздор. Он понимал, что принудительное единомыслие может оказаться губительным, а в споре рождается истина. «Как раз и хорошо, что открыто спорят. Они свои взгляды не скрывают и из лучших побуждений спорят, хотят, чтобы было как можно лучше. Когда есть несогласные, голова лучше работает, ведь их переубеждать приходится, веские доводы находить. Сам не всегда все увидишь и предусмотришь, а они своими возражениями и спорами мне помогают на вещи с другой стороны взглянуть», – говорил Ленин.

Огромное внимание уделял Ленин развитию российской науки. Он справедливо считал, что советское государство, устремленное в будущее, должно в первую очередь преодолеть научно-техническую отсталость, характерную для царской России. Первые шаги были сделаны еще в 1918 году. К примеру, в Москве был основан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), ставший ведущим научным авиационным

центром страны. Возглавил его один из пионеров российской авиации – Николай Егорович Жуковский.

Покровительством новой власти пользовались даже те ученые, которые относились к большевикам с плохо скрываемой враждебностью. В январе 1921 года по инициативе Ленина было принято постановление, касавшееся всемирно известного физиолога академика И. П. Павлова:

«Принимая во внимание совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Образовать на основании представления Петросовета специальную комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: тов. М. Горького, заведующего высшими учебными заведениями Петрограда тов. Кристи и члена коллегии отдела управления Петросовета тов. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному издательству в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить комиссии по рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами».

Однако в условиях Гражданской войны оказывать масштабную поддержку научным исследованиям, а также развивать индустриальную базу было невозможно. Только после ее окончания стало возможным не только строить, но и реализовывать громадные планы. В 1920 году была создана Государственная комиссия по разработке плана электрификации России. Комиссию возглавлял один из самых близких друзей Ленина, Глеб Кржижановский. Ленин уделял этому вопросу огромное внимание. Крылатыми стали его слова о том, что «коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны». Ленин говорил о том, что реализация плана должна «наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне

научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю и промышленную, и земледельческую сделаем электрической». Разработанный комиссией план, получивший сокращенное название ГОЭЛРО, был окончательно утвержден Одиннадцатым съездом партии в конце 1921 года. План предусматривал строительство 30 крупных электростанций и закладывал основу для масштабной индустриализации страны. Первенец ГОЭЛРО – Волховская гидроэлектростанция – вступит в строй в 1926 году.

Разумеется, были и противоположные примеры. Осенью 1922 года пароходами и поездами из России были отправлены в эмиграцию более 160 видных представителей российской интеллигенции. На «философском пароходе», как стали называть это явление, покинули страну Питирим Сорокин, Николай Бердяев, Лев Карсавин и другие ученые с мировыми именами. В первую очередь высылка коснулась гуманитариев, хотя уезжали и представители естественных наук. Ленин лично контролировал процесс высылки, еще в мае 1922 года направив Дзержинскому письмо «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». В нем он требовал аккуратно подходить к составлению списков – высылке подлежали только «явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».

В то же время Ленин стремился сохранить научные кадры, которые могли примириться с советской властью. «Ломайте поменьше! Чем меньше наломаешь, тем лучше!» – так призывал он обращаться с профессурой. Свяжите их твердыми программами, давайте им такие темы, которые объективно заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. Например, заставьте их читать историю колониального мира: тут ведь все буржуазные писатели только и знают, что «обличают» друг друга во всяких мерзостях: англичане – французов, французы – англичан, немцы – тех и других».

Ленин не одобрял крайностей и в сфере культуры. К бурно развивавшимся после революции новым направлениям искусства – как литературного, так и изобразительного – он относился с определенным скепсисом. В 1921 году он посетил ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские в Москве – и встретился с их учащимися. Очевидец этой встречи вспоминал: «На вопрос Ленина, что читает сейчас молодежь, любит ли она, например, Пушкина, студенты ответили, что Пушкин «устарел», он «буржуй», и все они стоят за Маяковского – он революционер,

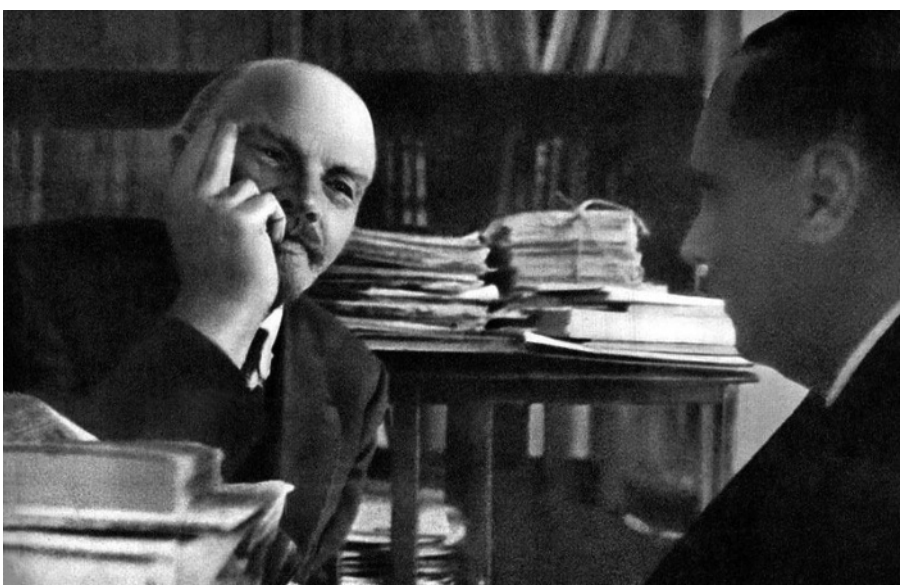
а как поэт намного выше Пушкина. После посещения ВХУТЕМАСа, беседуя с Красиковым, Ленин говорил, что совершенно не понимает увлечения Маяковским (стихи его он совершенно не переносил). Только пусть люди меру знают и не ставят шутов, хотя бы они клялись революцией, выше «буржуя» Пушкина».

Кларе Цеткин, посетившей Москву в 1920 году, Ленин прямо сказал: «Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости». Для него по-прежнему дорогими и ценными оставались произведения мировой классики XIX века и предшествующих эпох, включая античную скульптуру. Вкусы, усвоенные им в молодости, так и не изменились на протяжении жизни.

Еще в 1904 году Ленин выступал против «разрыва с прошлым» в революционной культуре. Собеседнику, требовавшему такого разрыва, он заявил: «Послушав вас, придется признать предосудительными и, чего доброго, вырвать и сжечь многие художественные страницы русской литературы. Ваши суждения бьют по лучшим страницам Тургенева, Толстого, Аксакова. Ведь до сих пор наша литература в преобладающей части писалась дворянами-помещиками. Их материальное положение, окружающая их обстановка жизни – а в ней были и липовые аллеи, и клумбы с цветами – позволяла им создавать художественные вещи, которые восхищают не одних нас, русских. В старых липовых аллеях, по вашему мнению, никакой красоты не может быть, потому что их сажали руки крепостных и в них прутьями драли крестьян и дворовых. Это отголосок упростительства, которым страдало народничество. Мы, марксисты, от этого греха, слава богу, освободились. Следуя за вами, нужно отвернуться и от красоты античных храмов. Они создавались в обстановке дикой, зверской эксплуатации рабов. Вся высокая античная культура, как заметил Энгельс, выросла на базе рабства. Раз Самсонову нравятся липовые и березовые аллеи, клумбы с цветами помещичьих усадеб, значит, заключаете вы, он заражен специфической феодальной психологией и непременно дойдет до эксплуатации мужика. Извольте в таком случае обратить внимание и на меня. Я тоже живал в помещичьей усадьбе, принадлежащей моему деду. В некотором роде я тоже

помещичье дитя. С тех пор много прошло лет, а я все еще не забыл приятных сторон жизни в этом имении, не забыл ни его лип, ни цветов. Казните меня. Я с удовольствием вспоминаю, как валялся на копнах скошенного сена, однако не я его косил; ел с грядок землянику и малину, но я их не сажал; пил парное молоко, но не я доил коров. Из сказанного вами (…) вывожу, что такого рода воспоминания почитаются вами недостойными революционера. Не должен ли я поэтому понять, что тоже недостоин носить звание революционера?»

Ленин поддерживал проведенную после революции реформу русского языка (с исключением некоторых букв), однако многие нововведения (в том числе уродливые аббревиатуры) вызывали у него отторжение. В одной из своих статей он писал: «Русский язык мы портим, иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. (…) Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»



Ленин беседует с Гербертом Уэллсом. По итогам беседы английский фантаст назовет Ильича «кремлевским мечтателем». Ленин охарактеризует собеседника как «филистера»

Одновременно Ленин выступал за активное продвижение

идеологии в сферу искусства. Луначарский впоследствии вспоминал, что именно Ильич сформулировал идею так называемой «монументальной пропаганды». Однажды глава правительства сказал наркому просвещения:

«Давно уже передо мною носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу. Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же. (…)

Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой. Для этой цели вы должны сговориться на первый срок с Московским и Петербургским Советами, в то же время вы организуете художественные силы, выберете подходящие места на площадях. Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтает Кампанелла. Вот почему я говорю главным образом о скульпторах и поэтах. В разных видных местах на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулы, дающие оценку тому или другому великому историческому событию. Пожалуйста, не думайте, что я при этом воображаю себе мрамор, гранит и золотые буквы. Пока мы должны все делать скромно. Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Пусть все это будет временно.

Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы.

Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры».

И действительно, в течение ближайших лет площади советских городов заполнились памятниками Марксу, Энгельсу, Герцену, Бакунину, другим мыслителям и деятелям международного революционного движения. Не обошлось и без памятников самому Ильичу. Считается, что первый памятник ему был установлен в небольшом городке под Воронежем осенью 1918 года. К 1920 году счет памятникам Ленину пошел на десятки.

Открывались они в российской провинции – в Москве ни одной статуи вождя не было до 1925 года. Это, судя по всему, было связано с негативным отношением самого Ленина к «прижизненной канонизации».

Более сложной была позиция Ленина по поводу монументов, оставшихся от «царского режима». Известно, что он приветствовал снос большого количества старых памятников, в первую очередь поставленных представителям дома Романовых. С другой стороны, на запрос петроградских товарищей по поводу того, как поступить с царскими статуями, он ответил: «Все памятники должны оставаться на месте. Пускай будущее поколение видит тех, которые угнетали народ, в том изображении, какое им придала эпоха».

Столь же неоднозначной была позиция Ленина по отношению к театральному искусству. Он любил театр, но считал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», как он заявил в 1922 году Луначарскому. Кино – искусство, доступное массам, театр – элитарное искусство, для которого теперь не время. В 1921 году Ленин выступил за закрытие Большого театра в Москве. «Неловко содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в деревне», – пояснил Ильич свою мысль. Однако его предложение не прошло – большинство в Совнаркоме выступило против.

Не менее сложным и противоречивым было отношение Ленина к религии. Вернее, даже не личное отношение, а политика. По поводу своих личных убеждений Ленин высказывался вполне однозначно. «Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость», – писал он Горькому еще до революции. Однако после того, как большевики пришли к власти, нужно было как-то выстраивать отношения с Церковью.

Революция 1917 года сыграла неоднозначную роль в истории российского православия. С одной стороны, Церковь лишилась привилегированного статуса в государстве; с другой, получила невиданную при царях свободу. В конце 1917 года был впервые за двести с лишним лет избран Московский патриарх. Большинство представителей духовенства, естественно, негативно относились к советской власти, считавшей религию «опиумом для народа» и верной опорой царизма (как минимум второе было абсолютно верным).

Тем не менее Ленин не поддержал идею немедленного генерального наступления на православие. Такие предложения, как массовое закрытие церквей, встречали его сопротивление. Он

понимал, что настраивать против себя миллионы искренне верующих совершенно ни к чему, и считал, что религия сама собой отомрет достаточно быстро.

Как и следовало ожидать, Гражданская война, в которой подавляющее большинство церковных иерархов поддержало белых, привела к еще большей вражде между Церковью и советской властью. Патриарх Тихон предал анафеме большевиков, а в годовщину Октябрьской революции написал: «Мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя». Война была объявлена.

Правда, и тут Ленин выступал против чрезмерной жестокости. «Советская власть не намеревается надеть на его голову венец мученичества», – сказал Ильич, в частности, о патриархе. В стране была развернута кампания по вскрытию рак со святыми мощами, многие из которых на поверку оказывались простыми чучелами. «Не нужно никакого издевательства, а нужен только правильный естественно-научный подход, – говорил по этому поводу Ленин. – Показать то, чем были набиты попами эти чучела, показать, что покоилось, какие именно «святости» в этих богатых раках, к чему так много веков с благоговением относился народ и за что так умело стригли шерсть с простолюдина служители алтаря, – этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч лиц».

В 1921–1922 годах Поволжье было охвачено страшным голодом. Советское правительство стремилось в меру своих сил организовать помощь голодающим. Ленин пожертвовал в фонд помощи свою золотую гимназическую медаль. В качестве чрезвычайной меры началось изъятие церковных ценностей. Священнослужители, естественно, воспротивились этому – за голодающих они предпочитали молиться, а для этого нужна была утварь. «С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, – писал патриарх Тихон. – Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство, мирян – отлучением от нее, священнослужителей – извержением из сана».

Отлучение от Церкви было Ленину безразлично. А вот мятежи, к которым в некоторых районах страны священники подстрекали верующих, – нет. По поводу одного из таких мятежей он написал свои знаменитые слова: «Совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение. (…) Я

думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. (…) Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». Подавлять сопротивление следовало самым жестоким образом: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Один из самых ярких и легендарных эпизодов в ленинской биографии – первомайский субботник 1920 года. Историю о том, как Ильич лично таскал бревна, причем брался за самый тяжелый конец, в Советском Союзе знали все с младых ногтей. И потихоньку посмеивались, привычные к тому, что «хождение в народ» со стороны властей является лишь бутафорией. Однако в данном случае советская пропаганда говорила чистую правду. Ленин действительно таскал самые настоящие бревна. Как мы помним, он многие годы занимался спортом и, несмотря на свои болезни, был человеком физически крепким. Первомай 1920 года был не единственным подобным эпизодом – осенью 1920 года Ленин, например, разгружал дрова на набережной Москвы-реки.

Субботник. Среди тех, кто держит бревно, – Ленин.
И заметьте: это не постановочный кадр

И все же за годы невероятного напряжения сил здоровье

Ленина пошатнулось. Заниматься его восстановлением возможностей практически не было. В аналогичной ситуации оказались и другие большевистские лидеры. Ильич всегда очень внимательно относился к здоровью своих товарищей по партии, рассматривая его как своего рода государственное имущество, о котором следует заботиться. «Расхищать зря казенное имущество, т.е. хворать и подрывать свою работоспособность – вещь недопустимая во всех отношениях», – писал он Горькому еще до революции. «Люди работают буквально до обморока, их нужно кормить вкусно, чтобы они ели больше. Я знаю, что продуктов мало и плохи они, – тут нужен искусный повар», – отдавал он распоряжения в самом тяжелом, 1919 году.

Нельзя сказать, что о здоровье самого Ленина было некому позаботиться; и жена, и сестра Мария постоянно пытались его убедить пощадить себя. Однако практически никто не располагал властью, необходимой для того, чтобы дать ему соответствующее указание. Его по-прежнему мучили головные боли и бессонница. Есть информация о том, что в это время он перенес несколько микроинфарктов. Только 4 июня 1921 года Политбюро приказало ему отправиться на месяц в Горки. Тем же летом выяснилось, что Ленин серьезно болен.

Сам председатель Совнаркома считал, что расслабляться нельзя ни на минуту: слишком много дел, требующих немедленного решения. Еще не было окончательно обеспечено единство партии, еще не все поняли, что НЭП, говоря словами самого Ильича, – это «всерьез и надолго».

Яблоком раздоров оставались и международные дела. Многие в партии не были готовы отказаться от лозунга мировой революции и забыть еще недавно считавшийся непререкаемым тезис о том, что социализм в России не выживет, если не распространится на весь мир. Сотрудничество с зарубежными капиталистами-эксплуататорами, совсем недавно организовавшими интервенцию, представлялось многим едва ли не кощунством. Многим, но не Ленину. В марте 1921 года было заключено англо-советское торговое соглашение. Интерес к российскому рынку демонстрировали немцы и американцы. Это способствовало и внешней безопасности советского государства, и развитию его экономики. Позднее, осенью 1921 года, советский Наркомат иностранных дел выступил с пространной нотой, предлагавшей западным державам нормализацию отношений. «Ставя себе целью удовлетворение интересов всего трудящегося народа России, Рабоче-Крестьянское Правительство, победоносно вышедшее из неслыханных испытаний гражданской войны и интервенции, открывает возможность частной инициативе и

капиталу сотрудничать с властью рабочих и крестьян в разработке естественных богатств России, – говорилось в этом документе. – Советское Правительство восстановило частную торговлю, частную собственность на мелкие предприятия, право концессий и аренды на крупные. Советское Правительство предоставляет иностранному капиталу правовые гарантии и достаточную часть прибыли для удовлетворения его интересов, чтобы привлечь его к участию в экономической работе в России. Идя по этому пути, Советское Правительство стремится к экономическим соглашениям со всеми державами, для чего в конечном счете абсолютно необходимо заключение окончательного мира между Россией и другими государствами».

Теперь Ленин возражал против слишком поспешных действий европейских революционеров. Он осудил неудачное восстание, поднятое Компартией Германии в марте 1921 года. Ильич считал, что такие попытки только ослабляют международное рабочее движение. Необходимо запастись терпением и ждать благоприятного момента. «Когда я сам был эмигрантом, – заявил Ленин, – я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу). В августе 1917 года я также был эмигрантом и внес в Центральный Комитет партии слишком «левое» предложение, которое, к счастью, было начисто отклонено». Большевистский лидер умел, если необходимо, признавать свои ошибки – хотя, как и большинство людей, делал это с неохотой. «Ошибаться свойственно каждому человеку, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся в настоящий момент», – сказал он как-то раз.

В конце 1921 года было принято решение об отправке делегации на международную конференцию в Геную. Впервые дипломаты Советской России должны были участвовать в мероприятии такого уровня. Предметом обсуждения были финансовые проблемы Европы, в том числе старые русские долги и германские репарации. В Европе долгое время циркулировал слух о том, что во главе советской делегации в Геную приедет сам Ленин. Никакой реальной основы под собой он не имел; Ильич не собирался покидать пределы России. Однако именно он составил инструкции для советской делегации, которую возглавлял нарком иностранных дел Чичерин.

Конференция открылась в апреле 1922 года. Не добившись уступок со стороны Лондона и Парижа, Чичерин пошел на сближение с немцами. 16 апреля был подписан российско-германский Рапалльский договор. Москва и Берлин признавали друг друга без всяких дополнительных условий на основе взаимного отказа от претензий. Договор проделал огромную

брешь в дипломатической изоляции Советской России и стал безусловным успехом Кремля. Ленин попенял Чичерину на некоторые отступления от инструкций, однако в целом был доволен. Линия на раскол в лагере империалистических держав демонстрировала свою эффективность. Готовя проект постановления ВЦИК, Ленин писал: «Действительное равноправие двух систем собственности хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности, – дано лишь в Рапалльском договоре. Поэтому ВЦИК приветствует Рапалльский договор, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн (пока остаются две системы собственности, в том числе столь устарелая, как капиталистическая собственность); признает нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам лишь такого типа договоры; поручает СНК и НКИДел вести в этом духе политику».

Ленин с кошкой. Самое «уютное» фото вождя

Жизнь страны входила в нормальную колею. Время выживания, время чрезвычайных мер завершалось. «Без Ленина Российская коммунистическая партия не протянула бы дольше конца 1921 года», – считает один из зарубежных биографов Ильича Роберт Сервис. Ценой неимоверных усилий и благодаря своему огромному политическому таланту председателю Совнаркома удалось вывести и партию, и страну из кризиса. С 1922 года ситуация и в экономике, и во внешней политике начала постепенно улучшаться. Однако здоровье самого Ильича двигалось в прямо противоположном направлении.

Глава 10
Умирающий

Летом 1921 года силы Ленина оказались на исходе. Политбюро вынуждено было продлить ему отпуск, который он проводил в Горках. Врачи, осматривавшие вождя, затруднялись поставить ему точный диагноз, однако все были единодушны в том, что Ильичу надо поменьше работать. Однако как раз такое требование было для него неприемлемо. Ленин распорядился провести прямую телефонную линию до Подольска, чтобы в случае необходимости иметь возможность срочно связаться с Кремлем. С собой он взял огромное количество книг, в первую очередь справочной литературы, которая должна была помогать ему в работе.

Горки были расположены в прекрасном уголке Подмосковья. Свежий и чистый воздух, практически нетронутая природа, красивая речка поблизости – все это должно было способствовать выздоровлению. Однако здоровье Ленина никак не шло на поправку. Ни светила отечественной медицины, ни нанятые за огромные деньги немецкие профессора не могли поставить ему диагноз. В начале 1922 года он пожаловался профессору Даршкевичу на апатию, отсутствие душевного покоя и периодические «обсессии» (навязчивые состояния). «Каждый революционер, достигши пятидесяти лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая и подошла незаметно ко мне; я совсем стал не работник», – рассказывал Ленин профессору.

Даршкевич решил, что имеет дело с мозговым истощением, вызванным годами перенапряжения и непрерывной работы. Он поставил Ленину строгие ограничения, запретив, к примеру, выступать на публике более чем один раз в месяц. Однако Ильич к этим рекомендациям отнесся весьма вольно, постоянно нарушая их и продолжая достаточно много работать за письменным столом.

Вскоре ему пришлось перенести хирургическую операцию. Доктор Клемперер решил, что виной всему застрявшая в мягких тканях шеи пуля, отравляющая мозг свинцом. В конце апреля пулю извлекли. Казалось, состояние больного действительно улучшилось, однако 25 мая Ленин пережил обширный удар. Была

парализована правая сторона его тела, он практически не мог говорить. Даже вопрос о том, выживет ли он, оставался открытым.

Через несколько дней ведущие специалисты собрались на консилиум. Именно тогда было впервые высказано предположение о наличии у Ленина сифилиса. Надо сказать, что болезни мозга тогда были исследованы гораздо хуже, чем сейчас. Сифилис же считался заболеванием, вызывавшим целый букет побочных эффектов, и поэтому на него было удобно сваливать любые сложные случаи. Ряд врачей сразу не согласился с таким диагнозом. Профессор Россолимо, например, прямо заявил Ленину, что лучше бы у него действительно был сифилис, который по крайней мере понятно, как лечить. Впоследствии выяснилось, что Россолимо и его единомышленники правы. Однако легенда о «ленинском сифилисе», как и о «германском шпионе», гуляет по сегодняшний день.

Альтернативными диагнозами, которые обсуждали врачи, была неврастения (снова весьма широкое понятие, под которым подразумевались различные виды нервного истощения) и церебральный атеросклероз (заболевание артерий головного мозга). В любом случае все споры о диагнозе заканчивались одним: больному нужно отойти от дел и избегать переутомления. Ленин слушал врачей с явным недовольством. «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать, – сказал он как-то раз. – Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!»

Больше всего Ильич в это время боялся даже не смерти, а медленного угасания, сопровождавшегося физической и интеллектуальной беспомощностью. Смерть была в его глазах гораздо лучше. Он, без сомнения, вспоминал о супругах Лафарг, покончивших с собой в 1911 году, чтобы не испытывать унизительной старческой немощи. В конце мая 1922 года Ленин обратился к Сталину с просьбой достать для него яд на случай, если состояние здоровья станет совсем плохим. Сталин рассказал о ленинской просьбе Бухарину и Марии Ильиничне. Посоветовавшись, решили попытаться убедить Ленина, что его положение отнюдь не безнадежно. В конечном счете близкие и врачи совместными усилиями заставили Ильича поверить в то, что после длительного отдыха он сможет вернуться к активной деятельности. Другого способа заставить его исполнять предписания медиков попросту не существовало.

И Ленин, действительно, некоторое время пытался отдыхать от политики. Его организм потихоньку восстанавливался после паралича. Ему приобрели собаку, Айду, которая сопровождала его на прогулках. Ленин много гулял по лесу, ходил за грибами, интересовался сельским хозяйством на прилегающих к Горкам

территориях. Он много времени проводил с детьми, в первую очередь своим племянником Виктором (сыном Дмитрия). В роли сиделки выступала в первую очередь Надежда Константиновна. Супруги уже давно не проводили вместе так много времени, как в то лето 1922 года.

Состояние Ленина то улучшалось, то снова ухудшалось. В июле и августе последовали новые удары, после каждого из которых он был обречен на несколько дней неподвижности. Периодически он принимался за работу, писал письма товарищам, оставшимся в Москве. Его требования бывали иногда излишне категоричными, формулировки жесткими и даже грубыми – состояние здоровья сказывалось на текстах очень сильно. Летом 1922 года на повестку дня вновь встал вопрос о государственном устройстве молодой республики. Сталин представил свой план, в соответствии с которым национальные окраины должны были войти в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на правах автономий. У этой идеи было достаточно большое число сторонников. 23 сентября план был одобрен на заседании комиссии Оргбюро ЦК партии.

Ленин и Крупская в Горках. Конец уже близок

Уже несколько дней спустя Ленин выдвинул контрпроект, который предусматривал равноправие России и других союзных

республик в рамках нового государственного организма – Союза Советских Социалистических Республик. В начале октября Ильич даже вернулся в Кремль и попытался в прежнем объеме приступить к своим обязанностям. «Я даже стал «благоразумным», по крайней мере по терминологии господ докторов. Я работаю, но щажу себя, – заявлял он. – Покорно благодарю, больше не хочу болеть. Это скверная штука, – дел очень много».

6 октября ЦК принял ленинский проект, однако с существенными поправками, усиливавшими влияние Москвы в новой федерации. Таким образом, итоговый документ получился компромиссным между позициями Сталина и Ленина. В декабре 1922 года было торжественно провозглашено создание СССР. Первым Председателем Совета народных комиссаров СССР, сформированного в июле 1923 года, стал Ленин, однако реально выполнять свои обязанности он к тому времени уже не мог.

Ленин продолжал бороться – за включение в состав ВЦИК как можно большего числа представителей рабочих и крестьян, за расширение состава ЦК, против возможного раскола партии. Теперь угрозу такого раскола он видел в ссоре Сталина и Троцкого. В конце ноября – начале декабря его состояние вновь ухудшилось, временами казалось, что он не переживет очередного удара. В этой обстановке Ленин начал диктовать документ, получивший неофициальное название «политического завещания». Официально оно называлось «Письмо к съезду». Известно оно в первую очередь критикой в адрес Сталина. На самом деле, ключевая мысль этого короткого документа была гораздо сложнее.

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе, – писал Ленин. – В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), – если бы мы не предприняли такой реформы. (…) Я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. (…) Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз. (…) Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. (…)

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий (…) отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому. Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики). Затем Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе. Конечно, и то и другое замечание делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним

перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже троякой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. Поэтому тем «критикам», которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас. Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата».

Столь длинную цитату необходимо было привести здесь потому, чтобы показать: вопреки легенде критика Сталина занимает в документе отнюдь не центральное место. Более того, ни одного из своих сподвижников Ленин не характеризует целиком и полностью положительно. Ему, стоявшему на краю могилы, не было нужды играть в дипломатию. Главная его забота состояла в том, чтобы дело всей его жизни не погибло после его смерти. В декабре 1922 года Ленин все еще надеялся выступить на Десятом всероссийском съезде Советов, о чем сообщал в письме Сталину. Однако здоровье его снова ухудшилось, и этому плану не суждено было сбыться.

18 декабря ЦК официально запретил Ленину всякую активную общественную работу. Решение гласило: «Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут,

но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений». Ленин, по воспоминаниям младшей сестры, взбунтовался: «Владимир Ильич категорически заявил, что, если ему не будет разрешена эта работа хотя бы в течение получаса в день, он отказывается от всякого лечения». ЦК вынужден был пойти на уступки.

Контролировать режим больного Ильича назначили Сталина. Уходящий и будущий вожди расходились друг с другом по ряду вопросов (помимо государственного устройства страны, большую роль в их разногласиях играл вопрос о монополии внешней торговли), однако они оставались соратниками. Конечно, представляя Сталина верным учеником и последователем Ленина, пропаганда тридцатых годов перегибала палку. Но считать будущего «отца народов» тайным противником Ильича, как это иногда делается в последнее время, – спекуляция, не имеющая под собой серьезных оснований. У Ленина в разное время были разногласия по тем или иным вопросам со всеми своими сподвижниками, и делать из этого далеко идущие выводы было бы неправильно.

Даже конфликт Сталина и Крупской не внес долговременного разлада в отношения двух лидеров. Тем более что виноваты в нем были, строго говоря, обе стороны. Крупская способствовала нарушению установленного для Ленина лечебного режима, и Сталин, узнав об этом, грубо обругал ее. Ленин узнал об этом несколько месяцев спустя и послал Сталину гневное письмо: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения». Сталин предпочел извиниться.

Самыми близкими Ленину людьми были в тот момент его секретари – Мария Володичева и Лидия Фотиева. Ильичу разрешили диктовать от пяти до десяти минут в день, и он спешил воспользоваться этим правом. Ему, всегда писавшему быстро и легко, теперь было сложно формулировать свои мысли. Иногда Ленину приходилось мучительно размышлять, чтобы завершить очередную фразу. Однако он диктовал один текст за другим. О придании законодательных функций Госплану. О национальном вопросе и автономизации (здесь он по-прежнему отстаивал свою точку зрения на структуру Союза и критиковал «великороссов-шовинистов», к числу которых относил и Сталина).

О кооперации (развитию которой Ленин призывал уделять максимально возможное внимание). О реорганизации Рабоче-Крестьянской Инспекции (Рабкрина).

В январе 1923 года Ленин надиктовал небольшой документ «О нашей революции». Бросая взгляд назад, он заявил: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis… on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».

Ильич не боялся критиковать текущее положение дел. Он, смертельно больной, не прятал недостатки за красивыми фразами. Привыкший к официальному советскому славословию времен «застоя» человек бывал искренне поражен, читая, к примеру, его статью «Лучше меньше, да лучше», написанную 2 марта 1923 года (и опубликованную два дня спустя в «Правде»). Ленин с характерной для него прямотой писал:

«Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно

заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет. (…)

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых – учиться, во-вторых – учиться и в-третьих – учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».

От проблемы реформирования Рабкрина, органа, на который он возлагал особые надежды, Ленин перешел к международной ситуации.

«Система международных отношений, – писал он, – сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями – это Германия. Затем ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, – уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в

общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. (…)

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Ленин продолжал верить в мировую революцию. Однако теперь он считал, что эта революция придет не с Запада, а с Востока, со стороны тех зависимых и бедных стран, которые начали поднимать голову в борьбе с сытой и процветающей Европой.

В начале 1923 года казалось, что дела Ильича медленно идут на поправку. Он начал диктовать все более и более длинные тексты. Однако 10 марта Ленин вновь перенес сильный удар, правая сторона его тела была парализована полностью. Он страдал от бессонницы и ужасных головных болей и почти не мог говорить. Только через два месяца он окреп настолько, чтобы появилась возможность перевезти его из Кремля в Горки, не подвергая опасности его жизнь. Время, когда Ленин оказывал хоть какое-то влияние на развитие событий в советском государстве, ушло в прошлое. Политически он уже умер. Оставалось ждать, когда наступит физическая смерть. К этому моменту все, кто окружал его, окончательно утратили надежду на выздоровление.

И Мария, и Надежда неотлучно находились при Ленине. Когда он смог более или менее членораздельно говорить, он обратился к ним с просьбой добыть ему яд. Они отказали. Врачи, осматривавшие Ленина, так и не смогли прийти к заключению относительно характера его болезни. Окончательный диагноз стал известен только после его смерти: это был атеросклероз, поразивший левую сонную артерию. Течение болезни было не вполне типичным для атеросклероза – параличи исчезали сравнительно быстро, не было болей в сердце, а интеллект

сохранялся в полном объеме до последних дней жизни. Только вскрытие дало возможность поставить окончательный диагноз. В то же время до сегодняшнего дня остается спорным, какой вклад в развитие болезни внесла пресловутая пуля. По мнению ряда медиков, «вокруг пули возникла гематома, что привело к сдавливанию сонной артерии, и именно в этом месте на внутренней стенке артерии начали образовываться атеросклеротические бляшки, т. е. стал развиваться атеросклероз, который в дальнейшем привел к нарушению мозгового кровообращения». Другие, не менее именитые специалисты, полагают, что решающую роль сыграла наследственность – отец Ленина, тоже не щадивший себя на работе, скончался примерно в таком же возрасте от той же болезни.

В июле 1923 года Ленин попросил отвезти его в Кремль. Он посетил свою старую квартиру, пустой зал заседаний Совнаркома. Попросил взять с собой кое-какие книги. Это был последний его приезд в столицу. К осени Ленин начал ходить, а к Новому году в Горках организовали елку для местных ребятишек. Приехал навестить Ленина и Гора Лозгачев.

«Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. Владимир Ильич усмехался на шутки. Искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали, – рассказывал о событиях осени 1923 года один из очевидцев. – Ужиная с нами, угощал нас и сидел подолгу, участвуя в разговоре своим немногосложным запасом слов, который в конце концов мы в значительной степени научились понимать. Во все эти посещения при мне он всегда был весел».

Состояние Ильича, однако, оставалось нестабильным. Жена временами говорила с ним о политике, однако скрывала информацию о разногласиях в партийном руководстве, где предсказанная Лениным борьба Сталина и Троцкого достигла своего пика. Все это уже не касалось умирающего вождя. 21 января 1924 года состояние Ленина резко ухудшилось. Вечером он впал в кому. В 18.50 его не стало.

Находившийся при Ленине фельдшер Рукавишников вспоминал: «Около 6 часов начался припадок, судороги сводили все тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, следили за деятельностью сердца и пульса, а я держал компресс на голове Вл. Ил-ча. В 6 ч. 35 мин. я заметил, что температура вдруг поднялась. Я сказал об этом пр. Осипову и сейчас же поставил термометр. Без 13 минут семь я вынул

термометр и был ошеломлен – 42,3. Пр. Осипов и пр. Ферстер сразу даже не поверили этому и сказали, что это ошибка. Но это не было ошибкой – через 3 минуты Владимира Ильича не стало».

Прощание с Лениным проходило в Москве в трескучий мороз. Гудели заводские гудки. Бесконечная очередь людей, приехавших из разных концов страны, молча проходила мимо гроба вождя. Люди плакали. Они плакали во всех городах и селах огромной страны. Ленин еще при жизни стал в глазах миллионов людей почти божеством, народным заступником, думавшим о благе простых людей. Насколько заслуженной была эта репутация, сказать сложно. Не подлежит сомнению одно: только лишь пропагандой создать ее было невозможно. Несмотря на голод, разруху, ужасы Гражданской войны, многие жители новой России давали положительную оценку тому, что сделал Ильич. И в их трауре было гораздо больше искренности, чем в стандартных, избитых славословиях, которые повторяли их внуки в семидесятые.

Откликнулись на смерть Ленина и современники. Патриарх германской социал-демократии Карл Каутский, не одобрявший Октябрьской революции и являвшийся идейным противником Ленина, писал: «Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории. Между правителями великих государств нашего времени имеется только один, который хоть сколько-нибудь приближается к нему по своей силе. Это был Бисмарк». Французский премьер-министр Эррио вторил ему: «Нет нужды указывать, как далек я (…) от ленинского учения, но я всегда восхищался его исключительными дарованиями государственного человека, его решительностью, энергией и действительно энциклопедической образованностью. Я уверен, что если бы он жил, то он бы еще многое сделал для своей страны, ибо это был человек, который умел оценивать всякое положение и находить выход из него». Его соотечественник, писатель Ромен Роллан, говорил примерно о том же: «Я не разделяю идей Ленина и русского большевизма (…), но я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в Западной Европе».

Похороны Ильича. Их горе не было поддельным

Здесь самое место поставить точку. Решение о бальзамировании тела Ленина, о строительстве мавзолея на Красной площади, о грандиозной кампании монументальной пропаганды – все это было уже потом, после того, как сердце Ленина перестало биться. А значит, это часть совсем другой истории.

Послесловие

Писать послесловие всегда очень трудно.

Потому что вроде бы все, что хотел сказать, уже сказано в тексте книги, а повторяться не хочется.

И все же подведу некоторые итоги.

На протяжении почти семи десятков лет из Ленина делали икону. Безгрешного, мудрого, скромного в быту, человеколюбивого, гениально умного. Ни дать ни взять православный святой.

А он не был святым. Он был человеком. Хочется написать «всего лишь человеком». Но разве быть человеком – это «всего лишь»? Ленин мог бы сказать про себя, как древние римляне: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

Весь вал негатива, обрушившийся на Ленина в годы перестройки и позднее, был нацелен именно на уничтожение этой иконы, имевшей мало отношения к реальному Ильичу. Критики с жаром доказывали, что у Ленина были свои человеческие слабости. На это можно ответить одно – странно было бы, если бы дело обстояло иначе.

Забавно, что и ярые сторонники Ленина, и не менее ярые противники фактически отказывали ему в этом праве – быть человеком. Одни рисовали его ангелом, другие – дьяволом. А он не был ни тем, ни другим.

Он был выдающимся политиком, а выдающиеся политики, особенно успешные, ангелами не бывают. Ленин умел добиваться своих целей, используя самые разные средства. Не все из них были идеальны с моральной точки зрения. Что ж, для Ленина на первом месте была именно цель.

Ленин не любил признавать свои ошибки. Он был непоколебимо уверен в собственной правоте. Легко рвал личные отношения в интересах дела, жертвуя дружбой и даже любовью. Был готов на жесткие меры ради достижения поставленных целей, не раз призывал к массовым репрессиям. Этот список можно продолжать. Но нельзя забывать и о другом, противоположном списке.

Ленин был очень умен. Мощь интеллекта дополнялась глубокими познаниями в самых разных областях. Сейчас сложно представить себе политического лидера, который самостоятельно написал хотя б десятую часть от того, что за свою жизнь опубликовал Ленин. Он был беззаветно предан тому делу, которому посвятил свою жизнь. Он искренне стремился построить лучшее государство, в котором исчезла бы эксплуатация человека

человеком, не было бы голода и нищеты, царили бы братство и свобода. Он был талантливым политиком, умевшим сочетать твердость в принципиальных вопросах с тактической гибкостью. Он умел принимать правильные решения в сложнейших ситуациях. Он обладал прекрасным чувством юмора, был интересным собеседником и любил детей. И этот список тоже можно продолжать.

Однако самым главным является то, что Ленин был создателем советского государства. Именно благодаря его деятельности советская власть не только победила, но и окрепла настолько, что просуществовала еще без малого семь десятилетий после его смерти. Не каждый великий правитель может похвастаться таким достижением. Другой вопрос – как оценивать эту эпоху. Был ли советский период временем расцвета и подъема или эпохой национальной катастрофы? И снова реальность оказывается гораздо сложнее, чем простые черно-белые штампы. Тем более что многое здесь зависит от личных приоритетов того, кто выносит суждение.

В 2008 году с большой помпой был проведен конкурс «Имя России». Гражданам России предлагалось выбрать самых значимых деятелей российской истории. Имя Ленина прочно закрепилось в первой десятке. К финалу конкурса Ильич вышел на первое место, однако затем организаторы аннулировали все голоса, сославшись на хакерские атаки.

Вместе с Лениным в первой десятке финалистов находился человек, имя которого известно не менее широко, хотя и по совершенно другой причине. Это – великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Казалось бы, мало что связывает эти две фигуры из разных эпох и сфер. Однако Пушкин был одним из любимых поэтов Ленина. И нам достаточно взять в руки поэму «Медный всадник», чтобы прочитать:

> О мощный властелин судьбы!
> Не так ли ты над самой бездной,
> На высоте, уздой железной,
> Россию поднял на дыбы?

Эти пушкинские строки, посвященные Петру Великому, можно с полным на то правом адресовать и Ленину.

Основные даты жизни В. И. Ульянова-Ленина

1870, апрель – Владимир родился в семье российского провинциального чиновника в Симбирске

1879 – Поступление в гимназию

1886, январь – Смерть отца

1887, май – Казнь старшего брата Александра за подготовку покушения на императора

1887, лето – Окончание гимназии с золотой медалью и поступление в Казанский университет

1887, декабрь – Отчисление из университета в связи с участием в студенческих беспорядках. Начало участия в работе нелегальных кружков

1891 – Сдача экстерном экзаменов и получение диплома юриста в Петербургском университете

1893 – Переезд в Петербург, участие в работе марксистских кружков

1895, лето – Первое заграничное путешествие

1895 – Основание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и арест

1897 – Отправка в ссылку в Шушенское (Восточная Сибирь)

1898 – Женитьба на Надежде Константиновне Крупской

1899 – Публикация первой крупной работы «Развитие капитализма в России»

1900 – Возвращение из ссылки, переезд в Швейцарию и Германию. Начало выпуска газеты «Искра»

1902 – Публикация под псевдонимом «Ленин» работы «Что делать?», которая принесла известность Владимиру Ульянову

1903 – Участие во Втором съезде РСДРП. Расхождение с меньшевиками, выход из редакции «Искры»

1905, ноябрь – Возвращение в Россию после начала Первой русской революции

1906 – Первое крупное публичное выступление

1907, декабрь – Новая эмиграция из России

1909 – Знакомство с Инессой Арманд

1912 – Пражская конференция большевиков, углубление раскола с меньшевиками

1914 – Начало Первой мировой войны. Формулировка тезиса о «превращении войны империалистической в войну гражданскую»

1916 – Написание труда «Империализм как высшая стадия

капитализма»

1917, апрель – Возвращение из эмиграции через Германию. «Апрельские тезисы»

1917, июль – Переход на нелегальное положение. Жизнь в Разливе и на финской территории. Написание работы «Государство и революция»

1917, октябрь – Вооруженное восстание против Временного правительства. Из разыскиваемого полицией преступника Ленин становится главой государства. Первые декреты советской власти

1918, март – Подписание Брестского мира с Германией. Перенос столицы в Москву

1918, август – Покушение Фанни Каплан, опасное ранение

1919 – Создание Коммунистического интернационала

1921 – Переход к Новой экономической политике

1922 – Ухудшение здоровья, постепенный отход от дел.

1924, январь – Смерть в Горках